

06
К-

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

К-
38

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

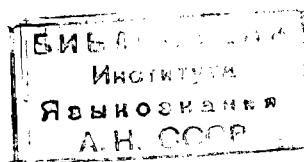
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

16

н. 6184

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва • 1955

Редакционная коллегия

И. А. ХРЕНОВ (отв. ред.), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Д. КОРОЛЮК,
И. И. КОСТЮШКО, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Е. В. ЧЕШКО

В. И. Овчаров

УСПЕХИ ПОЛЬСКОГО НАРОДА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА

В июле 1944 г. героическая Советская Армия, при участии Войска польского, громя немецко-фашистские войска, вступила на территорию Польши и начала освобождение ее от фашистского ига. Разгромив гитлеровских захватчиков, Советский Союз своей исторической победой оказал братскую помощь польскому народу в его борьбе за национальное и социальное освобождение. Благодаря исторической победе Советского Союза польский народ воссоединил в польском государстве исконные польские земли и получил свободный выход к Балтийскому морю.

Советский Союз помог польскому народу сорвать планы польской реакции, стремившейся развязать в стране гражданскую войну, и не допустил вооруженного вмешательства англо-американских империалистов во внутренние дела польского народа.

С освобождением польских земель демократические силы Польши, во главе с революционным авангардом рабочего класса — Польской рабочей партией, начали создавать новое, народно-демократическое польское государство.

По инициативе Польской рабочей партии 21 июля 1944 г. Крайова Рада Народова приняла декрет о создании Польского комитета национального освобождения (ПКНО) — центрального исполнительного органа новой, народной власти — власти рабочих и крестьян.

22 июля 1944 г. Польский комитет национального освобождения провозгласил исторический Июльский манифест, ставший программой строительства народно-демократической Польши.

Июльский манифест ПКНО выразил стремления и чаяния трудящихся масс Польши. Он определил задачи польского народа в его борьбе за свободу и независимость и пути построения нового общественного строя. Манифест призывал польский народ, в тесном союзе с СССР, победоносно завершить национально-освободительную войну против фашистских захватчиков, создать органы народной власти, осуществить революционно-демократические преобразования — ликвидацию помещичьего землевладения и крупного капитала. Манифест провозгласил демократические свободы, равенство всех граждан, без различия рас, вероисповедания и национальностей, свободу политических и профессиональных организаций и собраний. Манифест определил принципы внешней политики новой Польши, основанные на равноправии и уважении суверенных прав народов, дружбе и сотрудничестве с народами Советского Союза и других стран.

Проводя в жизнь революционные принципы Июльского манифеста, польский народ, руководимый Польской рабочей партией, создал проч-

ное народно-демократическое государство рабочих и крестьян, провел коренные революционные преобразования в общественно-экономической жизни — аграрную реформу и национализацию промышленности, восстановил разрушенное гитлеровскими оккупантами народное хозяйство страны и ныне успешно осуществляет шестилетний план строительства основ социализма в Польше.

Одним из важных преобразований, проведенных в Польше после ее освобождения, на первом этапе народно-демократической революции, была аграрная реформа.

Помещичье-капиталистическая Польша была отсталой аграрно-промышленной страной со значительными феодальными пережитками. Аграрный вопрос в Польше являлся одним из самых острых. В то время как небольшой кучке помещиков принадлежали огромные земельные владения, миллионы крестьян были безземельными и малоземельными. По переписи 1921 г., хозяйствам, имевшим свыше 50 га и составлявшим менее 1% хозяйств страны, принадлежала почти половина всех земель (47,3%). Между тем крестьяне, имевшие до 5 га земли, хозяйства которых составляли 64,6% всех хозяйств, владели около 14,8% земли. Крупное помещичье землевладение, наличие пережитков феодализма задерживали развитие производительных сил страны.

Безземельные и малоземельные крестьяне постоянно испытывали лишения и нищету, подвергались жестокой эксплуатации со стороны помещиков, кулаков и капиталистов. Из-за земельного «голода» и слабого развития промышленности в польской деревне имела постоянная армия «лишних» людей, достигавшая нескольких миллионов человек.

Немецко-фашистская оккупация причинила огромные разрушения сельскому хозяйству Польши. Она усилила нужду крестьянских масс, привела к дальнейшему упадку сельского хозяйства.

Вопрос об осуществлении аграрной реформы после освобождения страны был выдвинут демократическими слоями населения во главе с ППР как неотложная задача народно-демократической революции в Польше. Защищая подлинные интересы трудового крестьянства, ППР руководила борьбой трудящихся масс за ликвидацию класса помещиков и уничтожение феодальных пережитков в польской деревне. Рабочий класс оказал большую помощь многомиллионным массам крестьянства в реализации декрета ПКНО о проведении аграрной реформы. В результате проведения аграрной реформы было ликвидировано крупное помещичье землевладение. Осуществив аграрную реформу и заселение воссоединенных западных земель, народная власть передала во владение трудового крестьянства 6,1 млн. гектаров земли¹. Огромное количество безземельных и малоземельных крестьян получили землю.

Народно-демократическая власть освободила сельское хозяйство от феодальных пут, а крестьян — от эксплуатации помещиков и капиталистических элементов города, уничтожила материальную основу польской реакции. Она упразднила громадную задолженность деревни.

Аграрная реформа коренным образом изменила социальный состав сельского населения. Помещики были ликвидированы как класс, исчезла армия безработных в сельском хозяйстве, окрепло малоземельное крестьянство, произошло значительное осереднячение деревни. Было ослаблено влияние кулачества в деревне.

Аграрная реформа создала условия для дальнейшего развития производительных сил в сельском хозяйстве и подъема материального и культурного уровня трудового крестьянства.

¹ «Nowe drogi», 1954 № 3.

В ходе реализации декрета об аграрной реформе еще больше укрепился союз рабочего класса с трудовым крестьянством, являющийся прочной основой народно-демократического строя в Польше. Тысячи передовых крестьян вступили в ППР, а затем в Польскую объединенную рабочую партию, принимая самое активное участие в возрождении польской деревни, в деятельности Союза крестьянской взаимопомощи, в кооперативном движении. Освобожденное от помещичье-капиталистического гнета трудовое крестьянство вместе с рабочим классом и под его руководством активно строит новую жизнь, создает экономический фундамент социализма в Польше.

Борьба польского народа, возглавляемого Польской рабочей партией, за победу народно-демократического строя, за построение социализма была неразрывно связана с борьбой за национализацию основных отраслей народного хозяйства — промышленности, транспорта, банков — и превращение их в общенародную собственность. Национализация промышленности и вместе с тем ликвидация класса крупных и средних капиталистов была одной из основных задач народной революции. Под руководством ППР рабочий класс еще в ходе освобождения страны взял в свои руки управление важнейшими отраслями народного хозяйства, что позволило ему избавить страну от инфляции и быстро наладить хозяйственную жизнь. Однако дальнейшее экономическое развитие страны требовало законодательного закрепления основных экономических рычагов за государством.

Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, опытом борьбы Коммунистической партии Советского Союза, ППР, наряду с проведением аграрной реформы, возглавила борьбу рабочего класса за осуществление национализации основных отраслей народного хозяйства.

Проведение национализации обуславливалось действием объективных экономических законов развития общества. Экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, пробивавший себе путь в народно-демократической Польше, требовал ликвидации частной собственности на средства производства и передачи их в общественную собственность с тем, чтобы открыть простор развитию производительных сил.

I съезд Польской рабочей партии, состоявшийся в декабре 1945 г., подвел итоги борьбы за политическое и экономическое укрепление народно-демократического строя, а также наметил очередные задачи партии в деле восстановления народного хозяйства, улучшения снабжения деревни промышленными товарами, особенно машинами и сельскохозяйственным инвентарем, усиления помощи бедняцким и середняцким хозяйствам, повышения жизненного уровня трудящихся города и деревни.

По вопросу о национализации важнейших отраслей народного хозяйства I съезд ППР принял следующее историческое решение: «Съезд призывает Центральный комитет добиться, вместе с другими демократическими партиями, принятия декрета о национализации крупной и средней промышленности, железных дорог и банков». Съезд указал на необходимость дальнейшего укрепления союза рабочих и крестьян как политической основы нового, народно-демократического строя.

Решения I съезда ППР вооружили партию и польский народ программой борьбы за дальнейшие революционные преобразования в общественно-экономическом строе страны. Предложение Польской рабочей партии о национализации крупной и средней промышленности, транспорта, банков и в нешней торговли получило поддержку со стороны

Польской социалистической партии, единых польских профсоюзов и других демократических партий (Стронництво людове, Стронництво демократичне).

Против национализации основных отраслей народного хозяйства ожесточенную борьбу вели капиталистические элементы, опиравшиеся в своей подрывной деятельности на поддержку империалистических американо-английских кругов.

Несмотря на сопротивление внутренней и внешней реакции, IX сессия Крайовой Рады Народовой, по предложению ППР, 3 января 1946 г. приняла декрет о национализации крупной и средней промышленности, транспорта, банков и страховых обществ. В декрете указывалось, что национализация основных отраслей народного хозяйства осуществляется «в целях планового восстановления народного хозяйства, обеспечения экономической независимости государства и повышения общего благосостояния»¹.

В результате осуществления декрета о национализации промышленности в руки государства перешли основные отрасли народного хозяйства.

Национализация промышленности означала, что народная власть, наряду с ликвидацией класса помещиков, ликвидировала также класс крупных и средних капиталистов. «Тем самым, — указывал В. М. Молотов, — были подорваны корни капитализма и системы эксплуатации народа. Это означает, что Польша твердо встала на путь социалистического строительства, на путь создания фундамента социализма»².

В результате национализации крупной и средней промышленности, транспорта и банков, внешней и, частично, внутренней торговли был создан социалистический сектор, который стал господствующим в промышленности и ведущим во всем народном хозяйстве. Уже в 1946 г. продукция социалистического сектора в промышленности (национализированная и кооперативная промышленность) составила 86,3% по отношению ко всей промышленной продукции (включая и ремесленную).

Обобщественные отрасли народного хозяйства стали прочной экономической основой народно-демократического строя в Польше, экономической базой диктатуры рабочего класса.

Немецко-фашистские оккупанты и война причинили колоссальные разрушения польскому народному хозяйству: 38% национального имущества было уничтожено. Особенно значительно пострадали отрасли тяжелой индустрии, железнодорожный транспорт и сельское хозяйство. В 1945 г. общая продукция сельского хозяйства составляла лишь 45% по отношению к продукции 1938 г.

Стремительное наступление Советской Армии и ее блестящие операции по окружению гитлеровских войск сохранили от разрушения такой наиболее развитый промышленный район, как Силезский — ныне центр польской угольной и металлургической промышленности, а также лодзинские текстильные предприятия и др.

Осуществление революционных демократических преобразований, создание и укрепление подлинно народных органов власти, огромная всесторонняя помощь Советского Союза способствовали успешному восстановлению экономики страны. Преодолевая огромные трудности, народно-демократическая Польша в короткий срок добилась крупных успехов в налаживании народного хозяйства, в укреплении своего экономического и политического положения. Несмотря на ожесточенное сопротивление капиталистических элементов, польский народ сумел

¹ «Dziennik ustaw RZP», 1946, № 3, стр. 17.

² «Правда», 22 июля 1951 г.

приступить к реализации трехлетнего плана экономического восстановления и развития народного хозяйства Польши.

Основной задачей трехлетнего плана (1947—1949 гг.) было повышение материального благосостояния населения путем значительного увеличения производства товаров по сравнению с довоенным уровнем, всемерного развития производительных сил страны, укрепления социалистического уклада в народном хозяйстве, экономического объединения восточных западных земель со всей Польшей. Трехлетний экономический план являлся, прежде всего, планом восстановления народного хозяйства страны, разрушенного немецко-фашистской оккупацией и войной. Выполнение этой задачи было связано с большими трудностями.

Однако польский народ выполнил трехлетний план развития народного хозяйства за 2 года 10 месяцев. Это свидетельствовало о крупных успехах польского народа в борьбе за восстановление и подъем народного хозяйства, за укрепление социалистического уклада в экономике страны. В результате выполнения трехлетнего плана в Польше в основном было закончено восстановление народного хозяйства, значительно увеличился объем промышленного производства по сравнению с довоенным периодом, повысился жизненный уровень населения.

В 1946 г. валовая продукция крупной и средней промышленности составляла 75% довоенного уровня, в 1949 г. она достигала уже 177%, а в расчете на душу населения — 250% довоенного уровня. За это время значительно возросло производство средств производства, доля которого во всей продукции промышленности и ремесла увеличилась с 47% в 1938 г. до 54% в 1949 г.

Народно-демократическая власть приложила огромные усилия к восстановлению и подъему сельского хозяйства. При помощи государства в 1947—1949 гг. в деревне было восстановлено 400 тыс. разрушенных и сожженных оккупантами построек, поднято 4,8 млн. гектаров залежных земель. Правительство выдало бедняцким и середняцким хозяйствам значительное количество посевного материала, денежные ссуды, выделило скот, строительные материалы, создало около 8 тыс. машинопрокатных пунктов. За этот же период польское сельское хозяйство получило свыше 16 тыс. тракторов.

Огромное значение в деле подъема польской деревни имела экономическая смычка между городом и деревней, крепнущая на основе помощи, оказываемой государством сельскому хозяйству, и быстрого развития простейших форм кооперации в деревне (снабженческо-бытовых, кредитных и др.).

Однако, несмотря на достигнутые успехи в восстановлении и подъеме польской деревни, в целом сельское хозяйство развивалось более медленными темпами, чем промышленность. Это объясняется тем, что восстановление промышленности происходило главным образом на социалистической базе, в то время как сельское хозяйство имело своей основой раздробленное мелкотоварное производство.

В результате успешной реализации задач трехлетнего плана значительно расширился и окреп социалистический сектор во всем народном хозяйстве. Если в 1946 г. продукция социалистического сектора промышленности составляла 86,3% всей промышленной продукции, то в 1949 г. ее доля возросла до 94,6%. В сельском хозяйстве доля продукции государственных земледельческих хозяйств возросла за трехлетие с 1,6 до 6,4% от всего объема сельскохозяйственной продукции. К моменту завершения трехлетнего плана в Польше начали зарождаться производственные земледельческие кооперативы.

В 1947—1949 г. шел процесс вытеснения капиталистических элементов как в промышленности, так и в торговле. Значительно укрепились позиции социалистического сектора в области товарооборота. Удельный вес государственной и кооперативной торговли увеличился: в 1946 г. оптовый оборот составлял 80%, розничный 20%; в 1949 г. — соответственно — 100 и 55%.

За этот период возрос численный состав рабочих и служащих. В 1938 г. количество рабочих и служащих в промышленности Польши составляло 913 тыс., в 1946 г. — 1202 тыс., а в конце 1949 г. — 1701 тыс.

Общий подъем народного хозяйства, успешное выполнение трехлетнего плана улучшили материальное благосостояние трудящихся Польши. Крупные успехи были достигнуты в области культурного строительства. Просвещение и культура стали в народной Польше достоянием широких масс трудящихся.

Польская объединенная рабочая партия провела большую работу по идеологическому перевоспитанию масс, разоблачению враждебной рабочему классу и трудящимся массам буржуазно-националистической идеологии, развитию науки, литературы и искусства в духе идей марксизма-ленинизма.

В борьбе за строительство новой, народной Польши укреплялось единство рядов рабочего класса.

Состоявшийся 15—21 декабря 1948 г. Объединительный съезд Польской рабочей партии и Польской социалистической партии принял решение о политическом и организационном объединении этих партий и создании на идеологических основах марксизма-ленинизма Польской объединенной рабочей партии.

Создание ПОРП ознаменовало новую победу марксизма-ленинизма над обанкротившейся идеологией реформизма и буржуазного национализма в польском рабочем движении, явилось историческим завоеванием рабочего класса Польши, ликвидировавшим более чем полувековой раскол в его рядах.

Создание единой марксистской партии рабочего класса означало дальнейшее политическое укрепление народно-демократического строя в Польше и его нерушимой основы — союза рабочих и крестьян, усиление руководящей роли рабочего класса в системе диктатуры пролетариата. Ликвидация раскола в польском рабочем движении и объединение ППР и ППС на идеологических и организационных основах марксизма-ленинизма обеспечили создание революционной силы, руководящей польским рабочим классом в его борьбе за построение нового, социалистического общества в Польше.

В процессе осуществления трехлетнего плана экономического восстановления страны Польская объединенная рабочая партия сплотила вокруг себя трудящиеся массы, подняла их активность, накопила богатый опыт хозяйственного и культурного строительства, обеспечила создание необходимых предпосылок для перехода к новому этапу социалистического строительства — этапу построения основ социализма.

* * *

После успешного восстановления народного хозяйства в период трехлетнего плана Польская объединенная рабочая партия направила усилия польского рабочего класса и всего польского народа на создание прочной экономической базы социализма, на превращение народно-демократической Польши в страну с высокоразвитой индустрией, на осуществление плана социалистической индустриализации и построение основ социализма в Польше.

Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, всемирно-историческим опытом борьбы Коммунистической партии Советского Союза за построение социалистического общества в СССР, в решении задач социалистического строительства ПОРП исходит из требований объективных законов экономического развития общества, из требований основного экономического закона социализма.

I съездом ПОРП намечены основные директивные установки шестилетнего плана развития народного хозяйства на 1950—1955 гг., являющегося планом социалистической индустриализации и строительства основ социализма в Польше.

21 июля 1950 г. законодательный сейм Польской республики, по предложению ПОРП, принял закон о «Шестилетнем плане хозяйственного развития и строительства основ социализма на 1950—1955 гг.».

В переходный период от капитализма к социализму социалистическая индустриализация является ключом к победе нового общественного строя, обеспечивает быстрое развитие производительных сил в целях максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей общества, систематического повышения жизненного уровня народных масс. «Крупная машинная промышленность и перенесение ее в земледелие, — учит В. И. Ленин, — есть единственная экономическая база социализма, единственная база для успешной борьбы за избавление человечества от ига капитала»¹.

Шестилетним планом предусматривалось осуществить построение основ социализма в стране путем:

значительного развития социалистической промышленности, при высоких темпах роста производства средств производства как основы развития всего народного хозяйства;

подъема сельского хозяйства посредством использования созданных народно-демократическим строем возможностей увеличения продукции малоземельных и середняцких хозяйств, а также — постепенного расширения социалистического сектора в сельском хозяйстве;

развития и укрепления социалистических производственных отношений во всех областях народного хозяйства;

дальнейшего повышения материального и культурного уровня трудящихся города и деревни;

расширения и укрепления экономического сотрудничества с Советским Союзом и странами народной демократии.

Во всех отраслях народного хозяйства планом намечено построить 1425 крупных объектов, из которых 1287 будут сданы в эксплуатацию в период осуществления плана. В числе законченных объектов — около 250 крупных промышленных предприятий и свыше 90 новых, благоустроенных рабочих поселков².

Народно-демократический строй освободил и пробудил к жизни подавляемые в прошлом капиталистическим рабством и эксплуатацией силы народа, развязал его творческую энергию и активность, открыл небывалый простор для их применения. Активность и инициатива трудящихся масс народной Польши, самоотверженный труд рабочего класса и крестьянства, руководимых своим боевым авангардом — ПОРП, обеспечивают успешное осуществление программы социалистической индустриализации и построения основ социализма в Польше.

По уровню экономического развития буржуазно-помещичья Польша занимала одно из последних мест среди европейских государств. Сове-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 27.

² «Nowe drogi», 1950, № 4, стр. 32.

менная народная Польша опередила такую крупную капиталистическую страну, как Италия, не только по объему промышленной продукции на душу населения, но и по абсолютному объему продукции. Народная Польша приближается к уровню промышленного производства на душу населения Франции.

О размерах и характере социалистической индустриализации народной Польши, осуществленной народной властью, свидетельствует тот факт, что в 1954 г. промышленная продукция в 4 раза превысила продукцию 1938 г., а в пересчете на душу населения — в 5 раз.

Развитие промышленности в народной Польше осуществляется на основе расширения и укрепления социалистических производственных отношений. Доля социалистической промышленности в общей промышленной продукции составляла в 1953 г. уже более 99%. Если принять продукцию социалистической промышленности в 1949 г. за 100, то в 1953 г. она составила 228,6¹, превысив плановое задание на 31,5%.

Особенно быстро развивалась в 1950—1953 гг. промышленность, производящая средства производства, которая является основой развития и технической реконструкции всего народного хозяйства. В 1953 г. производство средств производства составило 236,1% по отношению к уровню 1949 г.², тогда как планом предусматривался рост на 190,2%.

Мощное развитие получили такие отрасли производства, как черная металлургия и машиностроение, химическая, угольная и энергетическая промышленность.

За годы народно-демократической власти, и особенно в период реализации шестилетнего плана, в стране созданы новые отрасли производства, которых не было в помещичье-капиталистической Польше, как тракторостроение, автомобилестроение, судостроение, тяжелое машиностроение, производство шарикоподшипников, крупное производство продуктов синтетической химии. Значительные успехи достигнуты также в области расширения собственной сырьевой базы — добычи железной и медной руды, каменного угля, нефти и других видов сырья.

Ускоренными темпами развивалась в 1950—1953 гг. машиностроительная промышленность, являющаяся базой технической реконструкции всего народного хозяйства Польши. Выпуск продукции машиностроительной промышленности в 1953 г. увеличился в 2,5 раза по сравнению с 1949 г., что в пересчете на одного жителя в 9 раз превышало довоенный уровень.

В результате крупных успехов в развитии машиностроения в народной Польше в течение 1950—1953 гг. организовано производство до 300 важных для народного хозяйства видов машин и оборудования, не считая многих типов машин второстепенного значения. Так, налажен выпуск 6 типов морских судов, до 20 типов металлообрабатывающих станков, в том числе 10 типов тяжелых станков, 11 типов важнейших сельскохозяйственных машин, освоено производство судовых двигателей и легковых автомобилей «Варшава», грузовых автомобилей «Люблин», мощных гидравлических прессов, электродвигателей. Предприятия строительных машин освоили выпуск экскаваторов и мощных подъемных кранов, сконструированных польскими инженерами.

Ввиду того, что в первые годы осуществления шестилетнего плана уделялось недостаточно внимания развитию производства сельскохозяй-

¹ «Правда», 11 марта 1954 г.

² Там же.

ственных машин, а также машин для текстильной и пищевой промышленности, в решениях II съезда ПОРП, состоявшегося в марте 1954 г., предусматривалось значительное увеличение выпуска этих машин в 1954—1955 гг.

План намечал увеличение выпуска сельскохозяйственных машин в 1954 г. на 32%, а в течение ближайших двух лет — на 100% по сравнению с уровнем 1953 г. Производство машин для текстильной промышленности будет увеличено в 1954 г. на 24%.

Быстрыми темпами развивается одна из важнейших отраслей народного хозяйства Польши — химическая промышленность. Ее продукция в 1953 г. превысила в 2,5 раза уровень 1949 г. и в 4,3 раза довоенный уровень. За последние три года начато производство более 130 видов химической продукции, которые ранее в Польше не выпускались. Во время осуществления шестилетки в области подъема химической промышленности в Польше сооружены: новый мощный химический комбинат в Бизове, химический комбинат в Дворах, азотный завод в Кендзежине, заводы искусственного волокна в Еленей Гуре и Хожуве. Многие предприятия реконструированы и модернизированы. Некоторые крупнейшие предприятия химической промышленности находятся в стадии строительства.

В связи с неотложными задачами подъема уровня сельскохозяйственного производства химическая промышленность значительно увеличит в 1954—1955 гг. выпуск минеральных удобрений, препаратов для борьбы с вредителями сельскохозяйственных растений и другой продукции.

Социалистическая индустриализация Польши, развитие ее производительных сил неразрывно связаны с расширением энергетической базы, особенно с увеличением выработки электроэнергии. Поэтому шестилетним планом предусмотрен значительный подъем этих отраслей тяжелой индустрии.

Главным минеральным богатством Польши и основой ее энергетики является каменный уголь. Угольная промышленность играет огромную роль в экономике страны. Добыча угля в народной Польше возросла с 47,3 млн. т в 1946 г. до 91,6 млн. т в 1954 г., превысив довоенный уровень в 2,4 раза.

В 1950—1953 гг. построены и пущены мощные теплоэлектростанции — Меховице, Явожно I и II, крупнейшая в Польше гидроэлектростанция имени Варынского в Дыхове и др. Ряд электростанций, в том числе и мощная теплоэлектроцентраль в Варшаве, находится в стадии строительства. Значительного развития достигло строительство высоковольтных линий, что позволило включить большую часть электростанций в единую энергосистему. О большом росте производства электроэнергии в период социалистической индустриализации Польши свидетельствуют следующие данные: в 1928 г. в довоенной Польше вырабатывалось 2,6 млрд. квтч электроэнергии, а через девять лет, в 1937 г., — 3,6 млрд. квтч. В народной Польше уже в 1946 г. было выработано 5,7 млрд. квтч, а в 1954 г. — 15,5 млрд. квтч. К концу шестилетки выработка электроэнергии возрастет до 19,3 млрд. квтч и превысит довоенный уровень в 6 раз.

Крупные задачи поставлены шестилетним планом в области развития металлургии. К концу шестилетки производство чугуна по сравнению с 1938 г. увеличится на 156%, а стали — удвоится.

Такой значительный подъем металлургической промышленности обеспечивается путем реконструкции старых металлургических заводов, и главным образом — путем строительства и ввода в эксплуатацию новых металлургических предприятий. За последние годы особенно значительные

работы по реконструкции проведены на заводе «Костюшко» (г. Хожув, Сталиногрудское воеводство) и на заводе имени Б. Берута в Ченстохове.

Наряду с реконструкцией старых заводов в широких масштабах осуществляется строительство новых металлургических заводов.

Крупнейшей новостройкой шестилетки является гигант черной металлургии — комбинат «Новая Гута» имени В. И. Ленина, расположенный под Краковом. После пуска комбината на полную мощность его годовая продукция будет составлять 1,5 млн. т стали, что превысит годовую продукцию всех 23 металлургических заводов довоенной Польши. В конце шестилетнего плана будет введена в строй первая очередь «Новой Гуты». В 1955 г. металлургический комбинат «Новая Гута» будет вырабатывать около 20% чугуна и 14% стали по отношению ко всей продукции польской металлургической промышленности.

Коренная реконструкция старых металлургических заводов и строительство новых обеспечивают значительный рост производства чугуна и стали. В 1954 г. выплавка стали составила более 4 млн. т, что почти в 3 раза превышает уровень 1938 г. Значительно расширяется сырьевая база черной металлургии. Возрастающая добыча местных железных руд позволит увеличить удельный вес выплавки металла из отечественных руд.

Большое внимание уделяется производству цветных металлов. Выплавка цинка увеличится в 1955 г. в 2 раза и достигнет 197,6 тыс. т. Расширяется производство меди, алюминия и свинца.

В 1950—1954 гг. осуществлено крупное капитальное строительство в области восстановления и развития транспорта. Построены новые железнодорожные линии: Кельце—Буско, Пысковице—Люблинец, Янув—Лазы; частично сдана в эксплуатацию железнодорожная линия Скерневице—Лукув. Восстановлен и значительно расширен варшавский электрифицированный железнодорожный узел. Электрифицирована железнодорожная линия между Гданьском и Гдыней. Полным ходом идут работы по электрификации наиболее оживленной железнодорожной магистрали Варшава—Сталиногруд с ответвлением на Лодзь. Восстановлены многие железнодорожные и шоссе мосты. Построены новые автомобильные магистрали, а многие старые магистрали получили улучшенное покрытие.

Осуществляя программу социалистической индустриализации, трудящиеся народно-демократической Польши добились серьезных успехов также в развитии легкой и пищевой промышленности. В 1953 г. валовая продукция легкой промышленности увеличилась на 99% по сравнению с 1949 г. Несмотря на значительный рост продукции легкой и пищевой промышленности, темпы развития этих отраслей в течение первых четырех лет шестилетки отставали от темпов развития отраслей тяжелой промышленности, так как в этот период внимание ПОРП и народно-демократического государства было направлено главным образом на развитие тяжелой индустрии, являющейся основой социалистической экономики, материально-технической базой для развития всех отраслей народного хозяйства.

Рост производства предметов народного потребления происходит вследствие расширения производственных мощностей существующих предприятий, а также и ввода в эксплуатацию вновь построенных промышленных объектов.

За первые четыре года шестилетки в Польше построены крупные и средние промышленные предприятия, выпускающие товары народного потребления.

В течение 1950—1953 гг. построены крупная тонкопрядильная фабрика Андрыховского хлопчатобумажного комбината (Краковское вое-

водство) и такая же фабрика в Петркуве (Лодзинское воеводство), фабрика синтетического волокна в Хожуве, сахарный завод в Соколове, большой жировой комбинат в Бжеге, крупнейшая в стране табачная фабрика в Чжижинах, 7 больших промышленных холодильников, реконструированы и расширены 12 заводов фруктовых и овощных консервов. Многие важнейшие объекты легкой промышленности находятся в стадии строительства и завершения. Среди них: хлопчатобумажные комбинаты в Замброве и Фастах (Белостокское воеводство), в Андрихове, фабрика целлюлозы и искусственного волокна в Еленей Гуре и др. Эти предприятия оснащены передовой техникой, поставленной СССР, а также оборудованием собственного производства.

Осуществляемая польским народом программа социалистической индустриализации обеспечивает более равномерное размещение производительных сил страны. В прошлом в буржуазно-помещичьей Польше промышленность была сосредоточена главным образом в Верхне-Силезском, Лодзинском, Варшавском и, частично, Познанском районах; в народно-демократической Польше создаются новые районы с высокоразвитой индустрией (Жешувско-Сандомирский, Люблинский и Белостокский промышленные районы). На юге страны расширяется Краковский промышленный район, ядром которого является металлургический комбинат имени В. И. Ленина.

Социалистическая индустриализация народной Польши позволила быстро восстановить разрушенную промышленность в воссоединенных польских западных землях, а затем перейти к ее всесторонней реконструкции. Как известно, гитлеровцы уничтожили на этих землях 73% промышленных предприятий, разрушили многие города, села, порты и железнодорожный транспорт. Потребовались огромные усилия народной власти в заселении западных земель и восстановлении их экономики. Только народно-демократической Польше, опирающейся на всестороннюю помощь Советского Союза, стало под силу осуществление огромной задачи объединения ее возвращенных земель в единый с основными польскими землями, целостный хозяйственный организм, создания здесь мощной социалистической экономики, строительства новой жизни.

Рабочий класс и крестьянство своим самоотверженным трудом восстановили и построили заново крупнейшие предприятия тяжелой и легкой промышленности, добились больших успехов в сельском хозяйстве, наладили культурную жизнь. В 1953 г. объем промышленной продукции на воссоединенных землях был в 4 раза больше, чем в 1947 г. Удельный вес промышленной продукции этих земель в валовой промышленности продукции всей страны увеличился с 22% в 1947 г. до 24% в 1952 г.¹ На воссоединенных землях восстановлены, коренным образом реконструированы и вновь построены сотни промышленных предприятий.

Восстановленный и реконструированный завод «Пафаваг» во Вроцлаве стал одним из крупнейших вагоностроительных заводов в Европе. Восстановлены и расширены шахты Верхней Силезии и Валбжихского бассейна, восстановлены и реконструированы металлургические заводы Верхней и Опольской Силезии.

На воссоединенных землях народная Польша создала оснащенные новейшей техникой химические предприятия в Бжеге, судостроительную промышленность в Гданьске и Щецине, машиностроительную промышленность во Вроцлаве и Эльблонге, текстильную — в Зеленой Гуре и Дзержоневе.

¹ С. Ендриховский. Воссоединенные земли — неотъемлемая часть Польши. Варшава, 1952, стр. 12.

Здесь построены: самая крупная в Польше гидроэлектростанция в Дыхове (в низовье р. Бубра), громадный цементный завод «Одра» в Ополе, фабрики искусственного волокна в Гожуве и в Еленей Гуре и мн. др.

В 1952 г. на промышленных предприятиях воссоединенных земель работало 560 тыс. рабочих и служащих, тогда как в 1932 г. во всей Польше в крупной и средней промышленности было занято 545 тыс. рабочих¹. Огромная работа проделана по восстановлению железнодорожного, речного и других видов транспорта.

С каждым годом меняет свой облик Балтийское побережье. Восстановлены и реконструированы морские порты Польши — Гданьск, Гдыня, Колобжег и др. В Свиноустье создана большая рыболовецкая база.

Быстро развивается морской торговый флот, тоннаж которого в 1953 г. возрос в 3,5 раза по сравнению с довоенным. Польша стала центром крупного судостроения, занявшего важное место в экономике страны.

В западных польских землях значительные успехи достигнуты в подъеме сельского хозяйства, восстановлении городов и сел, в культурном строительстве.

Достижения польского народа в развитии экономики и культуры на воссоединенных землях имеют огромное международное значение. Они разбивают клеветническую и провокационную пропаганду реакционных империалистических кругов США, Англии и немецких реваншистов в Западной Германии о том, что польский народ будто бы не в силах восстановить экономику, наладить жизнь в своих западных землях.

* * *

Народно-демократическая власть добилась значительных успехов в подъеме сельского хозяйства, в улучшении материального и культурного уровня трудового крестьянства.

За время существования народной Польши проделана огромная работа по восстановлению сельского хозяйства и созданию необходимых условий для его развития.

Стоимость сельскохозяйственной продукции на 100 гектаров земельных угодий в 1953 г. была на 25% выше, чем в 1938 г. Рост сельскохозяйственной продукции был достигнут путем лучшего освоения посевных площадей, повышения урожайности с гектара и увеличения продуктивности животноводства.

Осуществляя программу социалистической индустриализации страны, народно-демократическое государство развивало и укрепляло экономическую смычку между городом и деревней. Оно поставляло сельскому хозяйству необходимые машины и промышленные товары. В 1953 г. поставки сельскохозяйственных машин и орудий увеличились по сравнению с 1949 г. в 2 раза, а искусственных удобрений — более чем в 1,5 раза. Достигнуты крупные сдвиги в области механизации и электрификации сельского хозяйства.

Осуществляя программу социалистической индустриализации страны, ПОРП рассматривает ее как необходимое условие для создания материально-технических и политических предпосылок в целях перевода сельского хозяйства Польши на рельсы современной индустрии и преобразования мелкотоварного единоличного хозяйства в крупное, обобщественное социалистическое хозяйство.

За первые четыре года осуществления шестилетнего плана значительно возрос и окреп социалистический сектор в сельском хозяйстве, охваты-

¹ С. Ендриховский. Указ. соч., стр. 11.

вающий сельскохозяйственные производственные кооперативы, государственные машинно-тракторные станции и государственные сельские хозяйства. В народной Польше имеется уже свыше 9 тыс. сельскохозяйственных производственных кооперативов, которые обрабатывают до 1,8 млн. гектаров земли. За короткий период своего существования производственные кооперативы добились серьезных успехов в укреплении своего хозяйства, а получаемые ими урожаи зерновых в среднем значительно выше, чем в единоличных крестьянских хозяйствах.

Удельный вес земель, обрабатываемых сельскохозяйственными производственными кооперативами, госсельхозами и другими обобщественными хозяйствами, возрос с 8,8% в 1949 г. до 20% — в конце 1953 г. Увеличился удельный вес социалистического сектора в снабжении населения городов и промышленности сельскохозяйственными продуктами и сырьем.

Важнейшую роль в социалистическом преобразовании деревни и обеспечении роста сельскохозяйственного производства играют государственные МТС, число которых с каждым годом увеличивается. В конце 1954 г. в Польше имелось уже 416 ГМТС, оснащенных тракторами и другими новейшими сельскохозяйственными машинами.

Несмотря на крупные достижения в сельском хозяйстве за период народно-демократической власти, польское сельское хозяйство, являющееся в основном мелкотоварным, раздробленным, чрезмерно отстает от быстрых темпов развития социалистической индустрии, не обеспечивает в полной мере все возрастающих потребностей населения в продуктах питания, а промышленности — в сырье. В целях неуклонного повышения жизненного уровня населения ПОРП и народно-демократическое правительство наметило конкретные меры, направленные на крутой подъем сельскохозяйственного производства как в индивидуальных хозяйствах, так и в производственных кооперативах.

Огромные преобразования, которые осуществляются в польской деревне, происходили и происходят в условиях ожесточенной классовой борьбы и яростного сопротивления кулачества. Народная власть, ломая сопротивление кулачества, ограничивает эксплуатацию и ослабляет его влияние в деревне.

Строительство социализма в сельском хозяйстве осуществляется на основе укрепления союза рабочего класса и крестьянства, под руководством рабочего класса. Союз рабочего класса и крестьянства является той решающей силой, которая обеспечивает победу социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве.

* * *

Развитие социалистической экономики в народно-демократической Польше подчинено требованию основного экономического закона социализма — максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся. Непрерывный рост социалистического производства создает прочную основу для повышения жизненного уровня трудящихся, для подъема народного потребления. Повышение материального и культурного уровня польских трудящихся на базе постоянного роста и совершенствования производства является основной целью шестилетнего плана.

Социалистическая индустриализация и вызванный ею мощный подъем экономики страны, рост численности рабочего класса, широкое внедрение режима экономии, борьба за снижение себестоимости продукции и постоянное повышение производительности труда обеспечивают значи-

тельный рост национального дохода. В 1953 г. национальный доход Польши вырос на 61% по сравнению с 1949 г. и был в 2 раза выше, чем в 1938 г. Ежегодное возрастание размеров национального дохода позволяет осуществлять расширенное социалистическое воспроизводство и выделять из государственного бюджета все больше средств для удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся.

В народной Польше, как и в других народно-демократических странах, ликвидирована безработица, систематически растет заработная плата рабочих и служащих, снижаются государственные розничные цены на предметы народного потребления, все больше увеличиваются ассигнования на социальное обеспечение и культурные нужды трудящихся, что ведет к неуклонному повышению их жизненного уровня.

В 1953 г. реальная заработная плата рабочих Польши возросла на 15—20% по сравнению с 1949 г. и превысила на 36—42% довоенный уровень.

Реальные доходы трудового крестьянства (на душу населения) возросли в 1953 г. по сравнению с 1949 г. на 20%, а по сравнению с 1938 г. на 75%. Развитие социалистического сектора в сельском хозяйстве, подъем бедняцких и середняцких хозяйств ведут к дальнейшему улучшению положения трудящихся крестьян, к росту их доходов.

Важнейшим источником роста реальной заработной платы рабочих и служащих и реальных доходов трудового крестьянства является проводимое народным правительством снижение цен на товары массового потребления.

В ноябре 1953 г. и в мае 1954 г. польское правительство приняло постановление о снижении розничных цен на товары народного потребления. Эти постановления преследуют цель дальнейшего улучшения материального положения трудящихся. В соответствии с этими постановлениями цены на продовольственные и промышленные товары снижены в среднем от 10 до 15%, а на отдельные товары до 30%. Снижение цен принесло польскому трудящемуся экономиию в сумме 10 млрд. злотых в год. Реальная заработная плата рабочих и служащих, а также реальные доходы крестьян в 1954 г. возросли в среднем на 11—12%.

В народной Польше с каждым годом увеличивается внутренний товарооборот, растет потребление трудящихся. Розничный товарооборот общественой торговли возрос в 1953 г. на 28% по сравнению с 1949 г. (в сопоставимых ценах). Улучшено снабжение населения продовольственными и промышленными товарами.

Народно-демократическое государство ежегодно расходует огромные суммы на улучшение быта трудящихся, на социальные нужды, на здравоохранение, жилищное и культурное строительство.

Большое внимание уделяется жилищному строительству.

Быстрыми темпами идет восстановление и строительство польской столицы — Варшавы, варварски разрушенной гитлеровскими захватчиками. В ней построены новые рабочие районы, восстановлены и вновь построены высшие учебные заведения, культурные учреждения, больницы, восстановлен и значительно расширен городской транспорт, возведены новые мосты через Вислу. В столице Польши уже теперь насчитывается около миллиона жителей. Новая Варшава создается как социалистическая столица народно-демократической Польши, как центр новой, социалистической культуры. В дар польскому народу от советского народа в Варшаве воздвигнуто величественное высотное сооружение — дворец науки и культуры имени И. В. Сталина, как символ вечной и нерушимой дружбы польского и советского народов.

Крупные работы проведены по восстановлению и развитию других городов и поселков страны. В течение 1945—1954 гг. в Польше восстановлено и вновь построено свыше 1,3 млн. жилых комнат.

Народная власть с каждым годом все больше ассигнует средств на цели здравоохранения, на расширение медицинского и санитарного обслуживания. В 1953 г. количество больничных коек увеличилось на 43% по сравнению с 1949 г., а по сравнению с 1938 г. — более чем на 77%. Количество больничных врачей в 1953 г. возросло на 63% по сравнению с 1949 г. Благодаря постоянной заботе народного государства о здоровье трудящихся, о повышении их материального благосостояния в Польше наблюдается систематический прирост населения, сокращается количество заболеваний, снижается смертность.

На базе мощного подъема социалистической экономики в стране происходят глубокие процессы культурного развития. Народная власть впервые в истории польского народа создала реальные условия для подлинного прогресса просвещения, науки, культуры и искусства.

Важнейшую роль в подъеме культурного уровня населения играет народное просвещение, которое получило небывалое развитие. С каждым годом расширяется сеть общеобразовательных и профессиональных школ.

Проведено в жизнь всеобщее обязательное начальное обучение детей. В общеобразовательных средних школах в 1953 г. обучалось 190 тыс., в педагогических лицеях — 44 тыс. юношей и девушек; в различных профессиональных школах училось около 500 тыс. человек. Количество учащихся в школах с полной семилетней программой обучения в 1953 г. составляло 87,3% по отношению к общему их количеству.

Крупные успехи достигнуты за годы народной власти в развитии высшего образования, в подготовке народной интеллигенции.

Количество высших учебных заведений возросло с 32 в 1938 г. до 81 в 1954 г., а численность студентов увеличилась соответственно с 48 тыс. до 134 тыс. Студенческая молодежь пользуется всесторонней заботой народного государства. До войны стипендии получали только 5,5% студентов, а в 1953 г. стипендиями были обеспечены 67—70% студентов.

За последние годы в народной Польше открыты новые высшие учебные заведения: технические, сельскохозяйственные, планово-экономические, медицинские. Коренным образом изменены содержание и методы обучения во всей системе образования.

Средние и высшие профессиональные учебные заведения с каждым годом увеличивают выпуск квалифицированных кадров инженерно-технических работников. Только в 1953 г. окончили средние профессиональные школы и вузы 83 тыс. человек, которые были направлены на работу в социалистическом хозяйстве. Кроме того, 14,2 тыс. рабочих и служащих получили высшее и среднее образование в заочных и вечерних учебных заведениях.

Повышение общеобразовательного уровня трудящихся масс и культурно-технического уровня рабочего класса, рост новой интеллигенции создают возможность народному государству добиваться ускорения темпов социалистического строительства. Развитие высшего образования, науки, литературы и искусства является неотъемлемой частью программы построения основ социализма.

В городах и селах народной Польши с каждым годом расширяется сеть культурно-просветительных учреждений, находящихся в распоряжении трудящихся: библиотек, театров, домов культуры, кинотеатров, клубов, количество которых во много раз превзошло довоенный уровень

и уровень, существующий ныне в более крупных капиталистических государствах. Общий тираж выпускаемых книг возрос с 22,9 млн. экз. в 1937 г. до 82,2 млн. экз. в 1953 г., а ежедневный тираж газет увеличился с 0,9 млн. экз. в 1938 г. до 4,9 млн. экз. в 1953 г.

Приведенные данные характеризуют необыкновенно широкий размах культурного строительства, развитие в народной Польше новой культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Несмотря на серьезные успехи в повышении материального и культурного уровня польских трудящихся, в решениях II съезда ПОРП отмечается, что задания, намеченные шестилетним планом в этой области, не были выполнены целиком за первые четыре года шестилетки и что не использованы в должной мере имеющиеся возможности для повышения жизненного уровня трудящихся.

Реализуя программу социалистической индустриализации страны, дальнейшего развития отраслей тяжелой промышленности, составляющей прочную основу всего народного хозяйства, Польская объединенная рабочая партия и народное правительство наметили пути подъема сельскохозяйственного производства, расширения выпуска товаров народного потребления, повышения жизненного уровня трудящихся города и деревни. В решениях II съезда ПОРП указывается, что задача дальнейшего роста жизненного уровня трудящихся в настоящее время может быть реально поставлена именно потому, что осуществление ее стало возможным благодаря крупным достижениям в развитии социалистической промышленности.

* * *

Главная особенность развития народно-демократической Польши состоит в том, что в борьбе за построение социализма польский народ опирается на всестороннюю братскую помощь могучей социалистической державы — Советского Союза, на тесное сотрудничество со странами единого социалистического лагеря. Всестороннее сотрудничество Польши с СССР и странами единого социалистического лагеря, огромная экономическая, техническая и финансовая помощь, оказываемая Советским Союзом польскому народу, являются одними из важнейших факторов успешного осуществления программы социалистической индустриализации и строительства социализма в Польше.

Плановые взаимоотношения народно-демократических стран, и прежде всего экономические связи этих стран с Советским Союзом, облегчают им построение фундамента социализма, содействуют подъему народного хозяйства каждой из этих стран и укрепляют социалистическую систему хозяйства. На мировом демократическом рынке складывается, таким образом, новая, социалистическая система международного разделения труда, при которой каждая страна выделяет часть своих средств и ресурсов для удовлетворения потребностей других братских стран и, в свою очередь, опирается на их дружескую помощь.

Существование единого и экономически мощного социалистического лагеря, братское сотрудничество и взаимопомощь стран, входящих в этот лагерь, делают необязательным для отдельных стран народной демократии создание всего комплекса тяжелой промышленности, дают возможность, на базе социалистического разделения труда, развивать главным образом те отрасли тяжелой индустрии, для которых имеются лучшие условия. Так, в народной Польше имеются наиболее благоприятные условия для увеличения добычи угля, производства цветных металлов и подъема химической промышленности. Наличие богатых сырьевых

ресурсов предопределяет необходимость и целесообразность преимущественного развития именно этих важнейших отраслей тяжелой индустрии, наряду с черной металлургией и машиностроением являющихся основой социалистической индустриализации.

Установившиеся широкие экономические связи, политическое и культурное сотрудничество народно-демократических стран с Советским Союзом, братская взаимопомощь стран демократического лагеря во главе с СССР ведут их к неуклонному экономическому подъему. Вместе с тем сотрудничество свободных народов укрепляет экономическую мощь всего демократического лагеря, усиливает фронт борьбы за мир во всем мире, является вкладом в дело укрепления мира и безопасности народов.

Прошедший период развития Польской Народной Республики убедительно показал огромную жизненную силу и преимущества народно-демократического строя перед строем капиталистическим. На примере развития народной Польши и других стран демократического лагеря вновь и вновь подтверждаются замечательные ленинские слова о том, «что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития»¹.

В то время как в странах социалистического лагеря непрерывно развивается экономика, растет благосостояние трудящихся, в капиталистических странах происходит застой и упадок экономики, растет безработица, свертываются мирные отрасли промышленности и расширяются отрасли военного производства, безудержно повышаются цены, усиливается обнищание народных масс. Все явственнее нарастает новый экономический кризис.

Считая своей главной задачей развитие тяжелой промышленности, Польская объединенная рабочая партия уделяет также большое внимание подъему сельскохозяйственного производства и расширению производства предметов народного потребления.

При решении этих задач Польская объединенная рабочая партия, в первую очередь, считает необходимым дальнейшее укрепление союза рабочего класса с трудовым крестьянством, являющегося нерушимой основой народно-демократического строя. Руководствуясь передовой марксистско-ленинской теорией, ПОРП успешно осуществляет свою авангардную роль в борьбе за построение бесклассового социалистического общества. Польский народ на собственном опыте убедился в том, что политика ПОРП отвечает его коренным жизненным интересам. В ходе ожесточенной классовой борьбы и глубоких социалистических преобразований непрерывно росла направляющая и руководящая сила партии во всех областях жизни страны.

В отчетном докладе II съезду партии Болеслав Берут указал, что ПОРП окрепла, выросла и стала ведущей, направляющей силой народного государства в результате организационного и политического объединения польского рабочего класса. «Польская объединенная рабочая партия, — заявил Берут, — закаляла свои силы, черпая вдохновение для своей деятельности из могучего источника марксистско-ленинской науки, из всего живого примера работы и опыта Коммунистической партии Советского Союза. Единство нашей объединенной партии является сегодня не только организационным единством, но и, прежде всего, единством боевым, единством партии — наследника великих боевых традиций польского революционного движения»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 456.

² «Правда», 11 марта 1954 г.

Второй съезд партии наметил пути повышения идеологического уровня и политической боеспособности партийных организаций; определил новые исторические задачи партии в борьбе за построение социализма. «В настоящее время главные задачи Польской объединенной рабочей партии состоят в том, — указывается в новом уставе ПОРП, — чтобы построить социалистическое общество, обеспечить постоянный подъем благосостояния и культуры рабочего класса и всех трудящихся города и деревни путем неуклонного развития производства на базе все более совершенной техники, воспитывать членов общества в духе патриотизма и интернационализма, укреплять мощь народного государства и обороноспособность родины»¹.

Под испытанным руководством своего революционного авангарда — Польской объединенной рабочей партии — сплоченный в Национальном фронте, в нерушимой братской дружбе с народами Советского Союза и странами демократического лагеря польский народ твердо и уверенно идет к полному торжеству социализма.

Польский народ, занятый мирным трудом, заинтересован в сохранении прочного и длительного мира. Вместе с народами Советского Союза и других стран единого социалистического лагеря он решительно выступает против возрождения германского милитаризма и попыток развязывания новой войны. Польское правительство горячо поддержало инициативу Советского Союза о созыве Совещания европейских стран для обсуждения вопроса об обеспечении мира и безопасности в Европе и приняло деятельное участие в Московском совещании восьми европейских государств, состоявшемся в ноябре — декабре 1954 г.

В мае 1955 г. состоялось Варшавское совещание европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе. Участники совещания всесторонне обсудили связанные с ратификацией парижских военных соглашений изменения в международной обстановке и решили принять необходимые меры для обеспечения своей безопасности и в интересах мира в Европе. С этой целью государства — участники Варшавского совещания заключили Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Народной Республикой Албанией, Народной Республикой Болгарией, Венгерской Народной Республикой, Германской Демократической Республикой, Польской Народной Республикой, Румынской Народной Республикой, Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословакией. Заключение Договора восьми стран — это исторический акт, направленный на сохранение и упрочение мира и безопасности в Европе и во всем мире. Польский народ вместе с другими миролюбивыми народами горячо приветствует и поддерживает это решение, активно борется за ослабление напряженности в международных отношениях.

¹ «Правда», 17 марта 1954 г.

И. Н. Мельникова

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ В ГОДЫ ЧАСТИЧНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА (1924—1929)

Выдержав первый революционный натиск масс после империалистической войны, капитализм в Западной Европе в 1924 г. вступил в период частичной стабилизации. К этому времени произошли серьезные изменения в международной обстановке. После поражения восстания революционных германских рабочих в Гамбурге в октябре 1923 г., подавления революционного движения в Болгарии, Италии, Польше, Чехословакии и других странах наступил спад революционной волны. В международном революционном движении определился переход от революционного подъема, нараставшего под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции, к некоторому затишью, к накоплению сил для будущих революционных боев.

В первых послевоенных схватках буржуазии при помощи соглашательских социал-реформистских партий удалось одержать победу над пролетариатом, но это была лишь «первая серьезная проба сил, показавшая, что пролетариат еще не в силах свергнуть буржуазию, а буржуазия уже не в силах сбросить со счетов пролетариат»¹. Убедившись в невозможности одержать решительную победу над пролетариатом, буржуазия оказалась вынужденной перейти от лобовой атаки к обходным путям, прибегнуть к «демократическому пацифизму». Наступление «эры буржуазно-демократического пацифизма» было следствием того, что империалисты Антанты оказались бессильными справиться с результатами своих военных побед, осуществить план ограбления Европы, преодолеть отпор масс политике империализма, изолировать Советский Союз. Политика «пацифизма» была не чем иным, как маскировкой оголтелого империализма. «Грабь мир без прикрытия стало небезопасно»², говорил И. В. Сталин в 1924 г. Империалисты «идя на пацифизм, преследуют лишь одну цель: обмануть массы звонкими фразами о мире для того, чтобы подготовить новую войну, ослепить их блеском «демократизма» для того, чтобы утвердить диктатуру буржуазии...»³.

Буржуазия использовала поражение революционного движения для наступления на пролетариат, для перехода к частичной стабилизации капиталистической системы. Ценой огромных усилий капиталистические государства сумели выйти из послевоенного экономического кризиса. Буржуазия добилась этого главным образом за счет всемерного усиления

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 283.

² Там же, стр. 281.

³ Там же, стр. 285.

эксплуатации трудящихся, закабаления их финансовым капиталом. В период начавшейся стабилизации капиталистическая экономика приобрела тенденцию некоторого оживления, а политическая власть буржуазии начала заметно укрепляться. Это означало, что капитализм временно выкарабкался из тяжелого положения, в котором он оказался после войны. Но наступившая стабилизация капитализма не могла быть ни длительной, ни прочной, ибо развитие капитализма в условиях начавшегося в период первой мировой войны общего кризиса капиталистической системы неизбежно вело к дальнейшему обострению и углублению всех внутренних противоречий империализма и, следовательно, к ослаблению капитализма. Оживление, а затем и подъем в промышленном производстве капиталистических стран проходили крайне неравномерно и прерывались частичными кризисами, что указывало на относительный характер наступившей стабилизации капитализма. Сущность стабилизации капиталистической системы определилась действием основного закона современного капитализма, согласно которому цель капиталистического производства состоит в получении максимальной прибыли путем эксплуатации и разорения большинства населения данной страны, закабаления и систематического ограбления народов других стран, а также посредством войн и милитаризации народного хозяйства.

Европейский капитализм достиг частичной стабилизации при помощи американского капитала «ценой финансового подчинения Западной Европы Америке»¹. Наступление американского капитала на Европу особенно усилилось с принятием плана Дауэса, рассчитанного на восстановление военно-промышленного потенциала Германии и направление экономической и политической экспансии германского империализма на Восток, прежде всего — против Советского Союза. Что касается экономического подчинения Советского Союза, то тут план Дауэса был обречен на полный провал. Разоблачая его антисоветскую сущность, И. В. Сталин в докладе на XIV съезде ВКП(б) сказал: «...рассчитывать на то, что мы согласимся превратить нашу родину в аграрную страну для Германии, — значит рассчитывать без хозяина. В этой части план Дауэса стоит на глиняных ногах»². В отношении же экономики капиталистических государств план Дауэса, создав условия для свободного проникновения американского капитала в Европу, сыграл пагубную роль и привел к ухудшению экономического положения ряда стран, в том числе и Чехословакии. Неизбежным следствием усиливающегося закабаления Западной Европы финансовым капиталом Соединенных Штатов Америки должно было явиться и явилось резкое понижение жизненного уровня трудящихся европейских стран, рост налогового бремени, а это вело к обострению классовых противоречий и способствовало дальнейшему революционизированию рабочего класса.

Наряду с временной частичной стабилизацией капитализма имел место бурный рост экономической и политической мощи Советского Союза, происходило дальнейшее укрепление советского строя. Упрочение советского строя, рост силы и могущества СССР оказывали громадное влияние на развитие международного революционного движения.

Частичная стабилизация капиталистической системы была относительной и временной и неизбежно вела к усилению противоречий между империалистическими группировками, к росту сил, ослабляющих и разлагающих капитализм. Анализируя состояние экономики капита-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 267.

² Там же, стр. 272—273.

листического мира в период частичной стабилизации капитализма, И. В. Сталин указывал, что из этой стабилизации «вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации»¹.

* * *

С наступлением временной частичной стабилизации мировой капиталистической системы в экономическом развитии Чехословакии определились новые явления по сравнению с предшествующим периодом первых лет существования республики.

Преодолев послевоенный экономический кризис, который затянулся в Чехословакии вследствие диктуемой крупным финансовым капиталом дефляционной политики, проводившейся буржуазным правительством в течение ряда лет, промышленность страны вступила в период оживления и подъема. К концу 1924 г. объем промышленной продукции составил 81% по отношению к уровню 1913 г. (против 60% в 1923 г.). В 1925 г. объем промышленной продукции продолжал расти и достиг к концу года уже 93% по сравнению с довоенным уровнем². Наиболее заметно было оживление производства в отраслях промышленности, работавших на экспорт (машиностроительной, текстильной, химической, стекольной, деревообделочной, кожевенной).

Экспорт Чехословакии, резко упавший в годы послевоенного экономического кризиса (более чем на 60% с 1920 по 1923 г.), стал заметно расти в первые годы частичной стабилизации. В 1923 г. из Чехословакии было вывезено товаров, главным образом готовых промышленных изделий, на 13 903 млн. крон, в 1924 г. — на 17 035 млн., в 1925 г. — на 18 821 млн.³ Общее количество рабочих, занятых в чехословацкой промышленности, в 1924 г. увеличилось примерно на 10%⁴.

Однако оживление, наступившее почти во всех отраслях промышленности, ни в коей мере не свидетельствовало о прочной стабилизации капиталистического хозяйства в Чехословакии. Наоборот, все говорило о том, что эта стабилизация является частичной и относительной. Даже те отрасли промышленности, в которых подъем был особенно заметен, работали не более чем на 75—80% своей производственной мощности. Состояние чехословацкой промышленности, работавшей в основном для вывоза, характеризуется тем, что, несмотря на заметный рост, экспорт в то время составлял $\frac{2}{5}$ довоенного. Количество безработных все еще составляло около 200 тыс.⁵ Оживление в промышленности проходило крайне неравномерно: одни отрасли ее долгое время не могли преодолеть кризисного состояния (например, сахароваренная промышленность, в связи с падением мировых цен на сахар и острым кризисом сбыта); другие, выбравшись из кризиса, через некоторое время опять снижали свое производство (добыча угля, металлургия).

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 274.

² «Protokol čtvrtého řadného sjesdu Komunistické strany Československa (sekce III Internationaly)». Praha, 1927, стр. 23.

³ «Statistická příručka republiky Československé», III, Praha, 1928, стр. 111—112. По отдельным отраслям промышленности экспорт резко увеличился уже к концу первого полугодия 1924 г. Так, вывоз изделий текстильной промышленности, оценивавшийся за весь 1923 г. в 3041 млн. крон, только за первое полугодие 1924 г. составил 2301 млн. крон, кожевенной промышленности — 136,8 млн. крон (за весь 1923 г. — 135,5 млн. крон), стекольной — 600 млн. крон (за то же время 1923 г. — 426 млн.) и т. д. («Rudé právo», 11 октября 1924 г.).

⁴ «Rudé právo», 11 октября 1924 г.

⁵ «Rudé právo». 27 июня 1925 г.

Это объяснялось главным образом общим состоянием мировой капиталистической экономики, обострением проблемы рынков сбыта, вызванным общим кризисом капитализма.

Пагубное влияние на чехословацкую экономику оказала дауэсизация Европы. Возрождение германской тяжелой индустрии, и прежде всего — Рура, достигнутое посредством крупных вкладов американо-английского капитала, затруднило сбыт чехословацких товаров не только в Германии, но и в других государствах. Особенно тяжело план Дауэса сказался на угольной и металлургической промышленности некоторых европейских стран, в том числе и Чехословакии. Со второй половины 1924 г., как только рурский уголь в большом количестве появился на мировом рынке, чехословацкая угольная промышленность, едва начинавшая выходить из послевоенного экономического кризиса, из месяца в месяц стала резко снижать вывоз. Почти в таком же положении оказалась и металлургическая промышленность, в которой с начала 1924 г. наблюдалось довольно сильное оживление. Результатом этого было сокращение производства, закрытие шахт, заводов и массовые увольнения рабочих. Данные о количестве рабочих, занятых в горной промышленности, таковы: 1923 г. — 122 456 человек, 1924 г. — 124 078 человек, 1925 г. — 114 079 человек, 1926 г. — 109 219 человек¹. Таким образом, даже по данным официальной статистики только за 1924 г. — первый год капиталистической стабилизации — было уволено 10 тыс. шахтеров. Массовые увольнения были произведены и в металлургической промышленности.

Подъем промышленного производства в Чехословакии, начавшийся с наступлением периода частичной стабилизации, оказался кратковременным. По отношению к довоенному уровню объем промышленной продукции в 1925 г. составлял 93%, но уже в первые месяцы 1926 г. стал заметно снижаться и к июлю достигал лишь 68%, т. е. уменьшился более чем на $\frac{1}{4}$ ². В состоянии кризиса оказалась вся чехословацкая промышленность, особенно текстильная, стекольная, кожевенная, химическая, деревообделочная, металлургическая, машиностроительная и сахароваренная отрасли. В угольной промышленности кризис был несколько смягчен увеличением вывоза угля в Англию во время всеобщей забастовки английских горняков.

Внешнеторговые обороты Чехословакии в 1926 г. уменьшились. Чехословацкий экспорт, главную статью которого составляли промышленные изделия, сократился по сравнению с 1925 г. с 18 821 млн. крон до 17 857 млн., а импорт — с 17 618 млн. до 15 277 млн.³ Снижение импорта в значительной мере шло за счет уменьшения ввоза сырья и полуфабрикатов, что, в свою очередь, свидетельствовало о свертывании производства в тех отраслях чехословацкой промышленности, которые работали на ввозимом сырье. Наиболее ярким примером этого может служить сокращение ввоза хлопка более чем в 2 раза по сравнению с предыдущим годом; это было связано с глубоким кризисом в текстильной промышленности, которая в 1926 г. работала только на половину своей производственной мощности. Данные внешнеторгового баланса являются очень важными показателями состояния чехословацкой экономики, так как, в силу ярко выраженного экспортного характера чехословацкой промышленности, экспорт был своеобразным барометром экономической конъюнктуры для Чехословакии.

¹ «Statistische Übersicht der Tschechoslovakischen Republik», Prag, 1930, стр. 93.

² «Protokol čtvrtého řadného sjezdu Komunistické strany Československa. . .», 1930, стр. 23.

³ «Statistická příručka. . .», III, стр. 111—112.

Кризис и сокращение промышленного производства повлекли за собой рост безработицы. Даже по данным официальной статистики к осени 1926 г. количество безработных увеличилось более чем в 3 раза по сравнению с осенью 1925 г.¹

Кризис 1926 г. в чехословацкой промышленности был вызван как внутренними, так и внешними обстоятельствами. Капиталистическая рационализация производства, основывавшаяся главным образом на усилении эксплуатации пролетариата, дальнейшее наступление буржуазии на жизненный уровень трудящихся вели к падению покупательной способности широких народных масс и сужению емкости внутреннего рынка. Протекционистская таможенная политика, проводимая чехословацким правительством, и особенно введение высоких пошлин на ввоз сельскохозяйственных продуктов обострили скрытую таможенную войну между Чехословакией и ее соседями — Австрией, Румынией, Венгрией, Польшей — и сократили возможности для чехословацкого экспорта в эти страны. И, наконец, в результате начавшегося осуществления плана Дауэса Чехословакия приобрела в лице Германии самого опасного конкурента, все более вытеснявшего ее с западных и дунайских рынков.

Кризис 1926 г. красноречиво свидетельствует о том, насколько относительной и непрочной была стабилизация капитализма.

В 1927 г. экономическое положение Чехословакии улучшилось, главным образом вследствие более благоприятной конъюнктуры на внешних рынках. Особенно оживились торговые связи Чехословакии с Германией, которая в это время бурно развивала свое хозяйство и предъявляла большой спрос на чехословацкие промышленные изделия и сырье — машины, металлы, древесину, химикаты, текстильные товары и т. п. Несколько расширилась и емкость внутреннего рынка, чему в значительной степени способствовали исключительно хороший урожай 1927 г. и частично сокращение безработицы. Но главную роль в улучшении экономической конъюнктуры играло положение на внешних рынках, которое, как известно, в капиталистическом мире весьма неустойчиво. Это уже само по себе предопределяло относительный и временный характер наступившего улучшения хозяйственной конъюнктуры.

1927—1928 годы были для Чехословакии вершиной капиталистической стабилизации. В 1927 г. чехословацкая промышленность достигла довоенного уровня, а затем и превысила его. К концу 1928 г. общий объем промышленной продукции составлял уже 115% по отношению к 1913 г.² Однако развитие отдельных отраслей промышленности проходило неравномерно. Это можно иллюстрировать хотя бы следующими данными по основным отраслям — горной и металлургической — промышленности: в 1928 г. производство стали составляло 160% довоенного уровня, производство чугуна — 105%, добыча каменного угля — 103%, добыча бурого угля — 89%, добыча железной руды — 82%³.

Такая неравномерность развития отдельных отраслей промышленности являлась неизбежным следствием разрушительного действия стихийного закона конкуренции и анархии производства, присущего капитализму. При сопоставлении данных, характеризующих объем промышленного производства в 1928 г. по сравнению с 1913 г., обращает внимание также и тот факт, что по большинству отраслей промышленности довоенный уровень был превышен незначительно, а по некоторым видам

¹ «Statistische Übersicht. . .», стр. 220.

² «Мировое хозяйство и мировая политика», 1929, № 4, стр. 106.

³ «Statistische Übersicht. . .», стр. 29—100, 127.

производства даже не достигнут. Среднегодовой прирост общего объема промышленной продукции за 1918—1928 гг. составлял всего 1%. Этот факт был не случайным. Он объясняется резким понижением темпов роста капиталистической промышленности с наступлением общего кризиса капитализма.

1929 год еще дал незначительный прирост объема промышленного производства, но уже обнаруживались симптомы приближавшегося конца стабилизации. Со второй половины 1928 г. стала ухудшаться конъюнктура на внешних рынках, в результате чего сократился чехословацкий экспорт, особенно по таким важным статьям, как вывоз угля, текстильных изделий, древесины. В общей сложности в 1928 г. вывоз уменьшился по сравнению с 1927 г. более чем на 1,5 млрд. крон¹, а за 10 месяцев 1929 г. еще примерно на столько же². О сокращении производства в некоторых основных отраслях свидетельствовал и рост безработицы, которая осенью 1929 г. была на 22% выше, чем осенью 1928 г.³ Такова была картина развития чехословацкой промышленности в период временной частичной стабилизации капитализма.

В это время развитие сельского хозяйства Чехословакии шло в направлении восстановления довоенного уровня основных его отраслей. С 1925 г., после продолжительного периода послевоенной хозяйственной разрухи, выразившейся также и в упадке сельского хозяйства, стали заметно расти посевные площади. Однако по важнейшим сельскохозяйственным культурам к 1928—1929 гг. посевные площади так и не достигли довоенного уровня и только по сахарной свекле превзошли его⁴. Росту посевных площадей под зерновыми культурами благоприятствовала внутривнутрирыночная конъюнктура, которая создавалась в результате аграрного протекционизма, проводившегося чехословацким правительством под нажимом аграриев. В 1924—1929 гг. заметно возросли капиталовложения в сельское хозяйство Чехословакии, о чем свидетельствуют хотя бы усиление потребления искусственных удобрений (с 531 тыс. т в 1924—1925 гг. до 715,7 тыс. т в 1928—1929 гг.) и увеличение более чем в 5 раз ввоза сельскохозяйственных машин⁵. Этим объясняется значительное повышение урожайности. В 1928 г. среднегодовой урожай с единицы земельной площади по основным культурам превысил довоенный уровень. Но при этом следует иметь в виду, что за общими данными об урожайности, приводимыми официальной статистикой, скрывалось большое расхождение между урожаями, полученными с гектара земельной площади в помещичьих и кулацких хозяйствах, с одной стороны, и в мелких и средних крестьянских хозяйствах — с другой. Так, по данным 1926 г., урожай пшеницы с 1 га в помещичьих и кулацких хозяйствах составлял 25,20 ц, в мелких и средних крестьянских хозяйствах — 18,70 ц; ржи — соответственно — 21,10 и 15,90 ц; ячменя — 22,60 и 16,40 ц; сахарной свеклы — 252 и 150 ц⁶. Эта разница создавалась в результате применения в помещичьих и кулацких хозяйствах машин и большого количества искусственных удобрений, в то время как даже средним крестьянским хозяйствам они были совершенно недоступны, не говоря уже о категории

¹ «Statistische Übersicht...», стр. 159—160.

² «Rudé právo», 12 декабря 1929 г.

³ Там же.

⁴ «Statistisches Handbuch der Čechoslovakischen Republik», I, Prag, 1920, стр. 46—49; «Statistische Übersicht...», стр. 69.

⁵ «Za bolševickou orientaci KSČ. Sborník dokumentů-k I. svazku spisů Klementa, Gottwalda», Praha, 1953, стр. 271.

⁶ «Protokol čtvrtého řádného sjesdu Komunistické strany Československa...», стр. 36.

бедняцких хозяйств, где в среднем на 5 хозяйств приходилась лишь одна лошадь. Показатели по развитию животноводства к 1928—1929 гг. превышали довоенный уровень.

В сельском хозяйстве господствовали монополии, подчинившие своей власти сотни тысяч мелких и средних производителей.

В период частичной стабилизации капитализма произошел общий рост производительных сил страны. Но этот рост не привел к улучшению жизненного уровня широких народных масс, ибо главным двигателем капиталистического развития является жажда наживы, стремление капиталистов к получению максимальных прибылей. В Чехословакии, как и в других буржуазных странах, экономика развивалась путем капиталистического рационализации, на основе всемерного усиления эксплуатации трудящихся. Одновременно с расширением производства углублялся процесс абсолютного и относительного обнищания пролетариата и разорения крестьянства.

Чехословацкая буржуазия использовала стабилизацию для максимального увеличения капиталистических прибылей. В качестве иллюстрации этого положения приведем данные по нескольким крупным акционерным обществам. Акционерное общество заводов Шкода увеличило свои прибыли с 32,2 млн. крон в 1924 г. до 54 млн. крон в 1928 г. За то же время Горно-металлургическое общество показало рост прибылей с 24,2 млн. крон до 44,1 млн., Краледворские цементные заводы — с 10,3 млн. крон до 24,2 млн.¹ и т. д. Наибольшие прибыли имели акционерные общества, входившие в промышленный концерн крупнейшего в республике финансового колосса — Живностенского банка. Пражское металлургическое общество, членом правления которого был директор Живностенского банка Прейсс, увеличило свою чистую прибыль с 811 тыс. крон в 1923 г. до 4,5 млн. в 1924 г.² и затем до 8,1 млн. крон в 1928 г.³ По официальным данным балансовых отчетов, в 1924 г. крупные акционерные общества выплачивали 50—75% дивидендов, фактически же чистая прибыль их была значительно выше и достигала 100%. Чтобы освободить свои капиталы от обложения налогами, акционерные общества переводили значительную часть прибыли в так называемые «резервные фонды». К примеру, акционерное общество Орион-Маргинер, показавшее в своем балансе за 1924 г. 4 млн. чистой прибыли, увеличило за это же время резервный фонд с 6 млн. до 12 млн. Таким образом, чистая прибыль этой компании составила не 4 млн., а 10 млн.⁴

О громадных размерах прибылей, получаемых чехословацкой буржуазией в годы стабилизации, свидетельствует тот факт, что в 1927 г. средняя норма прибавочной стоимости в Чехословакии достигла 200%⁵.

Росли и прибыли банков, подчинивших своему влиянию все основные отрасли чехословацкой промышленности. В 1926 г. 5 крупнейших банков и 12 промышленных предприятий показали чистую прибыль в 318 млн. крон⁶.

В период частичной стабилизации в Чехословакии, как и в других капиталистических странах, усилился процесс концентрации производства, централизации капитала, роста монополий. Большую роль в концентрации капитала и слиянии банковского капитала с промышленным

¹ «Za bolševickou orientaci KSČ...», стр. 263.

² «Rudé právo», 24 декабря 1924 г.

³ «Za bolševickou orientaci KSČ...», стр. 203.

⁴ «Rudé právo», 24 марта 1925 г.

⁵ «Коммунистический интернационал», 1928, № 21, стр. 28.

⁶ «Rudé právo», 25 сентября 1927 г.

сыграла проведенная после войны дефляция валюты. Промышленность, получившая ссуды в обесцененной валюте, в результате повышения курса кроны оказалась в большом долгу у банков, что усилило зависимость промышленных предприятий от банков, могущество финансового капитала. Одновременно шел процесс подчинения средних и мелких финансовых учреждений наиболее крупным банкам. Особенно ярко это видно на примере усиления крупнейшего в Чехословакии банка — Живностенского. Этот банк увеличил свой акционерный капитал за 1924—1929 гг. с 200 млн. до 500 млн. крон, или в $2\frac{1}{2}$ раза. За это же время акционерный капитал Чешского учетного банка вырос с 200 млн. до 250 млн., Лендербанка — с 120 млн. до 160 млн. крон. Резервные фонды чешских банков в 1923—1929 гг. повысились с 954 млн. до 1636 млн. крон, т. е. на 71%¹. Несколько крупнейших банков (Живностенский банк, Чешский учетный банк, банк «Унион», Аграрный банк и др.) составили финансовую олигархию, господствовавшую в экономике страны. 12 влиятельнейшим банкам принадлежало $\frac{4}{5}$ всего банковского акционерного капитала. Более мелкие банки становились зависимыми от них, а в некоторых случаях терпели полный финансовый крах, как это произошло в 1923 г. с банками Моравско-Силезским, Земельным и банком «Богемия». Концентрация капитала в Чехословакии в это время характеризуется следующими данными: итоговый баланс акционерных банков Чехии, Моравии и Силезии составлял в 1920 г. — 18 978 млн. крон, в 1927 г. — 29 332 млн., хотя число банков уменьшилось за это время с 37 до 27; акционерный капитал этих банков увеличился с 1329 млн. в 1920 г. до 1840 млн. в 1929 г., а вклады — с 2286, 4 млн. в 1920 г. до 9380,8 млн. в 1928 г.² При этом 12 банкам принадлежало $\frac{4}{5}$ всего банковского акционерного капитала³.

Одновременно идет процесс концентрации и монополизации промышленности под «патронатом» банков. Крупнейшие банки подчиняют своему влиянию самые важные отрасли чехословацкой промышленности. Наиболее мощным становится промышленный концерн, финансируемый Живностенским банком, интересы которого были сосредоточены главным образом в тяжелой индустрии (угольной, металлургической, химической, машиностроительной), а также в промышленности деревообделочной, строительных материалов, сахарной, текстильной. В этот концерн входило около 70 акционерных компаний, среди которых были такие гиганты чехословацкой промышленности, как Чешско-Моравский комбинат Кольбен-Данек, Мостецкие и Северочешские угольные копи, Пражское металлургическое общество и т. п. Живностенскому банку принадлежал крупный пакет акций фирмы бывших заводов Шкода. Пражский кредитный банк сосредоточивал свои интересы главным образом в отраслях легкой промышленности, и финансируемый им концерн включал более 20 крупных фирм⁴. В промышленности, связанной с сельским хозяйством, значительно усиливается концерн, финансируемый Аграрным банком. Капиталы аграрной буржуазии устремляются в сельское хозяйство и связанные с ним отрасли промышленности. Аграрный банк контролировал, прежде всего, промышленность по переработке сельскохозяйственных продуктов — сахароваренные, винокуренные заводы, масло-

¹ «Za bolševickou orientaci KSČ. . .», стр. 254.

² Ш м і д т. Капіталістична Чехо-Словакия. Харків, 1932, стр. 17.

³ «První celostátní sjezd závodních výborů a rad v Československu», Praha, 1924, стр. 29.

⁴ Р. Н г у б у. Z dějin finančního kapitalu. «Ekonomie a finance», Praha, 1951, N 6, стр. 257—258.

заводы, крахмало-паточное производство и т. п. Под его контролем находился также Центрокооператив, который представлял собой гигантский картель, монополизировавший сбыт сельскохозяйственных продуктов. В Центрокооперативе было объединено 12 кооперативных союзов, вклады которых составляли 4 млрд. крон. Кредитные учреждения, входившие в сферу влияния Аграрного банка, контролируемые им, имели 8,5 млрд. крон. вкладов¹. Аграрный банк был тесно связан с промышленными банками и монополиями, осуществлял проникновение финансового капитала в сельское хозяйство.

В процессе частичной стабилизации капитализма концентрация промышленности все более усиливалась. Создавались гигантские комбинированные предприятия, поглощавшие массу не только мелких и средних промышленных предприятий, но и довольно крупные. Примером такого промышленного колосса в Чехословакии был военно-промышленный концерн бывших заводов Шкода, контролировавшийся французской фирмой Шнейдер-Крезо. Этот концерн, производивший все виды вооружения, объединял более 20 больших военных предприятий (Пльзеньские военные заводы, Брненский оружейный завод, 4 авиационных завода, несколько пороховых и патронных заводов, машиностроительные заводы артиллерийского вооружения, судостроительные верфи, вагоностроительный завод б. Рингхоффера, оружейно-пулеметные заводы и т. п.), а также предприятия вспомогательных для производства вооружения отраслей.

В легкой промышленности подобным комбинированным предприятием был обувной концерн Бати в Злине, в котором работала половина всех рабочих обувной промышленности Чехословакии (около 13 тыс. человек). Батевский комбинат имел 250 отделений и, помимо предприятий по изготовлению обуви, владел собственными машиностроительными заводами, производившими не только оборудование обувной промышленности, но и другие машины, кожевенными заводами, лесопилкой, каменоломнями, черепичными заводами, фанерной и картонажной фабрикой, электростанцией, имел свой автопарк, железнодорожные пути, паровозы, вагоны и аэродром с 4 самолетами. Кроме того, концерну Бати принадлежало обширное сельское и лесное хозяйство и даже скотоводческие фермы за океаном — в Южной Америке.

В период стабилизации капитализма шел усиленный процесс картелирования чехословацкой промышленности. Капитал акционерных обществ в промышленности и торговле, составлявший в 1923 г. 5824 млн. крон, к 1929 г. увеличился до 7682 млн. крон, или на 32%². Этот капитал сосредоточивался главным образом в пищевой, машиностроительной, текстильной, металлической, химической, горно-промышленной и металлургической промышленности, т. е. в тех отраслях, где норма капиталистической прибыли в то время была наиболее высокой.

Возросшая концентрация промышленности и капиталов, ускорив рост монополий, усилила их экономическое и политическое господство. При помощи монополий капиталисты добивались получения максимальных прибылей, устанавливая монопольные цены и деля рынок, диктуя уровень заработной платы и условия труда рабочих. Грабительская сущность монополистического капитала наиболее ярко проявлялась в установлении монопольных цен, которые были на внутреннем рынке в несколько раз выше себестоимости и, как правило, намного превышали

¹ В. Köhler. Material a vysvětliku vnitropolitické situace první republiky, стр. 17.

² «Za bolševickou orientaci KSČ...», стр. 261.

цены на внешних рынках. Так, например, в этот период картель стекольной промышленности продавал свои изделия внутри страны по ценам, на 110% превышавшим внешнерыночные цены на эти изделия. Еще более высокие прибыли получал сахарный картель, который пользовался особым покровительством чехословацкого правительства. В погоне за максимальными прибылями чешский монополистический капитал широко использовал протекционистскую таможенную политику, демпинг, аграрные пошлины. В осуществлении своей грабительской политики монополистическая буржуазия опиралась на поддержку государственного аппарата, действовавшего в интересах финансового капитала.

Каковы были основные источники стабилизации капиталистического строя в Чехословакии?

Одним из важнейших средств обеспечения максимальной капиталистической прибыли является усиление эксплуатации, разорение и обнищание большинства населения данной страны. Ярким подтверждением этого служит положение трудящихся масс Чехословакии в период временной частичной стабилизации капитализма. Рост прибылей капиталистов обеспечивался за счет углубления абсолютного и относительного обнищания рабочего класса. Стабилизация капиталистической экономики проходила на базе капиталистической рационализации производства, означавшей прежде всего усовершенствование потогонных методов труда. «Прогресс техники и науки, — писал В. И. Ленин, — означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот»¹. В результате повышения интенсивности труда и механизации увеличилась степень эксплуатации рабочего класса, упала реальная заработная плата, до предела истощились физические силы рабочих, участились несчастные случаи и увечья на производстве, тысячи пролетариев остались без работы.

Красноречивым доказательством ухудшения положения чехословацкого пролетариата в эти годы могут служить данные о состоянии угольной промышленности. За 10 лет (1919—1929) добыча каменного угля в Чехословакии поднялась почти на 40%. Достигнуто это было прежде всего путем резкого усиления интенсификации труда горняков. Так, в период с 1921 по 1928 г. на шахтах Горно-металлургического общества выработка на одного горняка повысилась с 7 до 13 ц (на 86%), а заработок уменьшился с 55 до 36 крон (почти на 35% за смену)². Эти цифры свидетельствуют о росте производительности труда при одновременном падении даже номинальной заработной платы. В результате капиталистической рационализации в сахароваренной промышленности за 1919—1929 гг. количество занятых круглый год рабочих сократилось с 23 тыс. до 7 тыс., численность сезонных рабочих понизилась на 50%, при увеличении производства сахара вдвое³. Усовершенствование техники изготовления листового стекла привело к тому, что 63% рабочих-стекольщиков района Теплица-Шанова остались без работы⁴.

С 1924 по 1928 г. число увечий рабочих на производстве повысилось на 37%⁵.

Уделом значительной части рабочего класса Чехословакии была голодная заработная плата. По заработной плате Чехословакия занимала одно из последних мест в Европе. Чехословацкий рабочий получал только

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 557.

² «Rudé právo», 26 апреля 1930 г.

³ «Dělnický rozhlas. Hospodářská politika».

⁴ Там же.

⁵ «Za bolševickou orientaci KSČ. . .», стр. 264.

45% заработной платы английского рабочего. Согласно официальным статистическим данным, в 1928 г. из 2,5 млн. рабочих, занятых в промышленности, свыше 1 млн. получали менее 100 крон в неделю, 900 тыс. — 101—150 крон, и только 400 тыс. — более 200 крон в неделю (прожиточный минимум рабочей семьи из 5 человек составлял около 185 крон в неделю)¹. В годы стабилизации капитализма реальная заработная плата чехословацкого рабочего была ниже довоенной вследствие неуклонного роста дороговизны.

Положение рабочего класса в целом ухудшалось наличием постоянной армии безработных, численность которой даже во время наиболее благоприятной экономической конъюнктуры приближалась в Чехословакии к 100 тыс.

Одновременно с усилением эксплуатации промышленного пролетариата шел процесс разорения и обнищания трудящегося крестьянства. К 1929 г. было закончено в основном проведение в Чехословакии земельной реформы, явившейся в руках финансового капитала орудием ограбления трудовых крестьянских масс. Буржуазно-помещичье правительство помогало крупным землевладельцам сохранить за собой свыше 60% земли, предназначавшейся, по закону о земельной реформе, для передачи крестьянам. В среднем на каждое помещичье хозяйство было оставлено 1100 га лучших земель. Земельные магнаты Шварценберг и Лихтенштейн в Чехии и Моравии, Шенборн в Закарпатской Украине и др. остались владельцами огромных латифундий, размеры которых исчислялись десятками тысяч гектаров.

По рыночной стоимости государство выкупило у помещиков лишь около 1700 тыс. га земли и леса, 237 тыс. га было продано большими участками, размером до 100 га, чешским кулакам и буржуазии. На этой земле возникли новые помещичьи хозяйства, так называемые «збытковые статки». Более 60 тыс. га было продано кулакам участками по 30 га. Около 750 тыс. га земли оставило за собой государство. Государственный земельный фонд в значительной степени был использован для чешской колонизации окраин, и прежде всего — Словакии и Закарпатской Украины, с целью усиления господства чешской империалистической буржуазии в национальных областях.

Только 640 тыс. га (16%) помещичьей земли, как правило — самого худшего качества, было выделено для продажи мелким крестьянским хозяйствам, число которых в стране достигало почти 650 тыс. Большое количество и этой земли попало в руки сельской буржуазии. 60% крестьян вообще не получили земли. Те же крестьяне, которым удалось приобрести участки, в скором времени или продали их кулакам, или оказались в тяжелой долговой кабале за кредиты, полученные у банков, ростовщиков и кулаков.

Проведение земельной реформы в Чехословакии явилось мошеннической сделкой финансовой буржуазии с помещиками за счет обманутого и ограбленного трудового крестьянства. В результате реформы 44,2% крестьянских хозяйств остались с карликовыми наделами, размером до 2 га, и владели всего 4,5% земельной площади, в то время как помещичьим хозяйствам, составлявшим лишь 1% из общего количества хозяйств, принадлежало свыше 43% земли и лесов. Земельная реформа укрепила положение помещиков и сельскохозяйственной буржуазии и усилила влияние аграрной партии в деревне. В то же время реформа

¹ A. Zapotocký. *Boj o jednotu odborů*. Praha, 1949, стр. 91.

способствовала подчинению сельскохозяйственного производства финансовому капиталу.

Увеличение крестьянской задолженности, установление монопольных цен на сельскохозяйственные продукты, растущий разрыв между ценами на сельскохозяйственные и промышленные товары свидетельствовали об усилении власти финансового капитала над трудящимися чехословацкой деревни.

Усиление господства монополий вело к разорению и других слоев населения — ремесленников, мелких государственных служащих, мелкой буржуазии. Положение широких масс населения отягощалось растущим налогообложением. К концу периода капиталистической стабилизации налоги в Чехословакии увеличились по сравнению с 1919 г. в чешских землях на 407%, в Словакии на 550%, в Закарпатской Украине на 1040%, причем рост налогообложения шел главным образом по линии повышения косвенных налогов, падавших всей своей тяжестью на плечи трудящихся.

Таким образом, разорение и обнищание широких народных масс, представляющих подавляющее большинство населения страны, было первым и основным источником частичной стабилизации капиталистического строя в Чехословакии.

Этот процесс характеризуется, далее, усилением позиций чешской империалистической буржуазии. Она использовала господствующее положение чешской нации для наступления на экономику национальных окраин республики, прежде всего — Словакии и Закарпатской Украины, добиваясь их дальнейшей аграризации и превращения в рынки сбыта товаров и источники сырья для чешской промышленности. Крайнюю незначительность удельного веса промышленности этих областей в общем балансе промышленности Чехословакии иллюстрируют следующие цифры. По данным 1926 г., на Словакию и Закарпатскую Украину, площадь которых вместе составляла 44% всей территории Чехословакии, а население — 26% всего населения республики, приходилось только 10% общего количества промышленных предприятий, 8% производственных мощностей (в лошадиных силах) и 9% занятых в производстве рабочих¹. Отсталость словацкой промышленности характеризуется также и тем, что продукция отраслей промышленности, производящей средства производства, составляла лишь 23,58% к общей промышленной продукции².

К концу периода стабилизации по большинству отраслей промышленного производства Словакия далеко не достигла довоенного уровня. Наиболее сильный упадок наблюдался в горной и металлургической промышленности. Производство железа, например, в 1928 г. составляло только 17,9% к довоенному уровню³.

Экономическое ограбление угнетенных национальных меньшинств было для чешской буржуазии вторым источником стабилизации капиталистического хозяйства.

И, наконец, третьим источником стабилизации капиталистического строя были кабальные иностранные займы, по которым Чехословакия ежегодно выплачивала огромные суммы, тяжелым бременем ложившиеся на плечи трудящихся.

Чтобы стабилизировать свое капиталистическое хозяйство, буржуазной Чехословакии, являвшейся одним из самых молодых капиталистических государств, приходилось выдерживать конкурентную борьбу с более сильными в экономическом отношении странами. Чешский капитал

¹ «Statistische Übersicht...», стр. 106—107.

² «Za bolševickou orientaci KSC...», стр. 276, 277.

³ Там же.

при этом все больше прибегал к помощи иностранного капитала — американского, английского, французского, что вело к закабалению Чехословакии крупными империалистическими державами и усиленному проникновению иностранного капитала в чехословацкую экономику. Так, например, крупнейшим акционером чехословацких военных заводов Шкода был французский концерн Шнейдер-Крезо, который владел также и акциями горно-металлургического общества. По рекомендации финансового магната — директора Живностенского банка Прейсса, большая часть акций Витковицких металлургических заводов была продана английскому тресту. Владельцами акций предприятия «Эксплозия, чехословацкий акционерный завод взрывчатых веществ» были в основном американские, английские и французские капиталисты. Американские, английские, французские и другие чужестранные капиталисты сидели в правлениях фирм и банков рядом с чешскими капиталистами и банкирами и старались как можно больше выжать из эксплуатации чехословацких трудящихся.

Находясь в кабальной зависимости от крупнейших империалистических государств — США, Англии и Франции, Чехословакия сама была империалистическим государством, с господством монополий во всех областях экономической и политической жизни, с главенствующей, командной ролью чешской буржуазии, проводившей политику национального угнетения по отношению к нечешским национальностям.

Чешский капитал не удовлетворялся внутренним рынком и искал путей проникновения в другие страны. Экспорт чешского капитала прежде всего шел в страны — наследницы Австро-Венгрии, куда был затруднен доступ чехословацких товаров. Чешские капиталисты основали текстильные и химические предприятия в Венгрии и Югославии. Важнейшим путем для экспорта чешского капитала была экспансия военной промышленности Чехословакии на Балканы, в юго-восточные европейские страны и прибалтийские государства, граничащие с СССР. При покровительстве Франции, сколачивавшей в то время блок европейских империалистических государств, направленный против СССР, Чехословакия не только вывозила большое количество вооружения в Польшу, Латвию, Румынию, Болгарию, Югославию, Турцию, но и вкладывала свои капиталы в строительство предприятий военной промышленности в этих странах.

Таковы были пути и источники стабилизации капитализма в Чехословакии.

Анализ экономического развития Чехословацкой республики в 1924—1929 гг. показывает, насколько относительной и непрочной была здесь стабилизация капиталистического хозяйства, насколько шатки были частичные успехи, достигнутые чехословацкой буржуазией на пути восстановления и упрочения капиталистической системы.

Н. И. Кравцов

РУССКО-УКРАИНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

1

Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. было выдающимся историческим событием. Оно завершило многовековую борьбу украинского народа за свое освобождение от гнета польских панов и за объединение с братским русским народом, открыло новый период в отношениях двух великих народов и в их историческом развитии, послужило примером и для других славянских народов в их национально-освободительной и социальной борьбе.

Украинский народ вместе с русским и белорусским народами вышел из единого корня древнерусской народности, связан с ними единством происхождения, близостью и общностью исторической жизни и родством языка, что послужило основой глубокой связи и взаимного обогащения культуры и литературы братских народов.

Это проявилось уже в древнейших памятниках русского, украинского и белорусского народного творчества: песнях, сказках, пословицах, обрядовой поэзии. В них много общего в сюжетах и образах, в словесно-выразительных средствах. Единство исторических корней русского и украинского народов особенно ясно выражено в былинах. В них отражены величие древней Руси, ее борьба против половецких и татарских набегов, события, происходившие «на широком раздольце-чистом поле» — на Днепре. В них воспеваются «стольный Киев-град» и его защитники — богатыри.

Тот факт, что былины создавались не только в южных, но и в центральных и северных русских областях, отражает сознание единства русских земель. Сознание это проявляется и в том, что Киев изображается как «мать русских городов», что его защищают богатыри разных русских земель: Илья из Моровийска, или Мурома, Алеша Попович из Рязани, Добрыня Никитич, в котором слились черты богатырей киевских, новгородских и рязанских.

Древнерусские богатыри не начинают войн, они защищают родную землю. Стремление к миру занимает важное место в былинном эпосе. Это особенно ярко воплощено в образе мирного труженика — пахаря Микулы Селяниновича.

В былинах отражены и социальные противоречия раннефеодального общества. В них не только осмеиваются князья и «бояре кособрюхие», но раскрывается также историческая роль народных масс в борьбе за независимость родины. Князья и бояре не могут без Ильи, которого они называют «мужичищем-деревенщиной», защитить Киев. Показано в былинах и огромное международное значение Киевской Руси, ее высокая

материальная и духовная культура. В них говорится о могучих крепостных стенах древнерусских городов, о палатах белокаменных и замечательных церквях, об искусных мастерах-ремесленниках и талантливых певцах, о грамотности и «вежестве» русских людей. Былины являются богатейшим и самобытным памятником духовной культуры Древней Руси. Говорится в них и о связях народов Киевской Руси с другими народами: например, о том, что в Киев присылали своих послов и ляхи, и чехи, и греки, и угры, и варяги.

Таким образом, былины свидетельствуют об общности исторических корней русского, украинского и белорусского народов, что проявилось также и в их письменности. Русская, украинская и белорусская литература зарождалась как единая для восточных славян литература Древней Руси XI—XIII вв., высшим достижением которой было «Слово о полку Игореве».

Основной идеей этого замечательного памятника древней литературы является идея единства русских земель, прославления родины. Автор говорит о могуществе, богатстве, красоте и славе русской земли, о ее необъятных просторах, многочисленных городах, известных деятелях. Он осуждает распри князей.

Благодаря своему патриотическому пафосу, идее объединения земли русской «Слово о полку Игореве» и впоследствии служило сближению русского и украинского народов, укрепляло героические и патриотические традиции литературы, вдохновляло писателей.

Напрасно русские славянофилы (А. К. Толстой) старались выдать «Слово о полку Игореве» только за русское произведение, а украинские националисты (П. Кулиш и Б. Дедицкий) — за украинское. Передовые писатели Украины и России всегда смотрели на «Слово о полку Игореве» как на памятник творчества древнерусской народности, из которой вышли русский, украинский и белорусский народы.

Значительное влияние «Слова» сказалось уже на воинских повестях XVI—XVII вв., а также и на последующей литературе.

Первое печатное издание «Слова о полку Игореве» вышло в 1800 г. А уже в 1802 г. Радичев в «Песнях древних» воссоздал образ Баяна (Бояна) как певца народной свободы. В стихотворении «Певец во стане русских воинов» (1812) Жуковский пользовался образностью «Слова» при изображении атамана Платова.

Поэты-декабристы и идейно близкие им поэты обращались к «Слову» для того, чтобы, как писал А. Бестужев, «возбуждать доблесть граждан подвигами предков». К. Рылеев поэтически перелагал отрывки из «Слова» и написал думу «Баян». Этим замечательным памятником древней литературы интересовались Грибоедов, Катенин и Языков. В стихотворении последнего из них Баян воспевает «конец владычеству тиранов». Пушкин изучал «Слово» и доказал его древнее происхождение и самобытность. Гоголь восхищался им и использовал его стиль и образы для изображения сцен битв и обрисовки героев в «Тарасе Бульбе».

«Слово» нашло широкое отражение и в украинской литературе: в «Энеиде» И. Котляревского, в стихотворениях Шевченко «Чигирин» и «Кавказ», в цикле стихов И. Франко «На старые темы», где Баян и Игорь изображены как борцы «за будущее народа», в поэме О. Федьковича «Слава Игоря».

Советские поэты использовали героические образы «Слова» для воссоздания прошлого: В. Саянов в поэме «Слово о Мамаевом побоище», К. Симонов в поэме «Ледовое побоище», А. Прокофьев и П. Шубин в своих стихотворениях. Героический пафос «Слова» звучит в патриотической

лирике времени Великой Отечественной войны. Над переложениями «Слова» работали И. Новиков, Б. Лавренев, украинские поэты М. Рыльский, П. Тычина, А. Малышко, П. Тычина и М. Бажан пользовались его образностью при разработке темы гражданской войны.

Так «Слово» до сих пор пробуждает патриотические чувства и русских и украинцев, укрепляет их единство в освободительной борьбе.

Широкие отголоски вызвал этот памятник и в литературах других славянских народов. Многие польские, чешские, болгарские и сербские поэты изучали и переводили «Слово», которое было им близко идеей борьбы с иноземными нашествиями и пробуждало у них гордость богатейшей славянской культурой (Мицкевич, Жинзифов, Негош, Челковский и др.).

Идеи, воплощенные в «Слове», нашли свое выражение и в других произведениях древней русской литературы: в летописях, в повестях и житиях — в «Житии Александра Невского», в «Поучении Владимира Мономаха». В них речь идет о единстве русских племен и земель, осуждаются княжеские междоусобицы, ослаблявшие Российское государство.

В летописях, повестях и житиях битва на Калке, приход Батые в Рязань, разорение Киева, Ледовое побоище рассматриваются как события общерусского значения, что является ярким подтверждением общности исторических корней древней литературы.

* * *

Объединение русских земель Москвой, происходившее с конца XIV до начала XVI в., вызвало рост патриотического самосознания русских людей, развитие культуры и литературы. В литературе продолжают героические традиции «Слова о полку Игореве». Это видно, например, в повести «Задонщина», созданной в Рязани. Она изображает Куликовскую битву как событие отрадное не только для Московской, но и для Южной Руси, а Дмитрия Донского как продолжателя героических традиций Древней Руси.

Недаром «Задонщина» стала широко известна в украинских списках, была переработана в Киеве и заняла видное место среди памятников старинной украинской литературы. Развивавшаяся в XV—XVII вв. областная литература — новгородская, рязанская, тверская, псковская — не порывала с идейно-художественными традициями древней литературы, не замыкалась в рамках областных интересов; она продолжала эти традиции, воплощая идеи единства русских земель или общей борьбы против татар, польской шляхты, ливонских и тевтонских рыцарей и шведов.

Рост Российского государства служил основой укрепления связей с Украиной, стонавшей под гнетом польской шляхты и турепских феодалов. Между Украиной и Российским государством происходил широкий обмен памятниками письменности, в которых настойчиво развивалась идея русско-украинского, а также и общеславянского единства. В конце XVI в. русский первопечатник Иван Федоров стал печатать книги во Львове и этим положил начало книгопечатанию на Украине.

В конце XVI — первой половине XVII в. возникает украинская национальная сатирическая литература — обличения, памфлеты, полемические трактаты и послания, в которых осмеивались польская шляхта и католическое духовенство, угнетавшие украинский народ. Эта литература отражала народное стремление избавиться от ненавистного гнета польских и украинских феодалов. Она была известна и в Российском государстве. Так, были популярны сочинения И. Вишен-

ского, которого Франко назвал «одним из творцов народной украинской литературы».

Борьба украинского народа за свое освобождение нашла яркое отражение в народных песнях-думах. В них рисуются образы отважных героев — Голоты, Федора Безродного, Самуила Кошки, рассказывается о страданиях запорожцев в турецком плену, об освобождении или побеге из плена (думы «Маруся Богуславка» и «Плач невольников»). В думах на первом месте стоит образ Украины, по которой тоскуют пленники.

Описываются в думах и события 1648—1654 гг., борьба с польской шляхтой, Хмельницкий и его сподвижники Барабаш и Богун (думы «Хорсунская победа», «Восстание после белоцерковского мира»). Песни призывают к борьбе и прославляют Хмельницкого.

«Слава его не умрет, не померкнет».

В думах отражен народный, крестьянский характер освободительной войны 1648—1654 гг. Они сатирически изображают польскую шляхту, издевавшуюся над украинским крестьянством, с гневом повествуют о предателях и изменниках, как гетман Выговский.

Думы имели значение для русской литературы. Они помогли русским писателям исторически верно и художественно ярко воспроизводить события прошлого Украины. К ним широко обращались в своем творчестве передовые писатели, например поэты-декабристы. Рылеев назвал свои исторические стихотворения думами, Пушкин интересовался ими, Гоголь писал о них в статье «О малороссийских песнях»: «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обаяющая всю жизнь народа». Он использовал их стиль и художественные средства в повести «Тарас Бульба». Думы высоко ценили Белинский, Чернышевский и Добролюбов.

Воссоединение Украины с Россией, принесшее украинскому народу освобождение от гнета польских панов, соответствовало также и коренным интересам польского крестьянства, способствовало борьбе польских крестьян против магнатов и шляхты. Это отразилось в польской литературе тех лет. Один из польских поэтов (имя его неизвестно) воспевал Хмельницкого за его борьбу с ненасытными магнатами, чинящими «угнетение, обиды и насилия над подданными». Другой отмечал влияние освободительной войны украинского народа на польских крестьян.

Воссоединение Украины с Россией нашло отклик и в Чехии, Болгарии и Сербии: это сказалось в подъеме национально-освободительного движения, в укреплении надежды на помощь русского народа, в росте интереса к русской мысли и русской книге.

«Воссоединение Украины с Россией, несмотря на то, что во главе России стояли тогда царь и помещики, имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народов»¹. Укрепились связи двух братских народов, началась их общая борьба с угнетателями, с царизмом, с крепостниками, а затем и с буржуазией.

В XVII—XVIII вв. деятели украинской культуры принимают большое участие в развитии русской литературы. С одной стороны, они воспринимают и распространяют ее передовые идеи, с другой — вносят в нее много ценного. Силлабические стихи (вирши) и школьные драмы были занесены в Россию южно-русскими писателями. По их образцу стали писать и русские поэты. В произведениях этого типа значительное место

¹ «Правда», 9 декабря 1953 г.

занимала сатира, которая во многом использовала украинские и русские народные сказки. В виршах, в школьных драмах, а особенно в интермедиях обычно осмеивались барин (пан), польский шляхтич, поп, купец, а положительными героями были украинские и русские крестьяне и солдаты. Этот литературный жанр явился зародышем позднейшей социальной сатиры.

Роль украинской культуры в обогащении русской в это время проявлялась многосторонне. Поэт XVII в. Симеон Полоцкий был воспитанником Киево-Могилянской академии. Он создал первую школу русских стихотворцев, в которую входили Медведев и Истомина. В Вильно украинским ученым Мелетием Смотрицким была написана грамматика славянского языка, по которой учился Ломоносов. Из Киева пришли Стефан Яворский и верный помощник Петра I Феофан Прокопович, прославившийся в стихах Петра и Полтавскую победу как торжество союза России и Украины. Эту тему продолжили Кантемир и Ломоносов.

Необычайно быстро развивавшаяся русская литература стала в свою очередь оказывать большое воздействие на украинскую. Сочинения Ломоносова, сатирические журналы Новикова, комедии Фонвизина, «Путешествие» Радицева были широко известны на Украине. В сатире украинского философа и поэта Г. Сковороды чувствуется влияние русской сатирической литературы XVIII в. Русская комедия и комическая опера XVIII в. служили образцом известному украинскому писателю начала XIX в. И. Котляревскому, создавшему свои яркие в национальном отношении комедии «Наталка-Полтавка» и «Москаль-чаривник». Воздействие это сказалось в четко выраженном демократизме, жизнерадостности, характере комизма, художественных средствах, диалоге, композиции. Влияние русских баснописцев XVIII в. Сумарокова и Хемницера, а затем и Крылова прослеживается в баснях П. Гулак-Артемовского и Е. Гребенки.

В 1783 г. был опубликован указ Екатерины II о прикреплении к земле украинских крестьян. С этого момента усиливается совместная борьба русского и украинского крепостного крестьянства против русского царизма и помещиков. Украинский народ в своих песнях и украинские писатели в своих сочинениях, выражая любовь к русскому народу, резко осудили политику Екатерины II. Прикрепление украинских крестьян к земле вызвало возмущение и передовых русских писателей. Радицев, Фонвизин, Капнист с гневом говорили о закреплении украинских крестьян. Капнист (бывший по происхождению украинцем) в своей «Оде на рабство» нарисовал картину насилия властей, барского произвола и разорения народных масс Украины.

Русская литература XVIII в. способствовала развитию освободительной борьбы украинского народа с самодержавием и крепостничеством и расцвету его национальной культуры и литературы. Эта благотворная роль русской литературы еще более возросла в XIX в.

2

Русский народ в XIX в. создал богатейшую литературу, прославившуюся своими передовыми освободительными идеями, подлинным демократизмом и гуманизмом и реалистическим методом изображения действительности, неразрывно связанную с революционным движением и благодаря всему этому оказавшую благотворное влияние на мировую литературу. Идеино-художественный рост русской литературы увеличивал и ее многостороннее воздействие на украинскую литературу.

История русско-украинских литературных связей в первой половине XIX в. — это история совместной борьбы прогрессивных русских и украинских писателей за объединение сил русского и украинского народов для разгрома самодержавия и крепостничества.

Отечественная война 1812 г., в которой русские, украинцы и белорусы общими усилиями разгромили полчища Наполеона, и нарастание революционной ситуации в России сыграли большую роль в углублении связей передовой мысли России и Украины, в том числе в углублении литературных связей.

В начале XIX в. в России широко проявился интерес к Украине, ее народу, истории, поэзии и языку. В 1819 г. русским литератором Цертелевым были впервые изданы украинские народные думы и исторические песни; русский лингвист Павловский первый написал грамматику украинского языка.

В первой половине XIX в. вышли путешествия Я. Марковича, П. Сумарокова, Е. Ковалевского, А. Левшина, сборники песен Максимовича, «История Малой Руси» Бантыш-Каменского, а также и другие произведения об Украине.

Особая заслуга в укреплении русско-украинских литературных связей принадлежит декабристам. Декабристские организации объединяли лучших людей России и Украины. Декабристами были писатели К. Рылеев, В. Раевский, В. Кюхельбекер, А. Одоевский, А. Бестужев-Марлинский. Идеями были близки декабристам Грибоедов, Пушкин и Лермонтов.

Деятельность декабристов во многом проходила на Украине. Центр южной группы Союза благоденствия находился в Тульчине, где в 1821 г. было создано Южное общество во главе с Пестелем. Первый съезд его собрался в январе 1822 г. в Киеве. Здесь Пестель читал свою «Русскую правду» — программу уничтожения крепостничества и самодержавия. Восстание 14 декабря 1825 г. в Петербурге вызвало и восстание в Черниговском пехотном полку, расположенном на Украине.

Дело декабристов, по определению В. И. Ленина, «не пропало». Они «разбудили Герцена». Они оказали огромное влияние и на всю русскую и украинскую литературу. Шевченко с благоговением целовал на обложке «Полярной звезды» Герцена изображение пяти казненных декабристов, мечтал «на крыльях» полететь за Байкал, заглянуть «в вертепы темные и норы», где томилась ссыльные декабристы, и показать людям «поборников священной воли» (поэма «Юродивый»).

По своим политическим воззрениям декабристы были сторонниками объединения всех славянских стран в демократическую республиканскую федерацию, при сохранении национального своеобразия жизни и культуры каждого народа. Поэтому декабристы в своих исторических и политических трудах, в своих художественных произведениях большое внимание уделяли теме дружбы славянских народов, в частности теме русско-украинских отношений.

Обращаясь к истории Украины, они утверждали единство русского и украинского народов в освободительной борьбе и для выражения своих идей часто использовали исторические события на Украине и образы украинских патриотов. В поэме «Наливайко», названной так по имени казненного в 1597 г. польской шляхтой вождя казацкого восстания, Рылеев создал образ борца за независимость и счастье родины и вложил в его уста такие слова:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает

На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Рылеев воспевал героическую освободительную борьбу украинского народа, рисовал образы его славных сынов, например, в думе «Богдан Хмельницкий». О Хмельницком он говорит как о борце против «притеснителей народа», мечтающем о «свободе» и «мире» для родной страны. Битву при Желтых Водах поэт называет боем «свободы» против «тиранства» и так определяет ее результаты:

И воцарилась свобода
С тех пор в Украинских степях,
И стала с счастьем народа
Цвезть радость в селах и градах.

Судьба Украины глубоко занимала поэта:

Мне ад — Украину зреть в неволе,
Ее свободной видеть — рай.

Рылеев работал и над трагедией «Богдан Хмельницкий». Он бывал на Украине, собирал материалы и незадолго перед восстанием 1825 г. хотел объехать места событий 1648—1654 гг. Историческую повесть «Зиновий Богдан Хмельницкий» написал и декабрист Ф. Глинка.

В результате Отечественной войны 1812 г. и восстания декабристов еще более укрепились русско-украинские литературные связи. Это в свою очередь привело к росту идейного художественного влияния передовой русской литературы на развитие национально-самобытной украинской литературы. Некоторые талантливые писатели того времени — И. Котляревский, Г. Квитка-Основьяненко, П. Гулак-Артемовский, Е. Гребенка — в своем творчестве были тесно связаны с передовыми течениями русской литературы. Котляревский был членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», продолжавшего традиции Радищева. Квитка-Основьяненко развивал в своих пьесах сатирическую линию русской литературы XVIII в., а в своих повестях использовал творческий опыт Гоголя. Белинский говорил, что основной герой его повести «Маруся» — «Малороссия, с ее поэтической природою, с ее поэтической жизнью простого народа, с ее поэтическими обычаями. Этот-то герой и составляет всю заманчивость, всю поэтическую прелесть повести»¹.

Следует подчеркнуть, что идеями дружбы славянских народов проникнуто творчество передовых писателей Польши, Чехии, Словакии, Болгарии и Сербии. Это можно, например, сказать о великом польском поэте Мицкевиче, который был другом не только Пушкина, но и Рылеева и Бестужева, который в третьей части поэмы «Деды» вспоминает о казенном Рылееве и сосланном Бестужеве. Мицкевич говорит о своих братских чувствах к ним, о своей ненависти к русскому царю, о совместной борьбе польского и русского народов против самодержавия, наконец, о том, что к каторжной тачке деспотом прикована рука русского борца.

И польская рука с ней рядом, как сестра.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., М., 1953, т. III, стр. 54.

В своих произведениях Мицкевич рисовал картины украинской жизни, описывал борьбу крестьян с польскими панамы (образ казака Наума в балладе «Дозор») и дружеские чувства русских к полякам (образ капитана Рыкова в «Пане Тадеуше»). Ю. Словацкий воспевал борьбу украинского народа за свою свободу. С. Гошинский в поэме «Конецкий замок» (1828) правдиво изобразил борьбу гайдамаков против польской шляхты в XVIII в.

Идея славянского объединения широко развита Мицкевичем в его публицистике и в лекциях по истории славянских литератур. Она с большой ясностью и силой выражена чешским поэтом Я. Колларом в его стихах и трактате «О литературной взаимности славян» (1836), а также в произведениях чешского писателя Ф. Челаковского.

Огромная заслуга в разработке украинских тем принадлежит Пушкину и Гоголю.

Украина глубоко интересовала Пушкина. Он любил ее, ее народ, ее природу, любил и записывал народные песни, читал сборник украинских песен Цертелева и сборники Максимовича «Малороссийские песни» (1827) и «Украинские народные песни» (1834). В годы ссылки он побывал во многих местах Украины.

Великий поэт изображал в своих произведениях историю и быт Украины, используя при этом песни и предания («Полтава», «Сказки», стихотворения «Казак» и «Гусар»). Запоминающиеся картины украинской природы он нарисовал в «Полтаве»:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.

Большой интерес представляет анализ поэмы «Полтава» с точки зрения проводимой в ней мысли о необходимости союза Украины и России. Сторонников этого союза — Петра и Кочубея — поэт изображает как положительных лиц, тех, кто разрушает этот союз, — как отрицательных. Мазепу он называет «проклятым». Полтавскую победу Пушкин рассматривает не только как освобождение русского и украинского народов от грозной опасности, но и как результат соединенных усилий двух народов. Полтавская битва есть продолжение героических традиций борьбы русских и украинцев против иноземных нашествий. Поэт сурово осуждает тех, кто ждал междоусобной войны и расторжения союза с Россией; по словам поэта, они становились на путь «опасных» перемен,

Забыв отчины давний плен,
Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времен.

Тема, разработанная Пушкиным в «Полтаве», не раз освещалась в русской литературе. В предисловии к «Полтаве» Пушкин критикует (не называя имен) Рылеева за поэму «Войнаровский» и Аладьина за повесть «Кочубей»: первого за то, что, разрабатывая тему борьбы с самовластием, он невольно сделал Мазепу героем свободы, «новым Богданом Хмельницким», а второго за то, что он изобразил Мазепу «старым трусом». Сам Пушкин сумел исторически правдиво раскрыть смысл событий и характеры героев. Для него Мазепа — изменник и предатель, опасный враг и России и Украины.

Освобождение Украины от гнета польской шляхты и воссоединение ее с Россией глубоко занимали Пушкина. Это было вызвано особыми обстоятельствами. В период подготовки восстания 1830—1831 гг., да и после его подавления, националистические устремления польской шляхты получили широкое развитие. Польские магнаты требовали восстановления Польши в границах 1772 г., присоединения к ней Украины, Белоруссии и Литвы. На это Пушкин ответил стихотворениями «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России». В них он говорит об Украине как о «наследии Богдана», о «Киеве — прашуре русских городов» и опровергает замыслы польских националистов, которых стала поддерживать буржуазная Франция. В связи с этим Пушкин начал работать и над «Историей Украины». В плане ее он отмечает воссоединение Украины с Россией как переломный момент в судьбе украинского народа.

Для укрепления русско-украинских литературных связей была важна не только разработка Пушкиным украинской темы. Творческий гений Пушкина — национальная гордость русского народа. Реализм и народность, свободолюбие и художественная сила поэзии Пушкина открыли новую страницу в мировой литературе. Его поэзия имеет огромное значение для развития литератур всех народов нашей страны. Она стала образцом для поэтов. За Пушкиным пошел не только русский поэт Лермонтов, но и украинский поэт Шевченко. Шевченко назвал Пушкина «бессмертным гением», а украинский поэт П. Грабовский — «славой и гордостью России». У Пушкина учились крупнейшие поэты украинского народа — Леся Украинка и Франко, у него учатся и сейчас советские украинские поэты — Тычина, Рыльский, Бажан и др. Имя Пушкина и у них вызывает гордость за русскую культуру.

Значение творчества Пушкина чрезвычайно велико еще и потому, что оно содействовало установлению широких культурных связей не только между русскими и украинцами, но и между поляками, чехами, словаками, болгарам, сербам и другими славянскими народами. Оно сыграло колоссальную роль в укреплении связей славянских литератур.

«Великий русский поэт Александр Пушкин, — говорил Н. С. Хрущев, — разделяя взгляды своего близкого друга — великого польского поэта Адама Мицкевича, вместе с ним мечтал о тех грядущих временах, «когда народы распри позабыв, в великую семью соединятся»¹.

Но этим мечтам лучших людей Польши и России о дружбе и братстве народов долгое время не суждено было осуществиться. Слишком велики были преграды, чинимые дворянско-помещичьим и буржуазным строем на пути к сближению народов.

Однако, несмотря ни на какие преграды, поэзия Пушкина уже при жизни поэта стала широко известной на Украине, в Польше и в других славянских странах, а поэзия Мицкевича была оценена по достоинству русскими и украинскими писателями. Шевченко любил читать стихотворения Пушкина о Мицкевиче, в которых выражена мечта двух великих поэтов о дружбе народов и мире, и послал Мицкевичу за границу свою поэму «Кавказ».

С появлением Гоголя на литературной арене русско-украинские литературные связи еще более углубились, а тема Украины получила подлинно многостороннее освещение. В самом Гоголе воплотилось единство культур двух братских народов: великий сын украинского народа стал классиком русской литературы. Гоголь с новой силой утверждал союз украинского и русского народов, первый создал истинно поэтический

¹ «Правда», 12 марта 1954 г.

образ Украины, соединив традиции передовой русской и украинской литератур.

Следуя по пути Рылеева и Пушкина, Котляревского и Гулак-Артемовского, Гоголь отверг проявившуюся в некоторых произведениях об Украине реакционную «теорию официальной народности». Он стал на путь демократизма и критического реализма, рассказал о жизни простого народа Украины. В эти годы реакционеры не признавали за украинским народом права на самостоятельную национальную культуру, а за украинским языком — права на самостоятельное существование. Реакционная критика в лице Полевого и Сенковского враждебно встретила Гоголя, но Пушкин и Белинский высоко оценили его сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», в котором писатель с подлинным реализмом раскрыл национальные черты украинского народа.

В повести «Тарас Бульба» Гоголь изобразил героическое прошлое украинского народа, показал его единство с русским народом, подъем освободительного движения накануне восстания под предводительством Богдана Хмельницкого, когда во главе Запорожской Сечи стоял гетман Острица. Гоголь не стремился сделать героями своей повести определенных исторических лиц, и мало оснований утверждать, что Тарас Бульба — это Тарас Трясило, который возглавил восстание 1630 г. Писатель создал типические, обобщенные образы народных героев, показал народ как историческую силу, раскрыл стремление украинцев отстоять свою независимость: «Поднялась вся нация, — ибо переполнились терпение народа».

Запорожская Сечь в изображении Гоголя есть воплощение вольнолюбивого духа украинского народа. Героический, свободолюбивый дух запорожского казачества он называет «замашкой русской природы», а «русская природа» в его понимании соединяет в себе национальные черты и русских и украинцев. Исторически правдиво изображая неразрывность судеб украинского и русского народов, восхваляя патриотизм, беспощадно осуждая измену и предательство, Гоголь говорит о непобедимости «русской силы»: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу».

Обличение русских и украинских помещиков и польских панов, раскрытие патриотизма, героизма украинского народа, его веры в русский народ, глубокая разработка национальной темы в украинской литературе — основные черты творчества Гоголя. Под воздействием прозы Гоголя эта тема получила широкий отклик и в литературах других славянских народов. Слова из «Тараса Бульбы» о непобедимости русской силы будили гордость за русский народ и надежду на его помощь у южных славян — болгар и сербов, боровшихся против турецкого владычества. Повесть «Тарас Бульба», переведенная в Чехии в 1839 г., в Сербии в 1857 г., в Болгарии в 1872 г., была близка славянам, изнывавшим под австрийским и турецким гнетом, а образы ее героев напоминали образы отважных болгарских и сербских гайдуков, борцов против иноземного владычества.

В своих лучших произведениях — «Тарас Бульба», «Ревизор», «Мертвые души» — Гоголь явился продолжателем утвержденного Пушкиным в русской литературе метода критического реализма. Последующие писатели России и Украины шли по его пути. Вместе с другими великими русскими писателями Гоголь подготовил появление знаменитого народного поэта Украины Тараса Шевченко, который высоко ценил его: «Перед Гоголем, — писал Шевченко, — должно благоговеть, как пред человеком, одаренным самым глубоким умом и самую нежную любовью к

людям!» Творчество Гоголя оказало глубокое воздействие на Т. Шевченко, М. Вовчка, П. Мирного, И. Франко, Л. Мартовича, В. Стефаника. Оно нашло широкий отклик и в литературах всех славянских народов, способствовало укреплению общеславянских литературных связей и развитию метода критического реализма в литературе Польши, Чехии, Болгарии и Сербии.

3

Второй этап русского освободительного движения — середина XIX в. — характеризуется еще большим углублением связей передовых деятелей России и Украины. Лучшие представители русского и украинского народов боролись за объединение сил для борьбы с самодержавием и крепостничеством, буржуазной эксплуатацией, шовинизмом и национализмом. В этом наибольшую последовательность и смелость проявили русские революционеры-демократы. Русская революционно-демократическая критика и литература, а под их воздействием и все прогрессивные русские писатели много содействовали развитию национально-самобытной украинской литературы. «Вопреки царской реакционной политике жестокого национально-колониального угнетения лучшие силы народа признавали право Украины на национальную независимость и вместе с передовыми деятелями украинского народа боролись против позорной политики натравливания народов России друг на друга, которую проводили русские и украинские помещики и буржуазия и их приспешники — великодержавные шовинисты и украинские националисты»¹. Эта борьба была близка польскому, чешскому, словацкому, болгарскому и сербскому народам, чем и объясняется колоссальное воздействие русской революционно-демократической мысли на литературы этих народов (Э. Дембовский, Я. Домбровский, И. Фрич, Я. Неруда, Х. Ботев, Л. Каравелов, С. Маркович и др.).

Огромное революционизирующее влияние на культуру и литературу всех народов России оказал революционер-демократ Белинский. Он всегда интересовался Украиной, ее историей, положением ее народных масс. Воссоединение Украины с Россией он считал историческим актом первостепенного значения и предсказал великую будущность обоим народам: «Слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке. . . Вместе с Россиею ей предстоит теперь великая будущность»². Богдана Хмельницкого он рассматривал как чрезвычайно талантливого полководца и политика. Критикуя исторический роман И. Голоты «Хмельницкие, или Присоединение Малороссии» (1834), Белинский резко осудил искажение в нем образа Хмельницкого и подчеркнул, что верный его образ — борца за освобождение родины — рисуют украинские народные думы. Критик всегда с восхищением говорил о свободолюбии и героических традициях Украины, своеобразии ее природы и быта.

Очень много сделал Белинский для развития передовых течений украинской литературы, углубления ее реализма и народности. Он внимательно следил за ростом украинской литературы, за тем новым и здоровым, что в ней появлялось, поддерживал молодых украинских писателей-реалистов, укреплял идейно-художественные связи русской и украинской литератур. Украинские националисты стремились выдать за

¹ «Правда», 9 декабря 1953.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 412—413.

друзей украинской литературы славянофилов из журнала «Москвитянин», но истинным ее другом был Белинский.

Выступая против национализма и реакции, против вредной идеализации прошлого, он содействовал расцвету талантов прогрессивных писателей Украины. Во многих своих статьях и рецензиях он говорит о творчестве Квитки-Основьяненко и высоко оценивает его повести «Маруся» и «Солдатский портрет» за демократизм и верную картину жизни Украины и ее народа, а комедию «Дворянские выборы» и роман «Пан Халявский» (написанный на русском языке) — за сатирическое изображение украинского помещного дворянства.

Белинский с восхищением отзывался о «Кобзаре» Шевченко и защищал право поэта писать на родном ему языке.

Белинский хорошо знал украинскую народную поэзию и в рецензии на книгу Ю. Венелина «О характере народных песен у славян задунайских» (1835) отметил ее близость к народной поэзии русского и других славянских народов. Он хорошо разбирался в литературной жизни Украины и сумел разграничить ее прогрессивные и реакционные явления. Так, высоко оценивая Шевченко и Квитку-Основьяненко, находя положительные стороны в романе Гребенки «Чайковский», он резко осудил реакционного романтика А. Метлинского.

Белинский одобрял развитие темы Украины и в украинской и русской литературе. Он считал, что это способствует сближению украинского и русского народов. Но он отвергал всякую фальсификацию в разработке этой темы. Именно поэтому он восторгался «Полтавой» Пушкина и повестями Гоголя и резко критиковал роман Ф. Булгарина «Мазепа», повесть А. Кузмича «Казаки» (1842) и повесть Н. Сементовского «Кочубей, генеральный судья». В этих последних он не видел исторической правды, национального своеобразия жизни и характеров героев. Отметил он и недостатки в романах Нарезного «Бурсак» (1824) и «Два Ивана» (1825), которые состояли в отсутствии должных обобщений и подлинной народности. И, наоборот, в украинских повестях Гоголя и особенно в «Тарасе Бульбе» он находил правдивое изображение действительности, «духовный образ народа», патриотизм, защиту прав украинского народа на развитие своей национальной культуры. Всем этим великий критик содействовал исторически верному изображению жизни Украины.

В конце 50-х годов в защиту украинского народа выступил Герцен. Борясь с национализмом и космополитизмом, с национальным угнетением в царской России, он говорил, что благодаря усилению демократического движения в России русский народ еще сыграет огромную роль в освобождении и объединении славян, в развитии их национальной культуры. Он решительно подчеркивал, что только освобождение самого русского народа может привести к освобождению украинцев, белорусов, западных и южных славян: «Европа станет свободной только через раскрепощение России»¹. Герцен предвидел захватнические войны со стороны буржуазных государств и считал, что лучшим путем для славянских народов является союз с русским народом². Этот братский союз он представлял себе не в виде «чудовищной империи», а в виде союза равных народов. Такого союза он желал и для Украины. Полагая, что «Украину следует... признать свободной... и независимой страной», он подчеркивал, что не надо смешивать освобождение Украины от деспотизма с ее отделением от России. Украина, писал он, хочет освободиться от само-

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. V, стр. 334.

² Там же, т. X, стр. 242.

державного гнета, но не захочет отделиться от России, тем более тогда, когда Россия станет свободной¹.

Герцен, как и Белинский, высоко ценил культуру и народное творчество Украины, отмечал расцвет ее литературы в середине XIX в., любил повести Гоголя за правдиво нарисованные в них картины украинской жизни. Он выступил в защиту украинских деятелей и украинского языка: «Развяжемте им руки, развяжемте им язык, пусть речь их будет совершенно свободна, и тогда пусть они скажут свое слово»².

Герцен неоднократно указывал на глубокие духовные связи русского и украинского народов, на взаимное обогащение и сотрудничество русской и украинской литератур. Так, он сумел правильно оценить значение творчества Шевченко для духовной жизни всей России. Придавая огромную роль «Философическому письму» Чаадаева, он в то же время подчеркивал, что оно не дает никаких положительных идеалов, «кроме утешений на том свете». Герцен противопоставлял ему поэзию Шевченко с ее силой, смелостью, бодрим духом. В поэзии Шевченко он видел подлинную народность и считал, что она много поучительного дает и для русской литературы.

Герцен всегда интересовался судьбой Шевченко и высоко ценил его. В «Колоколе» он писал о преследованиях, каким подвергался Шевченко, в 1859 г. сообщил о его возвращении из ссылки, а в 1861 г. напечатал некролог о смерти поэта. В своих суждениях об Украине Герцен во многом опирался на Шевченко.

Герцен поддержал украинскую писательницу Марко Вовчок (Марию Александровну Маркович), защитил ее от нападков реакционера Сенковского. Со своей стороны, в бытность свою за границей, не боясь преследований, Марко Вовчок установила связи с Герценом.

Огромную роль в развитии украинской литературы сыграли вожди русской революционной демократии — Чернышевский и Добролюбов. Они боролись за освобождение всех народов России от гнета самодержавия и крепостничества против тех, кто стремился сохранить этот гнет и посеять национальную рознь. Добролюбов подчеркивал, что в разжигании национальной вражды виновны самодержавие и его слуги, «а уж никак не народ». «У нас нет причин для разъединения с малорусским народом», писал он.

Революционеры-демократы разглядели реакционную сущность русского славянофильства и украинского национализма. Чернышевский направил свой удар не только против Московского славянского комитета, М. Погодина, М. Каткова и И. Аксакова, против их «панславизма», славянофильской газеты «День» и ее реакционного публициста Г. Ламанского, но и против украинских «самостийников», против галицийской газеты «Слово», стремившейся изолировать и оторвать Галицию от Украины. Он разоблачал попытки западноукраинских националистов, вопреки передовым традициям украинского народа, заменить сложившийся украинский литературный язык искусственным «язычием».

Много важных мыслей высказали Чернышевский и Добролюбов об украинском народе и его истории. Чернышевский понял классовый характер войны 1648—1654 гг. и высоко оценил заслуги Богдана Хмельницкого, выступил против принижения героического прошлого Украины. Он писал: «История возвращения Малороссии к русскому царству, представляя великий интерес по важности предмета, с тем вместе требует

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 467.

² Там же, т. XXI, стр. 81.

и большого критического таланта, потому что ее события дошли до нас в виде, искаженном пристрастием поляков, малоруссов и великоруссов¹. Чернышевский чрезвычайно серьезно подошел к оценке этого события, он видел, что присоединение Украины было исторической необходимостью и результатом народного движения: народные массы поддерживали Богдана Хмельницкого, а он выражал их стремления. Чернышевский считал, что война 1648—1654 гг. была проявлением не национальной или религиозной, а социальной борьбы украинского крестьянства против польских панов. Он подчеркивал: «если смотреть на козацкие войны с настоящей точки зрения, они не представляются борьбой национальностей, — на стороне польских панов были и некоторые малороссы, а козаки находили сочувствие и в населении коренных польских провинций»².

Чернышевский и Добролюбов глубоко раскрыли национальный характер украинцев, во многом, как они отмечали, близкий национальному характеру русских, что и служит одной из причин дружбы великих народов и их совместной борьбы против национального и социального угнетения. В статье «Национальная бестактность» Чернышевский, восставая против национальной розни, дал замечательное определение национального характера украинского народа, основывавшееся на изучении истории Украины и сочинений Пушкина, Гоголя и Шевченко. Он назвал малороссов одним из наиболее располагающих к себе народов. «Очаровательное соединение наивности и тонкости ума, мягкость нравов в семейной жизни, поэтическая задумчивость характера непреклонно настойчивого, красота, изящество вкуса, поэтические обычаи — все соединяется в этом народе, чтобы очаровывать вас, так что иноплеменник становится малорусским патриотом, если сколько-нибудь поживет в Малороссии»³.

Ссылаясь на «непоколебимый авторитет» Шевченко, Чернышевский утверждал, что на одной стороне стоят украинские и польские помещики, а на другой украинские и польские крестьяне, что для украинского крестьянина одинаковы и польские, и украинские, и русские помещики и поэтому недопустимо подменять национальный вопрос социальным⁴.

Идеи революционеров-демократов направляли освободительную борьбу всех славянских народов по верному пути и содействовали укреплению дружеских отношений между ними, а, следовательно, и их культурному сближению.

Чернышевский и Добролюбов проводили ясную границу между реакционными и прогрессивными писателями как русской, так и украинской литературы. Они поддерживали «мужицких» писателей Украины — Шевченко и Марко Вовчка. В «Отечественных записках» во время сотрудничества в них Белинского печатались произведения прогрессивных украинских писателей, в «Современнике» Некрасова и Чернышевского — стихотворения Шевченко, в «Отечественных записках» Некрасова и Салтыкова-Щедрина — повести Марко Вовчка.

Чернышевский и Добролюбов раскрыли значение и своеобразие творчества Шевченко. Они отнесли к Шевченко как к другу и соратнику, видели в нем проявление великих духовных сил украинского народа, залог богатого будущего его литературы. Добролюбов писал о нем: «Он — поэт совершенно народный. . . , весь круг его дум и сочувствий нахо-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., М., 1948, т. IV, стр. 703.

² Там же, стр. 821.

³ Там же, т. VII, стр. 775.

⁴ Там же, стр. 792.

дится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко, кровно связан». По мнению Добролюбова народность «Кобзаря» Шевченко сказывается и в его близости к украинским думам¹.

Добролюбов и Чернышевский отвергли славянофильское и либеральное толкование творчества Шевченко и раскрыли его революционность, показали мировое значение Шевченко как поэта. Добролюбов называл его «великим талантом». Некрасов в стихотворении на смерть Шевченко сказал о нем: «Русской земли человек замечательный» — и подчеркнул, что его преследовало самодержавие.

Для популяризации творчества Шевченко и Марко Вовчка много сделал Тургенев. Тургенев встречался с Шевченко, переписывался с ним, познакомил его с петрашевцами. После смерти великого украинского поэта в письме Герцену он просил отметить в газете «Колокол» кончину Шевченко. В 1875 г. он написал воспоминания о Шевченко; они были напечатаны в первом томе «Кобзаря», вышедшем в 1876 г. в Праге.

Тургенев переписывался с украинским литературоведом и историком М. Драгомановым, при его посредстве познакомился с западноукраинской литературой, например с творчеством О. Федьковича. Вместе с Драгомановым был в 1878 г. в Париже на международном литературном конгрессе.

Особенно много сделал Тургенев для популяризации творчества Марко Вовчка, с которой он встретился в 1859 г. Он перевел на русский язык ее «Народные рассказы», написал к ним предисловие и издал их. В 1860 г. он перевел ее повесть «Институтка» и напечатал ее в «Отечественных записках». Он переписывался с Марко Вовчком, путешествовал вместе с ней по Западной Европе. Герцен положительно отозвался о его переводах рассказов Марко Вовчка, а в ее рассказах подчеркнул реализм и поэтичность, верное изображение порядков крепостнической России². В воспоминаниях о Шевченко Тургенев назвал Шевченко и Марко Вовчка писателями, в творчестве которых проявилось «литературное возрождение» Украины.

Литературная деятельность передовых русских писателей середины XIX в. имела огромное значение для украинской литературы.

Лучшие украинские писатели были последователями Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Щедрина. Материалистическая эстетика последних, их замечательные критические суждения, их высокохудожественные произведения способствовали развитию реализма и народности украинской литературы. У них учились Шевченко, Марко Вовчок, Мирный, Франко, Леся Украинка, Грабовский. Идеи демократизма, национальной самобытности литературы, вера в великое будущее украинского народа, мысль о необходимости его сотрудничества с русским народом, развиваемые русскими писателями революционно-демократического лагеря, вдохновляли их, а идея дружбы славянских народов вовлекала в круг этого сотрудничества также западных и южных славян.

Великолепное свидетельство той благотворной роли, какую сыграла передовая русская литература в развитии украинской, доказательство того, что русская литература своим влиянием не убивала ее национального своеобразия, а, напротив, способствовала яркому и глубокому его проявлению, представляет собой творчество Шевченко.

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., М., 1935, т. II, стр. 562.

² «Колокол», 1860, № 71.

Связи Шевченко с русской литературой были глубоки и многосторонни. Он был лично близок с Некрасовым, Белинским и Добролюбовым, Плещеевым, переписывался с Салтыковым-Щедриным и Тургеневым.

Шевченко с огромным уважением говорил о русских писателях; свои повести, дневник, некоторые поэмы он писал по-русски.

Он вдохновлялся политической лирикой Рылеева, образом «поэта-пророка» в стихах Пушкина, гневными стихами Лермонтова. На него оказала влияние разящая сатира Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Его мысли о роли народных масс в истории близки мыслям Белинского и Чернышевского.

Шевченко был идейно близок революционерам-демократам; под их воздействием он складывался как поэт-борец, стал поэтом-революционером. Общностью крестьянского движения России и Украины в XIX в. объясняется идейное единство передовых деятелей русской и украинской литературы. В статье «Темное царство» (1881) Франко справедливо отметил, что Шевченко боролся с «темным царством», как и Белинский и Добролюбов. Как они, он боролся с реакционной литературой и идеалистической эстетикой. Так, в своей книге «Эстетика, или наука о прекрасном» он резко критиковал польского философа К. Либельта за отрыв искусства от жизни.

Большая идейная близость роднила Шевченко и Герцена. Идея революционной борьбы, ненависть к угнетателям народа, протест против национального угнетения, сочувствие крепостному крестьянству, разоблачение самодержавия и церкви, революционная публицистичность и едкая сатира — основные черты их творчества. Шевченко хорошо знал многие статьи Герцена, например «Крещеную собственность», читал «Колокол» и «Полярную звезду». Г. Гай в статье «Шевченко и Герцен»¹ указывает на сходство идей повести Шевченко «Прогулка с удовольствием и не без морали» с мыслями статьи Герцена «Крещеная собственность», на то, что оба они называли Николая I «Тормозом» и «Саулом» и что Шевченко написал сатирическую поэму «Саул», где гневно разоблачал царя.

Шевченко был одним из певцов союза Украины и России. Он выступал против искажения истории, критиковал польского историка Скальковского за реакционное освещение событий 1648—1654 гг., отвергал националистические высказывания П. Кулиша и Н. Костомарова. Он высоко оценил Богдана Хмельницкого как выразителя воли народа (повесть «Близнецы»). Времена Богдана Хмельницкого он изображает в пьесе «Никита Гайдай», написанной по-русски. О великом гетмане, о величии его дела вспоминает Шевченко и в поэме «Гайдамаки». Воссоединение Украины с Россией Шевченко рассматривает как событие, имевшее благоприятные последствия. Необходимо отметить, что свое гениальное «Завещание», пронизанное идеей революционной борьбы и мыслью о «семье великой» народов России, он написал в 1845 г. в Переяславе.

Во многих своих произведениях Шевченко воспел национально-освободительную и социальную борьбу украинского народа: в поэме «Тарасова ночь» — народное восстание 1630 г., в поэме «Гайдамаки» — восстание крестьян правобережной Украины против польской шляхты в 1768 г. В повести «Близнецы» он рассказал о борьбе украинских ополченцев в 1812 г. против армии Наполеона.

Как важнейшую особенность мировоззрения Шевченко Франко отметил именно то, что любовь поэта к родной Украине у него «переро-

¹ «Октябрь», 1954, № 3.

ждается в любовь ко всем славянам», «а далее — в любовь ко всем людям, угнетенным путем общественного неравенства, неправды и неволи»¹. О единстве и дружбе славян Шевченко говорит в поэме «Гайдамаки», а дружбе народов России — в поэмах «Сон» и «Кавказ», в которых он протестует против национального угнетения народов русским самодержавием. Эту тему Шевченко продолжают затем Некрасов в «Железной дороге», описавший судьбу труженика белоруса, и Салтыков-Щедрин в «Господах ташкентцах», ставший на защиту народов Средней Азии от произвола русского царизма и ограбления им.

Но особо выделяет Шевченко вопрос о дружбе славянских народов. Он, так же как Чернышевский и Добролюбов, не отрывал судьбы южных и западных славян от судьбы русского и украинского народов, восставал против разжигания русским и австрийским правительствами национальной вражды между славянами («Гайдамаки», «И мертвым и живым», «Когда мы были казаками», «Никита Гайдай»). Обращаясь к полякам, Шевченко называл их друзьями и братьями и заявлял, что украинцев и поляков старались ссорить «ксендзы и магнаты». Он призывал поляков подать руку казакам.

В поэме «Еретик» Шевченко воспел борьбу Яна Гуса и Яна Жижки против немецких захватчиков. Эта поэма, посвященная автором Иозефу Шафарику, звучала для чехов как революционный призыв к борьбе.

Шевченко был великим национальным поэтом-революционером, и его творчество не могло, в свою очередь, не оказывать воздействия и на русскую литературу. Шевченко много переводили в России. Еще при жизни поэта вышел его «Кобзарь» в переводе русских поэтов. Особая заслуга в этом принадлежит поэту-петрашевцу А. Плещееву. Русское издание «Кобзаря» любовно хранил у себя Шевченко, экземпляр его «с благоговейным поклоном» переслал Герцену, который, получив книгу, сказал: «Что за прелесть, так и повеяло чистой нетронутой степью, это ширь, это — свобода»².

Поэзия Шевченко нашла отклик в творчестве русских поэтов-петрашевцев, революционеров-демократов и народников. Его энергический стих, его гражданский пафос звучали в поэзии А. Плещеева, М. Михайлова, Н. Никитина, В. Курочкина. В речи, произнесенной на могиле Шевченко, В. Курочкин назвал его слово «бессмертным», а его поэзию отражением народных дум и стремлений.

Продолжая традиции И. Котляревского и Г. Квитки-Основьяненко, а с другой стороны — русских реалистов, Шевченко стал основоположником новой украинской литературы и украинского литературного языка. Мощное воздействие его поэзии сказалось на всей последующей украинской литературе, особенно на поэзии И. Франко и Леси Украинки. Итонации стихов Шевченко звучат и в поэзии советских украинских поэтов, например П. Тычины. Влияние шевченковской поэзии видно у Э. Багрицкого, М. Светлова, М. Исаковского, А. Твардовского и др.

Творчество Шевченко стало достижением всех славянских литератур. В этом большую роль играли его связи с русскими революционными демократами. Чернышевский и Добролюбов говорили о значении творчества Шевченко не только для украинского и русского народов, но и о мировом его значении. Польский поэт Сырокомля (Кондратович), болгарские писатели Р. Жинзифов, П. Р. Славейков, Л. Каравелов, Х. Ботев, И. Вазов, деятели сербской литературы С. Маркович, Якшич, Змай хорошо были знакомы с произведениями Шевченко, любили его, ценили их демократизм и национальное своеобразие.

¹ И. Франко. Избр. соч., т. V, стр. 69—70.

² А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XIX, стр. 207.

Поэзия Шевченко вместе с идеями Белинского, Чернышевского и Добролюбова и поэзией Некрасова, играла важную роль в развитии передовой литературы западных и южных славян. В качестве примера можно привести признание великого болгарского поэта Вазова о том, что в разработке сюжета и образов и характере стиха его поэм «Громада» и «Загорка» сказались влияние Шевченко, в частности — поэмы последнего «Катерина». Следует отметить также, что к повести «Сока», близкой по сюжету к «Катерине» Шевченко, Каравелов взял эпиграфом строфы из этой поэмы украинского поэта.

Видный писатель современной Болгарии Л. Стоянов писал, что творчество Шевченко «вдохновляло целые поколения болгарских писателей»¹.

Благотворная роль русской литературы подтверждается и на примере писательницы Марко Вовчок, авторе содержательных драматических рассказов о жизни украинского крестьянства, антикрепостнических по своему духу, раскрывающих духовную близость русских и украинцев.

Марко Вовчок испытала на себе сильное воздействие идей Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Она продолжала традиции Гоголя. Тесной дружкой она была связана с Тургеневым. Ее рассказы высоко ценили Писарев, Герцен, Чернышевский, Шевченко. Франко назвал ее борцом «за свободу и человеческие права порабощенных народных масс». В обстоятельной статье «Черты для характеристики русского простонародья», отдавая должное таланту писательницы, Добролюбов отметил: «рассказы Марко Вовчка служат доказательством того, что благоразумные малороссы умеют ценить народ русский»².

Следует указать на близость прозы Каравелова к прозе Марко Вовчка. Шевченко и Марко Вовчок вместе с передовыми русскими писателями содействовали развитию реализма в болгарской и сербской литературе.

Так борьба передовых русских писателей и критиков за реализм, за свободное употребление украинского литературного языка, который не раз запрещался самодержавием, борьба Чернышевского и Герцена с украинским национализмом в статьях по славянским вопросам, Добролюбова в статье о П. Кулише, борьба с реакционным славянофильством, — все это способствовало успехам реалистической демократической украинской литературы.

4

В конце XIX—начале XX в. в украинской литературе выступает группа талантливых прозаиков, поэтов и драматургов — И. Тобилевич, П. Мирный, И. Франко, П. Грабовский, М. Коцюбинский, Леся Украинка. Они росли под воздействием не только русской революционно-демократической литературы, но испытали на себе влияние также русской марксистской мысли и творчества великого пролетарского писателя Максима Горького.

Тема разоблачения капитализма находит в украинской литературе широкую разработку и в поэзии, и в прозе, и в драматургии. Так, М. Кропивницкий создает драмы «Мироед или паук» и «Олеся», в которых рисует типы кулаков и героев первоначального накопления, вводит в оборот слово «глитай» (кулак). Осип Бычок и Кондрат Балтыза — это образы «чумазах». Еще большее место занимает обличение капитализма, хищничества кулаков и предпринимателей в пьесах Тобилевича «Сто тысяч»,

¹ «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 8, М., 1953, стр. 54.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, стр. 89.

«Хозяин», «Суета». Кропивницкий и Тобилевич продолжают опыт драматургии Островского и Толстого, а основной образ их пьес — образ «чумазаго» — свидетельствует о воздействии сатиры Щедрина и Г. Успенского. При этом Кропивницкий, Тобилевич и Мирный сумели передать своеобразие развития капитализма в украинской деревне, достичь подлинного реализма и национальной самобытности.

Отражая современную украинскую действительность, украинские писатели не забыли и темы героического прошлого Украины, темы воссоединения ее с Россией. М. Старицкий создает драмы «Богдан Хмельницкий», «Оборона Буши», «Маруся Богуславка» и роман «Кармелюк», Тобилевич — пьесу «Савва Чалый», где также изображает национально-освободительную борьбу украинского народа. Эта тема с большой силой звучит и в поэзии Франко (образ Богдана-Хмельницкого в поэме «На Святоюрской горе»), Грабовского и Леси Украинки.

Но развитие украинской литературы в этот период шло в напряженной борьбе с русским самодержавием и буржуазным украинским национализмом.

Говоря о двух культурах в национальной культуре, В. И. Ленин отметил, что «есть *такие же две культуры в украинстве*»¹. Этот закон наглядно сказался уже в том идейном размежевании, какое имело место в русской и украинской литературах в первой половине XIX в. Еще острее это размежевание проявилось в идейно-политической и литературной борьбе второго периода революционного движения — в середине и второй половине XIX в. Наконец, самые острые формы оно приняло в конце XIX — начале XX в. — в третий, пролетарский период революционного движения.

Русский царизм разжигал национальную рознь, преследовал передовых украинских деятелей, запрещал употребление в печати украинского языка. Буржуазные украинские националисты пытались оторвать украинский народ от русского, украинскую литературу от русской. Так, П. Кулиш в романе «Омут» клеветал на русскую революционную демократию, а в стихотворении «К родному народу» восстал против украинского революционно-освободительного движения. Он отрицал благотворное влияние русской литературы на украинскую. Националистические идеи Кулиша продолжали писатели Нечуй-Левицкий, А. Конисский, Б. Гринченко, Винниченко, историки М. Грушевский, П. Антонович, С. Ефремов.

Против всех этих реакционных сил боролись прогрессивные русские и украинские писатели — Горький, Франко, Грабовский, Коцюбинский, Леся Украинка.

Крупнейшие русские писатели этого периода Л. Толстой, В. Короленко, Г. Успенский, А. Чехов, М. Горький заботливо относились к украинской литературе и языку. В их деятельности можно отметить много фактов, показывающих, как велика была их роль в развитии передовой украинской поэзии, прозы и драмы, в развитии реалистического романа, сатиры и революционной поэзии.

Украинская тема и тема русско-украинской дружбы не исчезли в русской литературе конца XIX — начала XX в. Реакционная литература трактовала их в повинистическом духе. Демократическая же литература разрабатывала их в духе подлинных симпатий к трудящимся массам Украины.

Решительным противником национального угнетения был Лев Толстой. Обличая самодержавие, он с гневом говорил о притеснениях укра-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 16.

инцев и других народов России. Он понимал, что только в союзе с русским народом украинский народ может обеспечить себе национальную независимость.

В записной книжке Л. Толстого есть интересная запись от 4 апреля 1870 г.¹ Писатель критикует буржуазную историческую науку за принижение роли народных масс в истории. Он считает народ творцом истории и культуры, создателем материальных и духовных ценностей. Останавливаясь на воссоединении Украины с Россией, он высказывает мысль, что народные массы решили то, «что Богдан Хмельницкий передался России, а не Турции и Польше». Толстой высоко ценил украинскую литературу, особенно Шевченко.

Украину и украинскую литературу любили А. Н. Островский, Г. Успенский, В. Короленко, А. Чехов. Чехов в нескольких своих произведениях с восхищением говорит об Украине. В рассказе «Человек в футляре» учитель-украинец Коваленко является носителем передовых, демократических идей.

Островский интересовался украинской драматургией, перевел «Искреннюю любовь» Квитки-Основьяненко, знал пьесы Старицкого, Кропивницкого и Тобилевича. Его творчество было исключительно популярно на Украине. Его пьесы шли во всех украинских театрах на русском и украинском языках. П. Мирный перевел «Грозу» и «Доходное место». Драматургия Островского помогла украинским писателям создать острые, актуальные пьесы на темы современности, углубить сценический реализм. В некоторых произведениях украинских драматургов можно указать прямое воздействие образов Островского, например образа Катерины («Гроза») — на образы героинь пьес Кропивницкого «Две семьи» и П. Мирного «Лымеривна».

Много места в своем творчестве уделил Украине Короленко. Он родился и вырос на Украине, любил поэзию Шевченко и народные песни. В первом томе «Истории моего современника» он показал угнетенное положение народных масс, помещичий и полицейский произвол на Украине в 50—60-е годы. В 1906 г. он выступил против жестокой расправы властей с жителями местечка Сорочинцы. В его произведениях «Лес шумит», «В дурном обществе», «Слепой музыкант» действие происходит на Украине. Короленко нарисовал в них образы талантливых, смелых людей, защищающих свое человеческое достоинство от посягательства панов и чиновников. Особенно яркие образы Романа и Опанаса в рассказе «Лес шумит». В повести «Слепой музыкант» старый украинец поет прекрасную народную песню о героическом прошлом Украины. Писатель говорит: «Это песни сильного, вольного народа».

В замечательном рассказе «Без языка» Короленко с глубоким сочувствием изобразил тяжелое положение украинского крестьянства: безземелье, голод, темноту. Он показал высокий моральный облик, трудолюбие, простодушие украинского крестьянина. Герой рассказа Матвей Лозинский в поисках заработка отправляется в Америку. Мир капиталистического хищничества и жестокости вызывает его ненависть и протест. Он страстно мечтает о возвращении на родину.

Интересно отметить, что тема, разработанная Короленко в этом рассказе, характерна для славянских литератур в конце XIX—начале XX в. Тут следует назвать цикл стихов И. Франко «В Бразилию», посвященных жизни украинцев, уехавших в Южную Америку, поэму польской писательницы М. Конопницкой «Пан Бальцер в Бразилии», повести

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 124.

сербского писателя И. Чипико, стихи сербского поэта А. Шантича и мн. др. Все они разоблачают хваленую американскую демократию, которую Короленко в своем рассказе определил словами: «Рвут друг другу горла — вот и свобода».

Темы Украины коснулся и Горький. В рассказе «Ярмарка в Голтве» он в подлинно гоголевской манере изобразил жизнь местечка. Украинскую землю писатель назвал «благодатной». В рассказе «Проходимец» Горький прекрасно передал мечты украинских крестьян о земле и о свободном труде на ней. А позже в романе «Мать» в образах двух друзей — молодых рабочих-революционеров Павла Власова и Андрея Находки — Горький показал революционное единство русского и украинского рабочего класса в период революции 1905 г.

Глубоки и многосторонни были связи Горького с украинской литературой, велико было воздействие на нее его творчества. Его произведения пользовались на Украине огромной популярностью, переводились тотчас после их опубликования. Пьесы «Мещане» и «На дне» с колоссальным успехом шли в театрах Киева, Харькова, Полтавы и городов западной Украины. Горьковские спектакли нередко сопровождались политическими демонстрациями. Во время постановки «На дне» в Черновицах 22 января 1905 г. раздавались возгласы: «Слава Горькому!», «Долой абсолютизм!»

Большая заслуга в популяризации произведений Горького принадлежит Франко: он издавал переводы его рассказов и пьес, писал о Горьком статьи.

Зимой 1905 г., когда Горький был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, Франко выступил с протестом. Он писал о том, что Горький заключен в крепость, где томились Шевченко, Чернышевский, Михайлов: «один из светочей русского народа» теперь лишен свободы за «горячий призыв к борьбе с нынешним гнилым строем в России», с «тупой и темной силой произвола». «Вот почему, — отмечал он, — глаза всего мира обращены сегодня к Горькому».

Горький следил за жизнью украинской литературы. «Я питаю влечение, род недуга к литературе Украины», писал он. О Шевченко Горький говорил: «Он заслуживает высокой оценки именно как первый воистину народный поэт, не искажавший субъективными добавлениями народных дум и чувств»¹. Он был дружен со многими украинскими писателями, помогал им в борьбе за демократизм и реализм. И. Франко, Лесю Украинку, В. Стефаника, О. Кобылянскую он привлек к сотрудничеству в прогрессивном журнале «Жизнь», в котором участвовал и В. И. Ленин. Их произведения Горький публиковал и в сборниках «Знание».

Украинские писатели видели в Горьком писателя-революционера, принесшего в литературу и утвердившего новый творческий метод, новые темы и образы новых героев — революционных рабочих. Всем этим Горький способствовал их борьбе с национализмом, «чистым искусством» и декадентством.

Влияние Горького и русской литературы на творчество передовых украинских писателей, глубокие связи русской и украинской литератур в конце XIX — начале XX в. наглядно проявились в деятельности Грабовского, Франко, Леси Украинки и Коцюбинского.

Крупный украинский поэт Грабовский продолжал революционные традиции поэзии Шевченко и Некрасова, был лично близок с Короленко.

¹ Цит. по кн.: «История русской литературы». М., 1939, стр. 189.

За свою революционную деятельность он был сослан в Сибирь на каторгу, жил в местах ссылки Чернышевского, собрал о нем интересные материалы, сообщил ценные сведения о творчестве Чернышевского в бытность его в Сибири, например о его «Рассказах из белого зала». Грабовский переводил стихи русских поэтов и написал немало содержательных статей о русской литературе. В 1902 г. он писал: «Теперь все, что только есть в России живого, движущего и работающего, развивается под знаком марксизма». Это сказалось на его лирике, где он рисует образы революционеров и говорит о грядущей победе трудящихся, о дружбе украинского и русского народов, о народе как основной силе истории.

Франко считал, что русский народ — великий народ, приветствовал подъем революционного движения в России и революцию 1905 г. В связи с этими событиями, обращаясь к галицкой молодежи, он говорил: «Мы любим великорусский народ и желаем ему великого добра, любим и изучаем его язык. . . И русских писателей, великих светочей в царстве духа, мы знаем и любим». Он подчеркивал, что русский народ «создал жизнь духовную, литературную и научную, которая тысячами путей непрерывно воздействует и на Украину и на нас» (т. е. Западную Украину. — *Н. К.*).

В статье «Литература, ее задачи и важнейшие черты» Франко протестовал против националистических подтасовок. «Разумеется, — писал он, — государство Московское, его жандармы и чиновники и угнетение ими всякой свободной мысли — одно дело, а литература русская с Гоголями, Белинскими, Тургеневыми, Добролюбовыми, Писаревыми, Щаповыми, Решетниковыми и Некрасовыми — совершенно иное дело». Вместе с тем он противопоставлял передовую русскую литературу буржуазной литературе Запада — «среднеевропейскому болоту», как он ее называл, и боролся против западного декадентского влияния. На первое место в мире он ставил русскую литературу, как самую демократическую и революционную, и подчеркивал, что не в Австрии, под гнетом которой тогда изнывала Галиция, а в России выросли выдающиеся таланты украинской литературы.

Сам Франко многосторонне связан с русской литературой. Он перевел на украинский язык драматические произведения Пушкина, стихотворения Лермонтова и Некрасова, «Мертвые души» Гоголя, произведения Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Герцена, Успенского, Помяловского, Достоевского и др. Он дал самые высокие отзывы о Пушкине и Некрасове, Короленко и Чехове.

В одном из своих стихотворений он говорит о том, как роман Чернышевского «Что делать?» будил мысль о будущем у передовых деятелей Украины. Его гражданская, боевая поэзия формировалась под сильным воздействием гневной поэзии Лермонтова и Некрасова. Близки духу некрасовской поэзии его стихотворения «Рабы», «Матушка моя родимая», «В село ходил», «Галицкие картинки». В то же время они близки и духу шевченковской поэзии.

В своих рассказах «На работе», «Нефтяник», в повести «Борислав смеется» Франко изображал жизнь рабочих, обличал капиталистическую эксплуатацию на нефтяных промыслах. После знакомства с творчеством Горького Франко еще ближе стал к рабочему движению Западной Украины.

Из дореволюционных писателей Украины наиболее сильное влияние оказал Горький на Коцюбинского, особенно после 1905 г. Горький помог ему закрепиться на революционно-демократических позициях. Горький и Коцюбинский были дружны, делились творческими замыслами. Коцюбинский внимательно прислушивался к Горькому, язык его считал

школой для писателей. Во второй части повести Коцюбинского «Фата Моргана», где изображены революционные события 1905 г. в украинской деревне, влияние Горького сказывается особенно заметно. Характерно, что Коцюбинский в это время увлекался горьковской повестью «Лето», в которой тоже описывается деревня во время первой русской революции. Еще ярче выражено воздействие Горького в рассказах Коцюбинского «Подарок на именины» и «Кони не виноваты». В первом из них жандарм в качестве именинного подарка показывает сыну казнь революционера, во втором — помещик вызывает войска для подавления бунта крестьян. Это напоминает шестую сказку из «Русских сказок» Горького.

Коцюбинский жил у Горького на острове Капри, что еще более сближало писателей и помогло Коцюбинскому разобратся в событиях и идейно-политической борьбе предвоенных лет.

Велико было влияние Горького на Лесю Украинку. Поэзия Леси Украинки согрета великой любовью к народу. Писательница боролась за социальное и национальное освобождение трудящихся Западной Украины, выступала против буржуазных националистов, либералов, сторонников «чистого искусства». Она приблизилась к пониманию исторической роли рабочего класса.

Творчество Леси Украинки складывалось под воздействием народной украинской поэзии, поэзии Шевченко и Франко, поэзии Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Она много переводила русских писателей, особенно Короленко. Русский язык для нее был таким же родным, как и украинский. В тяжелые годы реакции Леся Украинка продолжала революционные традиции Некрасова и Шевченко:

От сердца пропетую песней моей
Зажгу утомленные души людей.

В 1900 г. писательница приехала в Петербург и была тепло принята в редакции журнала «Жизнь». В нем Леся Украинка выступила со статьями, в которых знакомила русских читателей с новой украинской литературой. Борясь против декадентства и «чистого искусства», она опиралась на эстетику Белинского и Добролюбова, на литературные воззрения Горького. Леся Украинка была принципиальным критиком и не прощала ошибок даже своему учителю Франко и своей подруге Кобылянской. Этой принципиальности она училась у Белинского, Добролюбова, Чернышевского и Горького.

Революция 1905 г. вызвала новый подъем ее творчества. Писательница опубликовала цикл стихов «Песни про волю» и сатирические рассказы, в которых обличала слабовольных, трусливых, никчемных людей. Этими своими произведениями она перекликалась с творчеством Горького. Газета «Рабочая правда»¹ высоко оценила деятельность значительной украинской поэтессы и отметила ее связь с рабочим классом, ее служение освободительному движению.

Через всю поэзию Леси Украинки проходит образ смелого, мужественного борца. Ее лозунгами были слова: «Не бросай оружия!», «Убей — не сдамся!» Ее поэзия героична. В этом сказался революционный подъем начала XX в., влияние Горького. Франко прекрасно охарактеризовал Лесю Украинку: «Со времени шевченковского «Схороните и вставайте, цепи разорвите» Украина не слышала такого сильного, горячего и поэтического слова, как из уст этой слабой, больной девушки»; она «единственный мужчина в украинской литературе своего времени». Граждан-

¹ «Рабочая правда», 1913, № 15.

ский, героический дух ее поэзии связан с образом поэта-борца, поэта-гражданина, созданным Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым, Шевченко и Франко. Своим протестом и социальной героикой она близка Горькому; многие ее образы сходны с горьковскими образами Сокола, Буревестника, Данко. Мастерству драматического конфликта, острой обрисовке характеров, искусству стиха и диалога она училась у Пушкина. К его же трагедиям и поэмам восходят формы ее драматических произведений. Нельзя не отметить творческой разработки поэтической в пьесе «Каменный хозяин» темы и образов «Каменного гостя» Пушкина.

Огромное значение в развитии передовых течений украинской литературы конца XIX — начала XX в. имел ленинизм. Ленинская «Искра», газета «Правда» выступали в защиту украинского пролетариата и трудящегося крестьянства, в защиту культуры и языка украинского народа. Эти газеты и работы В. И. Ленина широко были известны на Украине, в том числе и в Западной Украине. Они были проводником идей марксизма. В. И. Ленин в 1913 г. писал: «При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина *возможна*, без такого единства о ней не может быть и речи»¹. В 1914 г. царское правительство запретило чествование памяти Шевченко. В. И. Ленин протестовал против произвола самодержавия. Вместе с тем он отметил, что этот реакционный акт правительства показал, что Россия — тюрьма народов². Ленинские идеи укрепляли единство передовых сил Украины и России в их борьбе против царизма и капитализма, содействовали расширению культурных связей братских народов.

Идея дружбы славянских народов, борьба против национального гнета, капитализма и самодержавия, глубокий реализм творчества лучших русских и украинских писателей оказывали большое влияние на творчество демократических писателей Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, Сербии.

Для украинских писателей конца XIX — начала XX в. характерен интерес не только к русской литературе, но и к польской, чешской, болгарской, сербской литературам. Они много сделали для укрепления культурных связей славянских народов и для ознакомления украинцев с творчеством передовых писателей западнославянских и южнославянских литератур. В этом отношении они продолжали традиции украинской поэзии предыдущей эпохи.

Еще Старицкий в стихотворении «Клич к братьям славянам» (1872) говорил о том, что славянские народы вместе с великим русским народом «ищут свободы» и трудятся «для расцвета науки и знаний». Во многих своих стихотворениях он призывал славян помочь южным славянам в их борьбе с турецким владычеством. В 1876 г. он перевел «Сербские народные думы и песни» и средства от их издания передал для помощи болгарам, борющимся за национальное освобождение. Он переводит стихи польских поэтов Мицкевича и Кондратовича (Сырокомли), в которых звучат любовь к родине и сочувствие тяжелой доле бедняка — крестьянина. Все своей деятельностью Старицкий служит укреплению дружбы славян.

Славянский вопрос и культура славянских народов особенно большой интерес вызвали у великого украинского писателя Ивана Франко, боровшегося против австро-венгерского ига, против польской шляхты и украинских националистов. Одну из своих основных идей он выразил

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 14.

² Там же, стр. 199.

в словах: «Народ русский создал великое государство, на которое так или иначе обращены взоры всего славянства». Только в союзе с русским народом, по мнению Франко, западные и южные славяне могут добиться национального и социального освобождения.

Франко посвятил немало статей польской и чешской литературам, древней славянской письменности и народному творчеству. Он высоко ценил творчество Мицкевича, Ожешко, Конопницкой. С последней он переписывался. В то же время в статьях «Декадентство у поляков» и «Современные польские поэты» Франко показал упадочничество, духовную пустоту, отрыв от жизни Пшибышевского, Тетмайера, Каспровича. Выступал он и против модернизма в чешской литературе.

Интерес Франко к славянским литературам очень широк. Он переводит сербский эпос, богатырские хайдутские песни, стихи Мицкевича и Асныка, Гавличка и Врхлицкого, Чеха и Неруды. Он стремится к укреплению связей славянских народов, развитию реализма в славянских литературах и прежде всего к национальному и социальному освобождению славян.

Эти стремления вдохновляли и Грабовского в его интересе к славянским литературам. Грабовский переводит чешских поэтов (Коллара, Тыла, Небесского), словацких (Халуцку, Гурбана), болгарских (Славейкова, Ботева), сербских и хорватских (Якшича, Негоша, Прерадовича) и др. Его внимание привлекают, прежде всего, демократические мотивы их поэзии.

Интерес к славянским литературам занимает большое место и в творчестве Леси Украинки. В статье о польской литературе, опубликованной в журнале «Жизнь» в 1901 г., она отмечает сильное влияние русской литературы на польских писателей, выступает против модернизма, декадентства, равнодушия к жизни и народу. Она пишет стихотворение «Slavus-Slavus» («Славянин-раб»), в котором гневно протестует против расизма и национализма, против принижения славянской культуры. На основе болгарской и сербской народной поэзии она создает героическую поэму «Вила-посестрима».

Деятельность русских и украинских писателей способствовала проникновению к западным и южным славянам идее русского революционного движения. Для укрепления реализма в славянских литературах важное значение имела статья Горького «Издалека», где писатель высоко оценил болгарских писателей (П. Р. Славейкова, Х. Ботева и И. Вазова) и разоблачил реакционную сущность модернизма.

Так на третьем этапе русского освободительного движения весьма сильно возросло воздействие русской литературы на украинскую и на литературы южных и западных славян. Это было следствием мирового значения освободительной борьбы русского рабочего класса, мирового значения русской литературы, это было следствием социально-экономических процессов, — развития капитализма и роста пролетарского революционного движения — общих для России и Украины в конце XIX — начале XX в.

5

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила народы старой России и открыла им путь к светлой, свободной жизни, путь к социализму и коммунизму. Национальная политика Коммунистической партии Советского Союза обеспечила богатое развитие материальной и духовной культуры Украины. Крепка и неразрывна дружба украинского народа с народами нашей великой страны, и прежде всего — с великим русским народом.

Только при советской власти украинская национальная культура получила возможность свободного и широкого развития. Дружба советских русских и украинских писателей скреплена ныне организационно: украинские писатели являются членами единого Союза советских писателей. Украинская литература, творчество крупнейших мастеров художественного слова — Тычины, Бажана, Рыльского, Корнейчука и многих других стала достоянием всех народов Советского Союза, оружием борьбы за мир и дружбу народов, за строительство социализма и коммунизма, за коммунистическое воспитание масс.

Украинская советская литература, национальная по форме и социалистическая по содержанию, занимает почетное место в многонациональной литературе Советской страны; она внесла большой вклад и в сокровищницу художественных достижений мировой литературы. Ф. Гладков в статье «Наша гордость»¹, написанной по поводу тридцатилетия Советской Украины, справедливо отметил, что без украинской литературы нельзя себе представить советскую литературу, что виднейшие украинские писатели не только украинские, как не были только украинскими писателями Шевченко, Коцюбинский, Леся Украинка, Стефаник: «Они неотъемлемо вошли в русло славянской литературы, советской литературы». При всем этом украинская литература сохраняет свою национальную самобытность, яркому проявлению которой как раз и содействовало творческое усвоение богатейшего опыта русской литературы и в первую очередь метода социалистического реализма.

В советской многонациональной литературе происходит процесс взаимного обогащения литератур народов нашей страны, в чем особенно важную роль играет богатейшая советская русская литература в лице крупнейших ее представителей — Горького, Маяковского, Шолохова, Фадеева и др. Советская русская литература помогла украинским писателям усвоить метод социалистического реализма, глубоко отразить действительность, нарисовать образы положительных героев.

Взаимное обогащение русской и украинской литературы ясно видно, например, в области драматургии. Пьесы Корнейчука «Гибель эскадры» и «Правда» продолжают опыт Горького, опыт «Шторма» Билль-Белоцерковского, «Любови Яровой» Тренева и «Оптимистической трагедии» Вишневского, но его «Платон Кречет», «Фронт», «В степях Украины» и «Калиновая роща», в свою очередь, оказали влияние на всю советскую драматургию. На сценах театров Украины идут пьесы Горького, Тренева, Симонова, Леонова и др., а на сценах всех театров Советского Союза идут пьесы Корнейчука, Собко, Галана, Минко. Русская и украинская советская драматургия вместе с тем значительно обогатила и репертуар театров Польши, Чехословакии и Болгарии и помогла писателям этих стран создать жизненно важные драматические произведения, глубоко отражающие современную действительность славянских стран народной демократии.

Встречи с советскими писателями, в том числе с Горьким и Маяковским, декады украинской литературы, проводившиеся не раз в Москве и Ленинграде, Первый и Второй съезды советских писателей, 125-летие со дня рождения Шевченко (1939), поездка Горького на Украину в 1928 г., его публицистические статьи, переводы на украинский язык произведений русских классиков и лучших советских писателей, как и переводы на русский язык произведений Шевченко, Франко, Коцюбинского, Леси Украинки, П. Мирного и советских украинских писателей П. Тычины,

¹ «Вітчизна», 1948, № 1, стр. 12—13.

по улицам
 кровью лился,
 . . . в Москве решали судьбу
 И Киевом
 и Тифлисов.

В стихотворении «Долг Украине» поэт с едкой иронией отзывается о тех «москалях», которые, увлекаясь западной буржуазной культурой, не знают культуры Советской Украины:

Знают вот
 украинский борщ,
 знают вот
 украинское сало.
 И с культуры
 снимали пенку:
 Кроме
 двух
 прославленных Тарасов —
 Бульбы
 и известного Шевченка, —
 ничего не выжмешь,
 сколько ни старайся.
 А если прижмут, —
 зардеется розой
 и выдвинет
 аргумент новый:
 возьмет и расскажет
 пару курьезов —
 анекдотов
 украинской мовы.
 Говорю тебе:
 товарищ москаль,
 на Украину
 щуток не скаль.
 Разучите
 эту мову
 на знаменах —
 лексиконах алых,
 эта мова
 величава и проста:
 «Чуешь, сурмы заграли,
 Час расплаты настав. . .»¹

Маяковский утверждал революционное единство русского и украинского народов, их дружбу, их социалистическую культуру и с гневом говорил о националистах, космополитах, преклоняющихся перед западной буржуазной культурой.

Владимир Маяковский — талантливейший поэт советской эпохи, выразитель идей коммунистической партии, основоположник социалистической лирики — оказал самое глубокое влияние на развитие советской украинской поэзии. У него украинские поэты учатся идейности, новаторству, жизненности поэзии, продолжают его замечательные традиции.

¹ Слова из украинского перевода «Интернационала».

Изображая жизнь Советской Украины, рисуя образы новых людей, разоблачая врагов советского народа, такие поэты, как Тычина, Рылский, Бажан, Малышко и др., опираются на творческий опыт Маяковского. Революционные традиции Маяковского в обличении капиталистического Запада и Америки нашли свое плодотворное проявление в книгах стихов Бажана «Английские впечатления» и Малышко «За синим морем».

Побывав в Америке, член украинской делегации деятелей советской культуры Малышко написал гневную, обличительную книгу стихов: в ней он показал американский фашизм, несметные богатства и чудовищную нищету в империалистической Америке.

Негодующие памфлеты Горького и памфлеты и сатирические стихи Маяковского об Америке помогли Малышко создать страстную и правдивую книгу. Недаром, описывая Бруклинский мост и Бродвей, поэт говорит, что рядом с ним ходит Маяковский, «положив руку на плечо»:

И свистит на улицах ветер московский,
Гневом революций звенит мост,
Здравствуй, мой учитель,
Здравствуй, Маяковский!

Русские и украинские советские писатели исключительно большое внимание уделяют дружбе и связям своих народов в историческом плане. Так, воссоединению Украины с Россией посвящены пьеса А. Корнейчука «Богдан Хмельницкий», роман Н. Рыбака «Переяславская Рада», пьеса Л. Дмитерко «Навеки вместе», повести Я. Качуры «Иван Богун», И. Ле «Наливайко». Историческая драма Корнейчука «Богдан Хмельницкий» сыграла важную роль в установлении и пропаганде правильной марксистской оценки государственной деятельности славного руководителя освободительной борьбы украинского народа 1648—1654 гг. Роман Рыбака показывает Богдана Хмельницкого как деятеля, который понял, что освобождение Украины от иноземного владычества невозможно без соединения с Россией, который сумел осуществить это потому, что выражал народное мнение и опирался на народ. Пьеса Дмитерко изображает борьбу украинского народа против изменника Выговского, пытавшегося совлечь Украину с пути, указанного Хмельницким. Произведения Корнейчука, Рыбака, Дмитерко написаны на основе серьезного изучения исторических материалов, глубоко правдивы и дают много нового в освещении времени воссоединения Украины с Россией.

Тема исторических и культурных связей русского и украинского народов развита русскими и украинскими писателями на материале и других исторических периодов, например в книгах о Пушкине, о дружбе Шевченко и Чернышевского. Украинская советская литература за последнее время обогатилась произведениями, в которых раскрываются глубокие корни многовековой дружбы русского и украинского народов, показывается благотворное влияние передовой русской мысли на развитие украинской литературы и культуры, как в дооктябрьский период, так и в условиях содружества социалистических наций. Это мы видим в «Большой родне» М. Стельмаха, в «Киевских рассказах» Ю. Яновского, в «Юрко Круке» П. Козланюка, в романах В. Собко «Залог мира» и «Белое пламя», в книге С. Скляренко «Карпаты», в патриотических стихах А. Малышко, И. Неходы, А. Пидсухи.

Однако, — говорит украинский поэт М. Бажан в статье «Навеки вместе», — «ошибкой было бы понять дело так, что книги, выход которых приурочен к празднику 300-летия воссоединения, должны быть прежде всего обращены к прошлому. Пусть историческая тематика займет до-

стойное место в нашем творчестве, ибо героическая и славная, прекрасная и волнующая история вековечной дружбы русского и украинского народов еще далеко не полностью отражена в украинской советской литературе. Но нельзя забывать, что новая, действительно славная эпоха в истории украинского народа началась со времени создания Украинского советского социалистического государства, неотъемлемой части великой социалистической Отчизны. У нас же, к сожалению, существует неправильная тенденция несколько ограничить тему воссоединения художественным воплощением событий, непосредственно примыкающих к Переяславской Раде. В этой тенденции сквозит недооценка исторического значения дальнейших событий — событий, происшедших после воссоединения. Воспроизвести славные страницы нерушимой дружбы двух братских народов, показать, как в условиях советской действительности эта традиционная дружба приобрела новые формы и содержание, — священная обязанность нашей литературы»¹.

Надо сказать, что у лучших советских писателей существует именно этот правильный подход к теме исторических связей и дружбы русского и украинского народов. Так, в романе Н. Островского «Как закалялась сталь» (в частности в отношениях Павки Корчагина и Жухрая), в пьесах Корнейчука «Гибель эскадры» и «Правда», в стихах Тычины и Бажана показана общая борьба русских и украинцев против контрреволюции и интервенции; в романе Гладкова «Энергия», пьесе Корнейчука «Платон Кречет», в стихах русских и украинских поэтов изображен общий труд народов нашей страны в строительстве социализма и нарисованы образы советских людей, преданных делу социализма, умеющих правильно сочетать общественные и личные интересы; в романе Гончара «Знаменосцы», в стихах Воронько, Бажана, Малышко, в повести Горбатова «Непокоренные», в «Молодой Гвардии» Фадеева, в очерках Галина «В Донбассе», в книгах Ковпака «От Путивля до Карпат» и Вершигоры «Люди с чистой совестью», в стихах Суркова, Симонова, Исаковского, Твардовского показана общая борьба русских и украинцев за независимость своей родины. В послевоенной русской и украинской литературе раскрывается тема борьбы за коммунизм, за мир и демократию.

Советские украинские поэты, рисуя жизнь Советской Украины, не отрывают ее от жизни Советской страны, от жизни Москвы, Урала, Сибири; много прекрасных произведений в стихах и прозе посвятили они дружбе русского и украинского народов. Это одна из основных тем поэзии талантливого поэта Воронько. Он написал цикл стихов о Москве, который называется «Лирическая Москва».

Свет звезд кремлевских вижу в водах
Ночного синего Днепра,
Их свет горит для всех народов,
Как символ счастья и добра.
Спасибо же, Москва, родная,
За то, что светел Киев мой,
Что мир от края и до края
Твоею озарен звездой,
За то, что мы живем и строим,
Нужды не зная и невзгод,
Что, незнакомые с покоем,
Спокойно мы глядим вперед.

¹ «Литературная газета», 10 декабря 1953 г.

Широкое отражение нашла в украинской литературе тема воссоединения Западной Украины с Восточной в 1939 г. Она ярко раскрыта в «Буковинской повести» И. Муратова. После воссоединения Западной Украины в 1939 г. в славную когорту советских писателей вошли западно-украинские писатели О. Кобылянская, Я. Галан, М. Черемшина, С. Тудор. Они приветствовали воссоединение западных украинских областей с Украиной. О. Кобылянская в обращении к советским воинам говорила о том, что с момента воссоединения для Западной Украины начинается пора свободы и счастья. Галан назвал Москву надеждой человечества: «Любить Москву — значит любить свой народ». Во многих произведениях современных украинских поэтов, прозаиков и драматургов выражено глубокое и искреннее чувство любви украинского народа к русскому, чувство благодарности за то, что дружба с ним дала такие замечательные результаты в экономической, политической и культурной жизни Советской Украины.

Украинский поэт М. Нагнибеда, получивший в 1951 г. Сталинскую премию за книгу стихов, одной из важных тем своей поэзии сделал тему общей борьбы за освобождение Украины от фашистского гнета, тему общего труда русских и украинцев на стройках Украины — на Днепрострое, на Каховской равнине. Его стихи проникнуты глубокой любовью к русскому народу, к России, которая дала братским народам

И силу и крылья орла.

Поэт рассказывает о повседневной дружбе, сотрудничестве и переписке украинских колхозниц и русских работниц, карпатских лесорубов и шахтеров Донбасса, об общем труде советских людей, стремящихся сделать родную страну еще богаче, еще краше. Он создает яркие образы деятелей украинской и русской культуры и науки, работавших совместно. Это мы видим в его стихотворении «Шевченко». Он рисует образы прославленных русских людей, например в стихотворении «Седов».

В произведениях русских писателей, в свою очередь, находит яркое и сильное выражение любовь русских людей к Украине, большое и теплое чувство дружбы к украинскому народу.

В замечательном стихотворении «Гарас Бульба» Симонов говорит о том, что отчизна дала силу танкистам, сражавшимся за Киев, как она давала силу старому Тарасу. Исаковский в стихотворении «Украина моя, Украина!» рисует образ лейтенанта, героически погибшего в боях за Украину. Твардовский в стихотворении «У Днестра» выразил свою любовь к Украине, зародившуюся в нем, когда он еще мальчиком впервые увидел Днепр, а в стихотворении «Тебе, Украина» создал подлинно поэтическую картину Украины, показал ее мощь и богатство, рассказал о том, как русские люди, и в числе их сам поэт, в грозные годы войны защищали Украину:

С твоими сынами и я посвящаю
Тебе, Украина, дыханье и кровь.

Нельзя не напомнить, что при защите Украины от немецких фашистов погибли русские писатели А. Гайдар, Ю. Крымов и др.

Знаменательная дата 300-летия со дня воссоединения Украины с Россией, несомненно, вызовет новые яркие и содержательные произведения русских и украинских писателей о дружбе двух великих народов.

Среди новых книг украинских писателей на эту тему надо назвать: «Клокотала Украина» П. Панча, «Рассвет над морем» Ю. Смолича, «Семен Палий» Ю. Мушкенчика, «Устим Кармелюк» В. Кучера, «Пути Тараса» О. Иваненко, «Солнце над лесами» И. Цюпы, «Артем Гармаш» А. Головка, стихи П. Тычины, М. Рыльского, А. Малышко, поэмы П. Воронько «Рождение легенды» и Л. Первомайского «На берегах Днепра».

Можно не сомневаться в том, что украинская и русская советские литературы и в дальнейшем будут служить укреплению дружбы русского и украинского народов, еще теснее будут сотрудничать в обогащении социалистической культуры нашей Родины. Огромную роль в этом играют постановления ЦК партии по идеологическим вопросам и решения XIX съезда партии. Такие важные проблемы, как борьба с безидейностью и космополитизмом, как задачи развития сатиры, как вопрос о драматическом конфликте и типичности, в настоящее время решаются украинскими писателями вместе с писателями других народов нашей великой страны.

Творческое единение русской и украинской литератур имеет многостороннее значение для жизни и развития литератур славянских стран народной демократии. Русская и украинская советские литературы содействуют строительству социализма в странах народной демократии, строительству социалистической культуры. Они делают общее дело. Писатели Польши, Чехословакии и Болгарии учатся не только у русских, но и у украинских писателей. Огромное идейное воздействие оказывает трактовка в советской русской и украинской литературах темы дружбы народов, темы, которая наполнена новым содержанием — советским патриотизмом, нерушимым единством народов под водительством КПСС. И советская литература и литература стран народной демократии говорят о дружбе свободных и миролюбивых славянских народов, об их общей борьбе в прошлом и их сотрудничестве в настоящее время. Ванда Василевская в своей книге «Песнь над водами» показала борьбу русского, белорусского, украинского и польского народов против гитлеровских захватчиков. Многие из писателей Польши, Чехословакии и Болгарии в ярких художественных произведениях раскрыли роль Советской Армии, и прежде всего — русских и украинцев в освобождении их стран от фашистского гнета.

Вековые связи западных и южных славян с русским и украинским народами стали еще разностороннее и крепче после победы народно-демократического строя в Польше, Чехословакии и Болгарии. Эти связи находят самое широкое свое проявление и в области культуры и литературы. Русские и украинские советские писатели глубоко интересуются литературой Польши, Чехословакии и Болгарии, переводят стихи славянских поэтов, пишут статьи о них. Творчество славянских писателей широко известно русским и украинским читателям. На русский и украинский языки переводятся не только славянские классики — Мицкевич, Словацкий, Конопницкая, Ожешко, Неруда, Чех, Ботев, Вазов, но и современные польские, чешские, словацкие и болгарские писатели. Почти одновременно в Москве и во Львове вышли переводы романа И. Ольбрахта «Никола Шугай — разбойник», в Москве и Киеве «Избранные произведения» Л. Стоянова и произведения Ю. Фучика.

И в Польше, Чехословакии и Болгарии переводятся не только Пушкин, Лермонтов и Некрасов, но и Шевченко, Франко и Леся Украинка, не только Тургенев, Толстой и Чехов, но и Мирный и Коцюбинский, не только произведения Суркова, Симонова, Тихонова, Фадеева и Шолохова, но и произведения Тычины, Бажана, Корнейчука. На сценах

театров Польши, Чехословакии и Болгарии идут не только пьесы Гоголя, Островского и Чехова, но и пьесы Тобилевича и Франко, не только пьесы Горького, Тренева и Симонова, но и пьесы Корнейчука и Галана. В славянских странах народной демократии широко были отмечены юбилеи Гоголя, Шевченко, Толстого, Горького, Маяковского. Торжественно праздновалось и 300-летие воссоединения Украины с Россией.

Сотрудничество украинской и русской литератур весьма плодотворно. Оно привело к их взаимному обогащению, к углублению их связей с жизнью Советской страны. Украинская, как и русская, литература не замыкается в узконациональных темах, она широко отражает жизнь Советской Родины, ее историю, социалистическое строительство, борьбу с фашизмом и национализмом, борьбу за мир и демократию, движение советского народа к коммунизму. Поэтому украинская литература растет вместе со всей многонациональной советской литературой. Советская действительность и руководящая роль Коммунистической партии Советского Союза — источник ее замечательных творческих достижений. Творческое единение русской и украинской литератур имеет огромное значение и для развития литературы социалистического реализма в славянских странах народной демократии.

В. Д. Савицкий

ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Творчество русских писателей-классиков, произведения революционных демократов, советская литература оказывали и продолжают оказывать значительное воздействие на общественную и литературную жизнь Чехословакии. В конце XIX — начале XX в. пристальное внимание прогрессивных чешских и словацких литераторов, наряду с произведениями Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Островского, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого и многих других русских писателей, привлекали рассказы и драмы Чехова и раннее творчество Горького.

«Я принадлежу к поколению, которое выросло на классическом русском романе», — заявил в 1949 г. выдающийся общественный и культурный деятель Чехословакии, президент чехословацкой Академии наук Зденек Неedly. Неedly специально отмечает далее, что чешская общественность в 90-х годах XIX в. не только интересовалась, но и жила русской литературой, «начиная с Гоголя и кончая Чеховым и молодым тогда Горьким»¹. Эти слова одного из руководителей передовой чешской культурной жизни XX столетия, вдохновителя многих ее глубоко реалистических и подлинно народных проявлений, мы снова вспоминаем в связи с тем, что в 1954 г. народы всего мира отмечали пятидесятилетие со дня смерти гениального русского писателя Антона Павловича Чехова.

Первые переводы произведений Чехова на чешский и словацкий языки появляются уже в 90-х годах XIX в. Отдельные рассказы и повести печатаются в периодических изданиях (например, в журнале «Люмир»). Во второй половине 90-х годов и особенно в первое десятилетие XX в. некоторые произведения А. П. Чехова выходят в виде отдельных книг, сборников и т. п. Среди ранних изданий прозаических произведений Чехова можно отметить: перевод повести «Дуэль»²; несколько сборников рассказов, выпущенных издательством Яна Отто в серии «Всемирная библиотека»³; сборник рассказов в издательстве Вилимека⁴; сборник рассказов в переводе на словацкий язык, изданный в серии книг, которую редактировал выдающийся словацкий писатель Иозеф Грегор-Тайовский⁵.

¹ Zd. Nejedlý. O úkolech naší literatury. Praha, 1949, стр. 11.

² А. П. Чехов. Soubor. Román. Z ruského se svolením autorovým přeložil Jiří Ščerbinský, I. Otto, Praha, 1897. Щербинский — псевдоним чешского литератора и переводчика Б. Прусика (см. ниже).

³ А. П. Чехов. — Mužici (1898), Povídky (1902), Na šestce (1903), Humoresky (1904). I. Otto, Praha. «Světová knihovna», сđ. 40, 341, 377, 392.

⁴ А. П. Чехов. Sňatek z lásky. Přel. Vit. Unzeitig. Vilimkova knihovna, Praha, 1903.

⁵ «Rozprávky od Antona P. Čechova». Přel. J. Maro. Vydává Jan Paříčka v Ružomberku, 1910.

В это же время впервые издаются на чешском языке и пьесы Чехова: в 1899 г. — «Чайка»¹, в период 1896—1900 гг. — «Дядя Ваня» и «Медведь» (в 1903 г. «Медведь» издается и в переводе на словацкий язык²), в 1905 г. — «Вишневый сад» и «Иванов»³, в 1907 г. — «Три сестры»⁴.

В 1909—1910 гг. два крупных пражских издательства — Вилимека и Яна Отто — приступили к изданию собрания сочинений Чехова, включившему все его основные произведения. В годы буржуазной Чехословацкой республики (1918—1938) некоторые сборники рассказов Чехова были переизданы; предпринимались и новые издания. Так, в 1923—1925 гг. впервые были переведены на чешский язык ранние произведения А. П. Чехова и изданы в двух томах под редакцией Й. К. Поездного и с его вступительной статьей (Prvotiny «Antoši Čechonte») ⁵. В этот сборник вошла значительная часть чеховских «мелочей»; многие из них включены в текст обширного предисловия.

Издание книг великого русского писателя достигает в Чехословакии особенно широкого размаха после 1945 г., когда освобожденные Советской Армией чешский и словацкий народы получили возможность полностью удовлетворить свой интерес к русской и советской культуре и литературе. За истекшие девять лет в Чехословакии массовым тиражом вновь выпущены в свет все основные произведения Чехова. В работе над новыми, значительно улучшенными изданиями приняли участие видные литераторы и переводчики: Богумил Матезиус, Петр Кржичка и мн. др. Особенно выделяется десятитомное Собрание сочинений, предпринятое издательством «Чехословацкий писатель» на основе последнего Полного собрания сочинений А. П. Чехова, выпущенного в Советском Союзе ⁶.

С середины 80-х годов, т. е. с периода, когда Чехов начинает публиковать свои зрелые произведения, чешская критика внимательно следит за творческим ростом молодого писателя. Уже в 1888 г. в пражском журнале «Освета», регулярно помещавшем обзоры современной русской литературы, мы находим в статье литератора Яромира Грубы «Русская литература 1887 г.» упоминание о сборниках Чехова «Пестрые рассказы» (1886) и «В сумерках» (1887) ⁷. В последующих обзорах русской литературы — за 1888—1890 гг. — Грубы рассказывает чешским читателям о новых книгах Чехова, о его пьесе «Иванов», о присуждении писателю Пушкинской премии Академии наук. Грубы называет талант Чехова «незаурядным», говорит о нем как о «выдающемся художнике, вдохновляемом любовью к жизни и к природе» ⁸.

Начиная с 1894 г. такие же обзоры русской литературы помещает в «Освете» другой чешский литератор — Йозеф Микш (Josef Mikš, 1853—1923), долгое время живший в России. На протяжении десяти лет Микш подробно информирует чешскую и словацкую общественность о новых

¹ А. Р. Čechov. Čejka. Se svolením autorovým z ruštiny přel. dr. B. Prusík. Praha, 1899.

² А. Р. Čechov. Medvěd'. Přel. I. Gregor-Tajovský. Ružomberk, 1903.

³ А. Р. Čechov. Višňová zahrada. Přel. dr. B. Prusík. F. Šimáček. Praha, 1905; «Ivanov». Přel. B. Prusík. Ed. Grégr. Praha, 1905.

⁴ А. Р. Čechov. Tři sestry. Přel. B. Prusík. F. Šimáček. Praha, 1907.

⁵ А. Р. Čechov. Z mladých let. Přel. a úvod napsal J. K. Pojezdný. Olmouc, č. I, 1923, стр. 180; č. II, 1925, стр. 150.

⁶ Чешское издание не является таким же полным. Оно составлено по следующему плану: тт. I—VI — Повести и рассказы, т. VII — Путевые очерки, т. VIII — Пьесы, т. IX — Письма, т. X — Дневники, записи, воспоминания современников.

⁷ J. Hrubý. Ruská literatura roku 1887. «Osvěta», 1888.

⁸ J. Hrubý. Ruská literatura roku 1888. «Osvěta», 1889, стр. 892—893.

произведениях Чехова. При этом Микш, характеризуя Чехова как мастера короткого рассказа, особо отмечает типичность создаваемых писателем образов, его глубокую веру в человека. На материале рассказа Чехова «Мужики» Микш делает замечания о специфических чертах русского реализма, «первым и последним словом которого, — пишет Микш, — является любовь к людям, соединенная с большой простотой и беспощадной правдивостью»¹.

Следует сказать, что и Грубы и Микш, придерживавшиеся очень умеренных убеждений, не всегда могли до конца правильно оценить значение творчества Чехова. Однако нельзя не отметить несомненные заслуги этих литераторов в деле ознакомления чешских и словацких читателей с литературной жизнью России, с произведениями русских писателей 80—90-х годов, с творчеством А. П. Чехова.

Одним из первых переводчиков произведений Чехова был чешский литератор Борживой Прусик², выступавший также в конце 90-х и в 900-х годах на страницах русского журнала «Театр и искусство» с обзором основных событий чешской культурной жизни. Начиная с 1897 г. Прусик переписывался с Чеховым. Тексты писем Чехова к Прусика нам, к сожалению, не известны, но Чехов неоднократно упоминает имя Прусика в своей переписке. В архиве А. П. Чехова хранится около 40 писем Прусика. Многие переводы чеховских произведений на чешский язык сопровождаются красноречивой пометкой «povolením autorovým» — «с разрешения автора». В 1897 г. Прусик напечатал в журнале «Кветы» статью о Чехове, излагавшую его биографию и творческий путь. Там же был помещен портрет писателя.

В 1904 г. передовая чешская и словацкая общественность с глубокой скорбью восприняла известие о смерти Чехова. Статьи, посвященные его памяти, опубликовали все крупнейшие журналы. «Умер великий русский писатель, любимец своего народа. . .» — так начал свою статью в «Освете» Йозеф Микш³. В этой работе Микш высказывает очень интересное (особенно если учесть время написания статьи) соображение о близости мировоззрения Чехова и Герцена. Большую статью памяти Чехова поместил в журнале «Люмир» литератор Винценц Червинка. Давая высокую оценку творчеству писателя, Червинка говорит о Чехове как о выдающемся продолжателе лучших традиций русской литературы⁴. В журнале «Люмир» пишет о Чехове и известный чешский литератор и театровед Отокар Теер, уделивший большое внимание произведениям Чехова для театра⁵.

Для развития чешского театра конца XIX—начала XX в. драматургия Чехова имела исключительно большое значение. Уже начиная с 60—80-х годов русская классическая драматургия (и прежде всего — произведения Гоголя и Островского) оказывала благотворное влияние на утверждение реалистического направления в чешском и словацком театре. В конце 90-х годов чешская театральная общественность впервые знакомится с постановками пьес Чехова.

¹ J. Mikš. Ruská literatura za posledních let. «Osvěta», 1899, стр. 1061—1066.

² Vořivoj Prusík (выступал также под псевдонимом Jiří Ščerbinský) известен как переводчик на чешский язык произведений многих русских писателей, в том числе Пушкина, Гоголя, А. К. Толстого, Чехова, Горького, Л. Андреева и др. Написал также несколько статей о русской и украинской литературе.

³ J. Mikš. Památce A. P. Čechova. «Osvěta», 1904, стр. 804.

⁴ V. Červinka. A. P. Čechov. «Lumír», č. 30, 1 августа 1904 г., стр. 351—352.

⁵ T. (O. Theer). A. P. Čechov. «Lumír», č. 20, 20 июля 1904 г., стр. 308.

В этот период в чешском Национальном театре в Праге и во многих любительских коллективах идет с большим успехом комедия Чехова «Медведь». В 1898 г. в одном из пражских театров была поставлена «Чайка». В письмах к Чехову от 26 декабря 1898 г. Б. Прусик пишет: «Спешу сообщить Вам, что, наконец, мне удалось поставить Вашу «Чайку» на сцене театра барона Шванды. Успех был громадный, необыкновенный»¹. В 1901 г. выдающийся чешский актер и режиссер Йозеф Шмага ставит «Лебединою песню» и исполняет в пьесе роль Светловидова.

Уже эти первые постановки пьес А. П. Чехова вызвали значительный интерес широких кругов чешской общественности. Не разбирая здесь подробно всех известных рецензий чешской периодической печати², остановимся лишь на статье о постановке пьесы «Дядя Ваня». Статья написана чешским литератором и театроведом Ярославом Кампером и особенно интересна как своим содержанием, так и тем, что она была помещена в журнале, который редактировал один из выдающихся прогрессивных историков чешской и словацкой литературы — Ярослав Влчек (Jaroslav Vlček, 1860—1930).

Автор рецензии дает пьесе Чехова исключительно высокую оценку. Пьеса «Дядя Ваня», — пишет он, — . . . несомненно, принадлежит к лучшим произведениям, написанным для театра за последнее десятилетие». «Я не знаю во всей современной драматической литературе пьесы, в которой автор так пренебрегал бы всем внешним, надуманным, деланным и в то же время средствами, с виду чрезвычайно простыми, достигал бы столь глубокого, незабываемого воздействия, как это произведение», — пишет Кампер далее. — «Дядя Ваня» производит впечатление чего-то совершенно нового, это пьеса, которой удалось избежать всех шаблонов, к которой нужно привыкать понемногу и которую тем более горячо полюбишь потом. . .»³.

Чрезвычайно существенно, что Кампер выделяет в своей рецензии именно те черты драматургии Чехова, которые более всего помогали чешскому театру начала XX в. сохранить и развивать дальше реалистические традиции: отказ от внешних эффектов, глубокую правдивость и жизненность образов, простоту и естественность действия. В годы, когда чешскому театру, как и театру многих зарубежных стран, грозила опасность быть захлестнутым волной натурализма и декаданса, такая помощь была особенно необходимой.

Из писем А. П. Чехова к В. И. Немирович-Данченко и О. Л. Книппер явственно видно, как радостно приветствовал Чехов постановку его пьес в Праге, с каким вниманием относился он к переписке с Прусиком — ко всему, что служило делу укрепления культурных связей русского и чешского народов⁴.

Интерес широких кругов чешской и словацкой общественности к драматургии Чехова, несомненно, был связан с известием о создании в России нового театра, первые шаги которого не отделимы от имени Чехова. В специальной статье о драматургии Чехова⁵ Йозеф Микш подробно рас-

¹ А. П. Чехов. Полн. собр. сочинений и писем, т. XVIII, М., 1949, стр. 445.

² См. рецензии Ф. Закрейса («Osvěta», 1901, стр. 559—561) и А. Нечасека («Lumír», č. 30, 26 апреля 1901 г.) на постановку «Дяди Вани»; рецензии Ф. Закрейса («Osvěta», 1902, стр. 173) и S («Lumír», č. 9, 1 января 1902 г.) на постановку «Лебединой песни».

³ «Obzor literární a umělecký», č. 7, 17 мая 1901 г., стр. 109.

⁴ См. письмо к В. И. Немировичу-Данченко от 6 января 1889 г. (Соч., т. 18, М., 1949, стр. 16), к О. Л. Книппер от 17 апреля 1901 г. (Соч., т. 19, М., 1950, стр. 72) и др.

⁵ «Osvěta», 1901, стр. 493—505, 575—584.

сказывает о возникновении в Москве Художественного театра, о постановке на его сцене пьес Чехова. В 1904 г. он же помещает заметку о первом представлении (в МХТ) «Вишневого сада»¹. О деятельности МХТ писали в те годы и другие чешские периодические издания.

А когда два года спустя после смерти Чехова Художественный театр приехал в Прагу на гастроли, наибольшим успехом у чешских зрителей пользовались две его постановки: «На дне» Горького и «Дядя Ваня» Чехова. Спектакли МХТ, продемонстрировавшие силу большого, глубоко реалистического искусства, были большим событием в чешской культурной жизни. Кроме того, если учесть, что чешское общество только что пережило бурный 1905 г., события которого были отголоском революции в России, станет понятным, что приезд в Чехию в 1906 г. прогрессивного русского театра имел и политическое значение².

Большая заслуга в деле пропаганды реалистической русской драматургии, драматургии Чехова и Горького, художественных установок и требований МХТ и его руководителей принадлежит выдающемуся чешскому театральному деятелю и режиссеру Ярославу Квапилу (Jaroslav Kvapil, 1868—1950). Характеризуя деятельность Квапила в период конца XIX—начала XX в., авторы одного из новейших пособий по истории чешской литературы указывают: «Заслугой Квапила является то, что он ставил³ реалистические пьесы чешские (пьесы Ирасека, Тыла) и русские («Ревизор» Гоголя, пьесы Островского, Чехова, Горького), а также ряд пьес Шекспира. В период его руководства были осуществлены в 1906 г. гастроли Московского художественного театра... , который представлением пьес Чехова и Горького указал реалистический путь нашему театральному искусству»⁴.

Вдохновленный примером своих русских друзей, используя их опыт, коллектив пражского Национального театра начинает работать над постановкой пьесы Чехова «Три сестры». Ее первое представление, состоявшееся 19 января 1907 г., было, по словам Зденека Неедлы, одним из наиболее достопримечательных событий в истории чешского драматического театра. В роли Вершинина выступил Эдуард Воян, в роли Маши — Гана Квапилова, выдающиеся чешские актеры того времени. Восторженно принятый публикой, спектакль этот был событием, во многом повлиявшим на все дальнейшее развитие чешского и словацкого театрального искусства.

Неудивительно поэтому, что когда чешские актеры захотели отметить образование самостоятельной Чехословацкой республики (октябрь 1918 г.) созданием особо значительных спектаклей, они выбрали для постановки, наряду с другими, и две пьесы Чехова. В 1919 г. Национальный театр поставил «Вишневый сад», а пражский театр «На Виноградах»⁵ — «Чайку». Так чешский народ еще раз выразил свое глубокое уважение к памяти выдающегося русского писателя и драматурга, свой горячий интерес к его творчеству.

¹ «Osvěta», 1901, стр. 363.

² Свидетельство В. И. Немирович-Данченко, сообщаемого в кн. «Из прошлого» (М., 1936) много интересного о посещении МХТ Праги, подтверждает это положение.

³ В качестве руководителя драматического коллектива Национального театра (театр имеет два коллектива: драматический и оперный).

⁴ «Nástin dějin české literatury». Praha, 1952, стр. 135.

⁵ Винограды — район Праги. На базе театра «На Виноградах» был создан после 1945 г. Театр Чехословацкой армии.

Постановки пьес Чехова неоднократно возобновлялись впоследствии в театрах Чехии и Словакии. В народно-демократической Чехословакии особенно удачной была постановка «Вишневого сада» в Национальном театре в Праге в 1952 г. Большой интерес вызвал в Чехословакии и перевод книги В. В. Ермилова «Драматургия Чехова».

Внимательно изучают творческое наследие Чехова чешское и словацкое литературоведение и критика. Уже в 30-х годах, в противовес утверждениям буржуазных литераторов о том, что Чехов и его произведения — это прошлое, «воспоминание»¹, печать компартии Чехословакии и прогрессивные критики высоко оценивают значение творчества писателя для современности.

В 1934 г., к тридцатилетию со дня смерти Чехова, газета компартии Чехословакии «Гало-новины» помещает статью, в которой описывается жизнь Чехова, его творческий путь и подчеркивается, что «юмор Чехова всегда тесно связан с критикой общественных отношений»². К 75-летию со дня рождения писателя, в январе 1935 г., газета снова помещает большую статью о нем³. О творчестве Чехова пишет в 1935 г. также известный политический и литературный журнал КПЧ «Творба»⁴. В 20—30-х годах отдельные рассказы Чехова неоднократно печатались на страницах прогрессивной периодики, в том числе и в центральном органе КПЧ — газете «Руде право»⁵.

С большой статьей о Чехове выступил в 1944 г. Зденек Неядлы, работавший в то время в Москве⁶. Отмечая выдающееся значение произведений Чехова для развития реалистической — русской и зарубежной — литературы, а также любовь к его книгам среди самых широких слоев чешского народа, Неядлы убедительно говорит здесь о созвучии многих мотивов творчества Чехова мотивам, характерным для чешской литературы, и в частности многим мотивам творчества замечательного чешского писателя Яна Неруды. Подчеркивая глубокий демократизм произведений Чехова и их своеобразный юмор, отмечая среди чешских писателей наличие последователей Чехова, Неядлы указывает на одного из них — Ярослава Гашека, автора книги «Похождения бравого солдата Швейка» и многих рассказов и фельетонов. Хорошее знание Гашеком, уже в молодости, русского языка и литературы, а также общее направление его творчества (особенно — в довоенные годы) и некоторые оттенки его юмора позволяют согласиться с Неядлы в том, что, создавая свои самобытные, глубоко национальные по форме произведения, Гашек действительно многому учился у Чехова.

Со словами Зденека Неядлы перекликается и высказывание одного из видных словацких литературоведов — Андрея Мраза. В статье «Русская литература в Словакии» (1953) Мраз пишет, что, начиная с последних лет XIX столетия, Чехов является одним из популярнейших в Словакии представителей русской литературы, что его творчество оказало значительное влияние на формирование таких выдающихся словацких писателей, как Иозеф Грегор-Тайовский, Янко Есенский и мн. др.⁷

¹ Это «определение» принадлежит буржуазному чешскому литератору, изменнику родины, Ф. Пероутке. — Цит. по статье: N. Slabáňová. *Vojovník proti měšťáctví*, «Tvorba», 1950, стр. 143.

² «Haló-noviny», 16 июля 1934 г.

³ «Haló-noviny», 27 января 1935 г.

⁴ «Tvorba», 1935, стр. 75—76.

⁵ «Rudé právo», 1922, č. 76.

⁶ Z. Nejedlý. A. P. Čechov. «Československý listy», 1 августа 1944 г. Сб. «Moskevské stati», Praha, 1950, стр. 118—123.

⁷ A. Mráz. Ruská realistická literatura na Slovensku. «Sovětska věda. Literatura», 1953, č. 2, стр. 281.

Трудящиеся народно-демократической Чехословакии любят и высоко ценят близкие сердцу каждого простого человека произведения Чехова. Современные чешские и словацкие литературоведы, деятели театра, критики посвящают его творчеству многочисленные доклады, статьи и исследования. В 1950 г. в чехословацкой периодической печати были опубликованы материалы к 90-й годовщине со дня рождения Чехова. «Великий демократический писатель» — так озаглавлена статья, напечатанная в газете «Руде право». Автор статьи подробно рассказывает о творческом пути А. П. Чехова, говорит о подлинном демократизме его произведений, всячески подчеркивает их жизненность, актуальность и действенность. «Творчество Чехова, — говорится в статье, — исполненное непоколебимой веры в человека, в его силу, его способности, близко нам сегодня именно той неугасимой и непримиримой борьбой, которую писатель объявил всякому угнетению, всему косному, мещанскому, антигуманистическому»¹.

Автор другой юбилейной статьи, помещенной в журнале «Творба», также подчеркивает актуальность книг великого писателя, боевую направленность его произведений, разоблачая при этом измышления буржуазных литераторов об «отсутствии тенденции» в творчестве Чехова. Справедливо отмечая любовь Чехова к простым, честно трудящимся людям, критик называет его великим учителем писателей, да и не только писателей, в деле непримиримой борьбы против мещанства².

Многому учатся у Чехова современные чешские и словацкие драматурги, режиссеры, театральные критики. В статье театроведа Отто Гааса «А. П. Чехов и МХАТ», также опубликованной в 1950 г., рассказывается о совместной плодотворной работе драматурга и театра³. В статье «Наш Чехов», напечатанной тогда же в газете «Лидовы новины» за подписью «И. К.»⁴, поднят важный вопрос о необходимости правильно трактовать пьесы Чехова при их постановке на сцене. Выступая против имеющей хождение в буржуазном мире теории о том, что Чехов якобы проповедует в своих пьесах безнадежность и подчинение судьбе, автор статьи пишет:

«Его произведения должны пробуждать в нас горячее желание о с у щ е с т в и т ь ту жизнь, о которой герои его пьес только мечтали. В Чехове огромная энергия. В нем — неиссякаемая любовь к человеку, к жизни, к природе и великая ненависть ко всему, что жизнь человека и природы калечит.

Именно такого Чехова мы представляем на сцене. Не грусть и покорность судьбе, а напротив: призыв к деятельности»⁵.

На совещании чехословацких драматургов в феврале 1954 г. чешский театральный критик Франтишек Гец и словацкий режиссер Янко Бородач выступили со специальными докладами о пьесе Чехова «Три сестры». Разбирая это выдающееся произведение и его постановки в чешских и словацких театрах, они затрагивали многие существенные проблемы современной чешской и словацкой драматургии. «Говоря о постановках чеховских пьес, приводя примеры борьбы за правильную интер-

¹ M. Lukáš. Velký demokratický spisovatel. «Rudé právo», 28 января 1950 г.

² N. Slabiňoudová. Bojovník proti měšťáctví. «Tvorba», 1950, стр. 143.

³ O. Haas. A. P. Čechov a MCHAT. «Tvorba», 1950, стр. 144.

⁴ J. K., по всей вероятности, известный чешский театальный и общественный деятель и литератор Ян Копецкий.

⁵ J. K. Náš Čechov. «Lidové noviny», 28 января 1950 г. Везде разрядка автора.

претацию Чехова, Янко Бородач показал, как шел к реализму словацкий профессиональный театр», — указывается в отчете о совещании¹.

Большое внимание уделяют творчеству Чехова современные писатели Чехословакии. Глубокое изучение произведений великой русской литературы и творчества ее выдающегося представителя Антона Павловича Чехова помогает им в их благородной и успешной борьбе за создание подлинно народной, подлинно национальн о й, борющейся за самые светлые идеалы человечества литературы.

¹ «Literární noviny», 20 февраля 1954 г.

Д. Ф. Марков

О ХАРАКТЕРЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕНЧО СЛАВЕЙКОВА

В болгарской периодике в течение 1953 г. появилось большое количество статей, авторы которых справедливо говорят о том, что творчество крупнейшего болгарского поэта Пенчо Славейкова еще далеко не оценено, и ставят вопрос о необходимости всестороннего и глубокого его изучения. В связи с этим пересмотрены и подвергнуты критике ошибочные работы отдельных литературоведов, вышедшие из печати за последние годы.

К выяснению творческого облика Славейкова, его места в истории болгарской литературы направлены сейчас совместные усилия наших товарищей из Болгарии и советских славистов. Содействовать хотя бы в некоторой мере решению поднятых вопросов — такова задача настоящей статьи. В ней нет полной оценки всего творчества Славейкова — это задача больших исследований, притом не одного, а многих литературоведов. Автор статьи стремится лишь указать на основные черты деятельности поэта и на характер его противоречий.

* * *

Деятельность Пенчо Славейкова глубоко противоречива. В ней мы обнаруживаем, с одной стороны, пропаганду индивидуализма и «чистого искусства», с другой — реалистические картины общественной жизни страны. Примыкая значительной частью творчества к критическому реализму, поэт вместе с тем написал и ряд реакционных, антиреалистических произведений.

Буржуазные литературоведы прилагали немало усилий, чтобы поднять на щит все реакционное в деятельности поэта, активно выдвигали, всячески восхваляли его формалистические статьи, индивидуалистические мотивы в его произведениях и в то же время замалчивали или объявляли антихудожественным все действительно значительное, всякие проявления реализма.

Прогрессивная критика вела борьбу против литературной реакции. Она справедливо указывала на реакционность тех произведений Пенчо Славейкова, которые с особым усердием пропагандировали буржуазные литературоведы. Однако некоторые из этих критиков вели борьбу односторонне. Сосредоточивая все свое внимание на раскрытии идейно порочных сторон деятельности Славейкова, они проходили мимо того положительного, что создано поэтом, и тем самым совершали грубую ошибку, фактически отдавая в руки реакции все его творчество и тем самым мешая правильному использованию его наследия, часть которого связана с освободительной борьбой болгарского народа.

Такая односторонность оценки творчества Пенчо Славейкова сказалась в работах болгарских критиков П. Зарева¹, П. Данчева², С. Каролева³ и др. Эти критики говорили почти исключительно об индивидуалистических мотивах в произведениях поэта, о его порочных публицистических работах и упустили из виду наличие демократизма и реализма.

В тот период, когда появились указанные работы болгарских критиков (1946—1948 гг.), еще сильно чувствовалось влияние буржуазной идеологии, в периодической печати и в отдельных книгах еще можно было встретить открытую пропаганду идеалистической эстетики. Сторонники этой эстетики пытались опереться на авторитет писателей-классиков, выискивали в их противоречивой деятельности проявления формализма и эстетства и использовали их в своей пропаганде, рассчитывая на не критическое отношение к наследию признанных художников слова.

Между тем, именно тогда основная масса старой болгарской интеллигенции совершала свой полный идейный переход к новому, связанный с необходимостью преодоления идеологического груза старого, буржуазного общества.

Создавая свои работы в те годы, П. Зарев, П. Данчев, С. Каролев и другие критики решительно противились попыткам возрождения реакционных взглядов. Именно тогда в своих статьях они справедливо осудили отдельные реакционные черты деятельности Пенчо Славейкова, которые пытались использовать охвостье литературной реакции. Но, увлеченные борьбой, они прошли мимо демократических произведений поэта, не оценили их, а иногда и ошибочно их трактовали.

Продолжая вести борьбу против влияния буржуазной идеологии, не отказываясь говорить и о реакционных сторонах творчества Славейкова, мы в то же время видим теперь, что та общая оценка, которая давалась поэту ранее, была односторонней и потому ошибочной.

Такого рода ошибки допускались и в работах советских литературоведов. В некоторых моих статьях, хотя и не посвященных непосредственно Пенчо Славейкову, односторонне определялось его место в историко-литературном процессе⁴. Односторонне оценена деятельность Пенчо Славейкова и в статье Ю. Левшиной «Поэзия Димитра Полянова»⁵, в работах А. Собковича⁶, Л. Фейгельман⁷, А. Григорьева⁸, в статье о болгарской литературе, помещенной в Большой советской энциклопедии, т. V.

В настоящее время наша задача состоит не в пререканиях о том, кто был прав и кто ошибался, а в том, чтобы, преодолевая собственные ошибки, верно и полно оценить огромное наследие болгарского поэта.

¹ См. отдельные статьи в кн. «Българска литература», София, 1950.

² П. Данчев. Индивидуализъм в българската литература. София, 1949.

³ См. предисловие С. Каролева к кн. Пенчо Славейков. Избрани творения. София, 1948.

⁴ Статьи: «Об эстетических взглядах Благоева» («Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. II. М., 1950); «Л. Стоянов» («Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. III. М., 1951); «Горький и болгарская литература» («Краткие сообщ. Ин-та славяноведения», вып. 6. М., 1951).

⁵ «Уч. зап. Тамбовского пед. института», Тамбов, 1951.

⁶ А. Собкович. Иван Вазов. М., 1950.

⁷ Л. Фейгельман. Маяковский в странах народной демократии. М., 1952.

⁸ «Докл. и сообщ. Филол. ин-та Ленингр. гос. ун-та», вып. 3. 1951. статья «Горький и болгарская литература».

При оценке творчества Пенчо Славейкова необходимо учитывать всю сложность его противоречивого развития. Верные наброски в этом направлении сделал академик Тодор Павлов, который писал о поэте: «Фактом является то, что в его поэтическом творчестве находим и такие произведения, как «Симфония безнадежности», «Сердце сердец», «Гимн о смерти сверхчеловека», «Перикл» и другие, совсем не реалистические произведения, страдающие индивидуалистическим эстетством, формализмом, национализмом и пр. В то же время, однако, фактом является и то, что он оставил нам: «Сто двадцать душ», «Балагур» («Луд гидия»), «Секира истины», «Ралица», «Бойко», «Легенда Балкана», «Псалом поэта», «После Старозагорского боя»¹.

Указания на противоречивость деятельности Пенчо Славейкова мы встречаем и в некоторых других статьях². В настоящее время не вызывает никаких споров необходимость рассмотрения как отрицательных, так и положительных черт его творчества. Это уже достигнуто литературоведами, и задача состоит в том, чтобы закрепить и углубить общие выводы.

Прежде всего следует выяснить причины и характер противоречий в творческой деятельности Славейкова. Это, несомненно, один из самых сложных и в то же время наиболее существенных вопросов, без решения которого мы не избежим разнотолков в оценке поэта.

В опубликованных до сих пор статьях этот вопрос или совершенно обходят, или затрагивают мимоходом. Даже в статье Г. Цанева, одной из самых содержательных из всех написанных до сих пор на эту тему статей, противоречия Славейкова объяснены весьма схематично. Г. Цанев решает этот вопрос так: все положительное — результат «воздействия болгарской действительности», все реакционное — результат влияния «немецкого индивидуализма и эстетического формализма»³. Это утверждение не конкретизировано. Абстрактная фраза: «болгарская действительность» не раскрывает исторического своеобразия общественной жизни в стране и не устанавливает живых связей поэта с общественной жизнью, обусловивших именно такие, а не другие черты в его творчестве.

Исследуя противоречивость творчества Славейкова, многие критики допускают существенную ошибку: они проводят резкую грань между Славейковым-публицистом и Славейковым-художником, противопоставляют публицистические высказывания поэта, как якобы в целом реакционные, его художественной практике. Такое механическое разделение неправомерно, так как противоречия присущи и публицистике и художественным произведениям Пенчо Славейкова.

Отсутствие ясности в определении сущности и характера противоречий во взглядах и творчестве Славейкова привело к нечетким обобщающим оценкам его деятельности. Во всех статьях говорится о демократизме поэта. Но конкретное содержание демократизма не указано. В иных статьях есть тенденция заглаживать реакционные черты творчества Славейкова⁴ и подтянуть его даже до уровня революционных демократов. Подобное апологетическое отношение к наследию автора таких произведений, как поэма «Симфония безнадежности», так же неприемлемо и практически вредно, как и абсолютное, полное отрицание этого наследия.

¹ «Литературен фронт», 29 мая 1952 г.

² См., например, статью Г. Цанева в журнале «Септември», 1952, кн. 6.

³ «Септември», 1952, кн. 6, стр. 150—151.

⁴ См. статью А. Тодорова в «Септември», 1952, кн. 6, стр. 94—98.

Какова сущность противоречий Пенчо Славейкова, чем они вызваны, каковы особенности, характер демократизма его поэзии, каково его место в болгарской литературе конца XIX—начала XX в. — вот вопросы, на которые мы пытаемся ответить в данной статье.

* * *

Эпоха, когда Славейков сформировался как поэт, охватывает период с конца первого десятилетия после освобождения Болгарии от турецкого феодализма до 1912 г. Историческим своеобразием этой эпохи объясняются особенности всей творческой деятельности Пенчо Славейкова.

Это было время, когда страна уже твердо встала на путь капиталистического развития, когда появились основные классы капиталистического общества — пролетариат и буржуазия.

Воспользовавшись освобождением страны от чужеземного гнета, болгарская буржуазия взяла в руки политическую власть и объявила себя строителем независимого национального государства. Она выступала в роли душителя социально-политической борьбы рабочих и крестьян и активно насаждала реакционные идеи и теории, что, разумеется, оказывало влияние и на литературу.

Существенной особенностью исторического развития Болгарии конца XIX—начала XX в. было то, что борьба между буржуазией и малочисленным, раздробленным пролетариатом протекала в чрезвычайно сложной, противоречивой обстановке, без знакомства с которой невозможно определить характер литературного процесса и место отдельных писателей в нем.

В конце XIX—начале XX в. перед страной еще стояли важные задачи общедемократического характера, которые в значительной степени осложняли типично капиталистические противоречия — борьбу между пролетариатом и буржуазией. В ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг. были ликвидированы феодальные порядки, однако в стране сохранялись значительные пережитки феодализма. Выкуп земель крестьянами вынуждал их входить в кабальные долговые сделки и способствовал процветанию средневековых форм эксплуатации (натуральные налоги — «десятина», «зеленичарство» и т. п.). На наличие значительных феодальных пережитков, таких, как исполицина (изполицата) и «десятина», указывают авторитетные болгарские исторические источники¹.

Капитализм в Болгарии начал развиваться сравнительно поздно. В конце прошлого—начале нашего века страна переживала период первоначального накопления капитала. Болгарская буржуазия шла к обогащению путем грабежа и насилий, убийств и всевозможных темных сделок. Ее грубый произвол и невежество можно охарактеризовать одним словом — «байганювщина»². Обогащение небольшой кучки «предприимчивых дельцов» шло за счет обнищания огромной массы крестьянства.

Массовое разорение крестьянства в условиях развивающегося капитализма, произвол обогащающихся буржуа, тяжесть невыносимых налогов и гнета, варварские методы управления страной, часто заимствованные у феодальной турецкой администрации, стремление к неограни-

¹ «Материали по история на Българската комунистическа партия», София, 1953, стр. 6.

² Производное от имени героя Бай Ганю — «рыцаря первоначального накопления капитала» — из одноименного романа болгарского писателя А. Константинова.

ченной монархической власти (так называемый «личный режим Фердинанда») — все это вызывало протест самых широких народных масс (в истории Болгарии известны крестьянские выступления 1900 г. в Дуран-Кулаке, Трыстенике и других местностях).

Важно отметить и то, что процесс становления национально-политической независимости болгарского народа был насильственно заторможен крупными империалистическими государствами, которые стремились превратить Болгарию в полуколонию, в объект приложения своего капитала. Известно, что Берлинский конгресс (13/VI—13/VII 1878 г.), в нарушение ранее принятого Сан-Стефанского мирного договора (3/III 1878 г.), произвольно разделил болгарскую территорию на две части: княжество Болгарию и Восточную Румелию, оставшуюся под властью турецкого султана. Решения конгресса тем самым попирали национальные интересы болгарского народа. Официальное провозглашение полной независимости Болгарии (отказ от вассального подчинения Турции) произошло только в сентябре 1908 г. Своеобразным итогом, окончательным закреплением успехов борьбы за воссоединение Болгарии в едином независимом государстве явилась Балканская война 1912 г., сыгравшая объективно прогрессивную роль. «Балканы — балканским народам» — это уже достигнуто¹, писал В. И. Ленин о значении результатов этой войны.

Общедемократическая борьба (крестьянское движение против налогов и гнета, национально-освободительная борьба, борьба против пережитков феодализма, против крайностей произвола, против абсолютизма и усиливающегося влияния иностранного капитала) имела для этой эпохи огромное прогрессивное значение, она была тогда насущной задачей и рабочих, и крестьян, и демократической интеллигенции.

В таких сложных общественных условиях выступали писатели конца XIX—начала XX в. Совокупность этих противоречий своеобразно отразилась и в литературе. Поэтому при оценке литературных явлений этой эпохи надо учитывать весь комплекс вопросов общественной жизни, все многообразие общественной борьбы. Отношение писателей к этой борьбе, их место и степень участия в ней определяли общие границы и содержание их творчества.

Своеобразие исторической действительности — слабое развитие типично капиталистических противоречий (их осложнение многочисленными противоречиями иного характера) — привело к тому, что в тогдашней общественной и литературной жизни не было резко выраженного размежевания групп и течений. На это в свое время обратил внимание Д. Благоев. В статье «Литературное сотрудничество в Болгарии», написанной в 1897 г., он отмечает тот в высшей степени характерный факт, что многие писатели конца XIX в., несмотря на начавшееся определение общественно-политических направлений в литературе, печатают свои произведения где только возможно, без особого выбора журнала и его направления. «Только у нас, — писал Д. Благоев, — встречается такое явление, когда одни и те же литературные силы сотрудничают одновременно в журналах диаметрально противоположных направлений»². Благоев говорил об «отсутствии установившихся убеждений, отсутствии даже установившихся понятий»³.

Поэтому творчество многих болгарских писателей тех лет не представляет собой последовательной, так сказать, «чистой» линии развития,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 340.

² Д. Благоев. Литературно-критические статьи. София, 1951, стр. 72.

³ Там же, стр. 78.

а характеризуется глубокой противоречивостью. Это относится в особенности к таким писателям, как Пенчо Славейков, Кирилл Христов и Петко Тодоров. В их деятельности мы обнаруживаем явно реакционные мотивы. Вместе с тем, однако, каждый из этих писателей по-своему отразил общедемократическую борьбу эпохи. Не говоря уже о том, что П. Тодоров и К. Христов в начале своей деятельности увлекались даже социалистическими идеями и некоторые произведения, например, К. Христова печатались не только в журнале «Мысль», но и в тогдашнем социалистическом журнале «День», многое в их творчестве связано с различными сторонами описанной выше демократической борьбы болгарского народа. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы балладу К. Христова «Раб» (1902), созданную, несомненно, под влиянием крестьянских волнений в начале века. По правдивости и яркости картин грабительского сбора податей, вконец разоряющего крестьян, по силе гуманистического изображения народных масс эта баллада стоит в одном ряду с лучшими образцами болгарской реалистической литературы, например с социальной лирикой И. Вазова и произведениями П. Яворова типа «Град» и «На ниве».

Самым крупным из названных трех поэтов является, бесспорно, Пенчо Славейков. Его творчество невозможно заключить в заранее намеченные рамки. Чтобы объяснить деятельность Славейкова, необходимо установить его реальные связи с живой исторической действительностью.

Поэт начал свою деятельность в период диктаторского режима Стамбулова. И надо сказать, что в его произведениях 90-х годов выражен резкий протест против тирании, демагогии и произвола правящих кругов того времени. В стихотворении «Отечество» («Бацин край») он называет свой родной край «краем слез, страданий и неслыханных испытаний».

В ответ на стремление Фердинанда к усилению деспотического режима, неограниченной монархической власти Славейков создает цикл сатирических произведений, таких, как «Царь Давид», «Марий и Сулла» (сб. «Эпические песни», 1896), в которых клеймит деспотизм монархов, власть, основанную на грабеже и насилии. Перед читателем возникают омерзительные образы мучителей народа. Царь Давид, в одноименном стихотворении, умирая, дает советы сыну Соломону безжалостно грабить подданных, силой бича держать бедняков в покорности, а если они бунтуют — вешать.

Грязная демагогическая игра характеризует обладателей царского трона. Они заискивающе ведут себя перед народом до тех пор, пока не получают власть. Но, утвердивши свою власть, они попирают элементарные желания народных масс («Марий и Сулла»).

Среди других произведений выделяется «Секира истины». Само название подчеркивает основную идею — идею активной борьбы за правду, как ее понимает поэт, — против произвола и деспотизма. Славейков прибегает здесь (как, впрочем, и во многих других произведениях) к приему условностей: местом действия он избирает не Болгарию, а древний Египет, дает царю имя египетского фараона — Аменготеп. Но несмотря на эту условность, несомненно, вызванную цензурным режимом, стихотворение воспринимается как отклик на современную поэту болгарскую действительность, как протест против деспотизма царя Фердинанда.

Стихотворение строится на изображении реального жизненного конфликта двух сил — царя и народа, на показе взаимоисключающей противоположности их интересов. Поэт правдиво нарисовал зловещую фигуру царя-деспота, который задушил все живое и сввергнул народ в страх и безмолвие (поэт называет царя «гиеной свирепой»). Выступивший во

время погребения умершего царя воин — выразитель мыслей самого поэта — так характеризует Аменготепа:

Добро не стори пясъчно зърно,
а зло — в пустиня пясъка безброен. . .
Той разруши, потъпка, оскверни
и преобърна в мъртвини безплодни
народний дух и съвест и сърце.
(Он и на песочное зерно добра не сделал,
а зла — столько, сколько песка в пустыне. . .
Он разрушил, затоптал, осквернил
и превратил в бесплодную мертвечину
народный дух, и совесть, и сердце).

«Секира истины» — это гневное обличение произвола монархии. Но сила стихотворения не только в этом. Создав образ деспота, который «и на песочное зерно добра не сделал», Славейков объяснил и затем ярко показал рост народного возмущения — от сдержанного гнева до бурного протеста, показал то, как «заговорило гневное молчание»:

И неговия говор бе жесток —
И урна се и струпа се тълпата
И под нозе разтъпка, разтроши
на мъртвий труп разръфани месата.
(И его говор был жестоким —
И двинулась, сгрудясь, толпа
и растоптала, разнесла
мертвого трупа клочья мяса).

Таков гнев народа. Поэт называет это «божьим судом», совершаемым «тяжелой секирой истины». Он выступает тем самым как выразитель накипевшего недовольства широких народных масс деспотической политикой тогдашних правителей страны. Самая картина «божьего суда», как справедливого возмездия за насилия и произвол, служит грозным предупреждением «всемогущим властителям», которых Славейков резко разоблачает и в других произведениях.

В книге «Мечты» («Блянове», 1898) помещено сатирическое стихотворение «Край, где все навыворот» («Опак край»). И хотя и здесь налицо те же условности — чужой край, чужая обстановка, но ясно, что речь идет о Болгарии. В образе мельника поэт разоблачает царя Фердинанда. «Все делается по прихоти царя» («всичко се върши по царския кеф»), заявляет Славейков, который видел, что в стране затоптана свобода:

Знайни са тамо свещени слова:
Равенство, братство, свобода;
Как-то навсякъде плява под тях
дъвче смирено народа.
(Известны там священные слова:
Равенство, братство, свобода,
Но, как всюду, полову под ними
жует смиренно народ).

Фердинанд опирался на наиболее консервативные партии, попеременно образовывавшие сменяющиеся правительства, которые во многом придерживались средневековых методов управления страной, заимствованных у турецкой администрации. Такими были после Стамбулова правительства

народняков и Радославова. В 1901 г. под влиянием крестьянских бунтов формирование кабинета было поручено демократу Петко Каравелову. Но вскоре Фердинанд вернул к управлению страной бывших стамбуловистов, которые впоследствии входили в состав кабинетов генерала Петрова, Геннадиева. В январе 1908 г. был образован кабинет во главе с демократом Малиновым. Царь опять искусно повел политическую игру: он приблизил к себе демократов, чтобы успокоить возмущение, охватившее страну в 1907 году. И несмотря на то, что правительство Малинова проводило буржуазно-милитаристскую политику, шло по пути увеличения военных расходов, оно все же оказалось неудобным Фердинанду, так как ограничило действие закона «О политических преступлениях» и решило привлечь к судебной ответственности бывших министров-стамбуловистов Геннадиева и Петрова. Царь заменил его вскоре правительством Гешова.

Пенчо Славейков был оппозиционно настроен по отношению к правящим кругам в стране на протяжении всей своей жизни. Этим объясняется, что он оказался изгнанным из Болгарии, жил долгое время в Италии и умер на чужбине. В эпилоге неоконченной поэмы «Кровавая песня» есть гневные, глубоко волнующие строки:

Да се заскитам в чужбина и в оскуди
 От моя роден край разбойник ме прокуди
 На друг разбойник стар с подписаний указ.
 (Скитаться мне в чужбине привелось,
 Из моего родного края меня изгнал разбойник
 По указу, подписанному другим старым разбойником).

Один разбойник — это тогдашний министр просвещения С. С. Бобчев, которого Д. Благоев в свое время называл «грязным услужливым хвостом «правящих кругов»¹; «старый разбойник», подписавший указ, — царь Фердинанд.

Эти произведения Славейкова отличаются несомненной демократической направленностью, они характеризуют поэта как критического реалиста. Но какова социальная почва реализма Славейкова и каковы, в связи с этим, особенности его реализма?

Известно, что творчество И. Вазова, Елин-Пелина и других связано с движением крестьянства, которое стимулировало развитие реалистического направления в произведениях этих писателей-демократов. Критика современного им общественного порядка велась с позиций крестьянских масс, и именно это придало их реализму огромный размах и глубину. В произведениях Вазова и Елин-Пелина с величайшим сочувствием изображена социальная драма угнетенного народа и вместе с тем (в резком контрасте с этим) показан омерзительный облик дельцов и карьеристов, тиранов и жуликов, представителей эксплуататорских классов.

Реализм Пенчо Славейкова не имел такой сильной опоры, и в этом кроется причина его ограниченности. Поэт не показал социальных противоречий эпохи, не создал широкой и яркой картины социальных контрастов — жизни трудящихся и жизни паразитических классов. Основой той критики общественного порядка, которую мы наблюдаем в его произведениях, явилось не социальное движение народных масс, а общая борьба за окончательное формирование болгарской нации, за очищение болгарского капитализма от пережитков средневековья, борьба против абсолютизма и т. д.

¹ Д. Благоев. Литературно-критические статьи. София, 1951, стр. 75.

Славейков не был писателем-демократом, как, например, И. Вазов. Однако надо иметь в виду, что борьба Славейкова — критика им монархии, произвола и тирании — была исторически прогрессивной. Славейков выступал как либерально настроенный интеллигент, отстаивающий свободу личности, восстающий против рутины и бескультурья, против феодальных пережитков, особенно ощутимо проявившихся вследствие позднего развития в стране капитализма.

В упомянутых произведениях Славейкова объективно нашли свое отражение и стремления демократических классов — пролетариата и крестьянства, поскольку эти классы страдали также и от недостаточного развития капитализма. Славейков выступал, в сущности, как союзник этих классов, которые вели ту же борьбу, что и поэт. Этим именно и определяется характер его реализма, степень его народности.

Несмотря на то, что в произведениях Славейкова выражен резкий протест против тирании и произвола правящих кругов, мы все же говорим об ограниченности этого протеста. Славейков не только не был связан с широким социальным движением трудовых масс, но более того — он отрицательно относился к этому движению. Ни в одном из его произведений социальная жизнь народа не является главным предметом изображения. Правда, Славейков в некоторой мере касался указанной темы, и это отличает его, как будет показано ниже, от символистов. Но даже в лучших его произведениях (например, в поэме «Ралица»), при наличии отдельных указаний на социальное положение героев, основу конфликта составляют не социальные, а морально-этические вопросы.

Отрицательное отношение Пенчо Славейкова к социальному движению народных масс особенно резко проявилось в его публицистике¹. Значительная часть его статей и отдельных высказываний порочны в своей основе и объективно (хотел или не хотел этого автор) служили буржуазной реакции.

Об этом можно было бы не говорить сколько-нибудь подробно (так поступим, очевидно, в будущем, ибо Славейков живет в народе не этим, а демократической частью творчества), но так как облик поэта в настоящее время еще далеко не полностью выяснен, так как мы еще стоим перед необходимостью отделить в его творчестве прогрессивное от реакционного, то и об отрицательном надо говорить совершенно ясно, резко возражая против всяких попыток идеализировать поэта, объявить его с начала и до конца демократическим, прогрессивным². Такое некритическое отношение к наследию Славейкова, часто проводимое под лозунгом любви к болгарской национальной литературе, ничего, кроме вреда, принести не может. Именно из любви к демократической болгарской литературе необходимо указать на реакционные черты в творчестве поэта и осудить их.

В своих статьях Славейков высказывал отрицательное отношение к революционной борьбе народа. Это сказалось в его взглядах как на историческое прошлое, так и на современную ему действительность. Политических эмигрантов, которые были штабом, вождами народной революции в период подъема национально-освободительного движения в стране, Славейков называет «толпой беспочвенников». Он пишет: «Выванная из недр народа, чуждая интересам этого народа, эмиграция

¹ Надо полагать, что на Славейкова оказало отрицательное влияние его длительное пребывание за границей и, следовательно, отрыв от живой действительности родной страны.

² Так поступает критик Димитров-Гощкин (см. статью «На словах и на деле» в газете «Литературен фронт», 1953, № 21).

представляла собой лишь толпу беспочвенников. Эту толпу вели, в разное время, разные люди — Раковский, Каравелов, Ботев и др.»¹

Славейков считал, что либерально-буржуазные деятели, церковники и часть чорбаджийства «представляли самый жизненный элемент народа и гораздо сознательнее вели массы к тем заветам, о которых эмиграция только мечтала»².

Считая Каравелова и Ботева жертвами заблуждения, Славейков утверждал, что действительный смысл борьбы выражен в идеалах церковников, учителей-просветителей («самый жизненный элемент народа»). К ним в конце концов и обратилась якобы политическая эмиграция, чтобы «почерпнуть у них жизненности»³.

Славейков отрицательно относился и к прогрессивной политической борьбе своей эпохи, резко выступал против социализма. Он считал, что влияние социалистических идей убивает талант писателя. Эту мысль Славейков развил в предисловии к стихотворениям П. Яворова (1903). Лучшие стихи поэта («На нивата» и др.), написанные под влиянием социализма, Славейков считает «документами социалистического кошмара, который угнетал душу»⁴.

Ботева и Вазова Славейков назвал художественно малозначащими поэтами именно за то, что они отдавали свое творчество трудовому народу. Стихи Вазова, вошедшие в сборник «Песни скитальцев», в котором правдиво изображена жизнь трудового крестьянства, он считает падением⁵. Много раз по другим поводам Славейков высказывался о Вазове, направляя свою критику против демократизма великого писателя.

Славейков нетерпимо относился к эстетике революционных демократов. В статье «Одна книга о Ботеве» он писал: «Ботев не только не велик, но едва ли может быть назван и хорошим поэтом»⁶.

Славейков ополчился против того, что составляет силу поэзии Ботева — против революционных идей, влияние которых он считал «разрушительным»⁷. По поводу стихотворений Ботева «Борьба» и «Моя молитва» Славейков писал: «Поэт, который пишет такие стихотворения и наносит ими кровавую обиду интимным, самым искренним чувствам своего народа, может быть назван каким угодно, но только не народным поэтом. Он — отступник народа, отступник во имя начал, к которым народное чувство и мысль находятся в диаметральной противоположности»⁸.

Славейков называет «отступником народа» того, кто был для своего времени самым последовательным выразителем народных стремлений, кто, по глубоко верной характеристике Г. М. Димитрова, выступил как «великий национальный герой»⁹, как борец за коренные интересы болгарского трудового народа.

Проблема отношения художественной литературы к читателю, как известно, живо интересовала передовых писателей мира, стремившихся приблизить свое творчество к народным массам. Великий русский поэт «мести и печали» Н. А. Некрасов в свое время мечтал о той поре,

¹ Пенчо Славейков. Събрани съчинения, т. 6, кн. 2, стр. 215. Под ред. на Б. Пенев. Последующие ссылки, если не оговорено особо, даются по этому изданию.

² Там же, стр. 216.

³ Там же, стр. 219.

⁴ Там же, стр. 177.

⁵ Там же, стр. 361.

⁶ Там же, стр. 218.

⁷ Там же, стр. 179.

⁸ Там же, стр. 220.

⁹ Г. Димитров. Съчинения, т. III, София, 1947, стр. 12.

Когда народ не Блюхера
и не милорда глушого, —
Белинского и Гоголя
с базара понесет.

Пенчо Славейков осуждал демократов за их стремление быть доступными народу. Он писал: «Популяризация искусства, его удешевление, его демократизация — это его унижение»¹.

Все эти высказывания Пенчо Славейкова реакционны в своей основе. Вовсе не случайно то, что именно их-то с особым усердием пропагандировала реакционная буржуазная критика. Более того: она использовала их в борьбе против демократических традиций национальной литературы. Разве не ясно, какой большой вред приносят печатные статьи и устные выступления тех литературоведов, которые добиваются так называемого «полного признания» поэта, т. е. бездумного, некритического восприятия всего его наследия.

Нам необходимо конкретно рассмотреть все стороны деятельности Славейкова. Тогда во многих фактах этой деятельности мы увидим противоречивость, непоследовательность. Симптоматично отношение поэта к русской литературе. Славейков высоко ценил творчество выдающихся русских писателей Пушкина, Тургенева, Толстого и др., в известной мере испытал их благотворное влияние. Но в силу оторванности от социальной жизни и борьбы народных масс своей страны он не мог глубоко понять силу демократизма русской литературы, ее многосторонних связей с общественным движением трудового народа России.

В своей речи 20 июня 1910 г., направленной против конгресса военномонархических кругов, который был созван под ширмой славянского конгресса, Славейков резко осудил реакцию и с особой теплотой отозвался о русском народе. Он говорил: «Россия освободила нас политически. Это знают и дети. Но Россия освободила нас и умственно; ей мы, прежде всего, обязаны и той небольшой культурой, которой располагаем теперь и которая является самым лучшим залогом для культуры духа в нашей дальнейшей жизни и нашем развитии»².

О прогрессивной роли России в национально-освободительном движении Болгарии, о благотворном влиянии русской литературы на болгарскую Пенчо Славейков говорил не однажды. В автобиографии «Олаф ван Гелдерн» (рассказывая о жизни и деятельности выдуманного поэта, Славейков во всем имел в виду себя) он говорит о Гелдерне: «Его поэтические чувства и интересы воспитаны (закърмени), прежде всего, русскими художниками слова, которые так победоносно шествуют теперь по Европе. То, что ван Гелдерн вначале инстинктивно воспринимал у них, — поиски человека и в звере, — уже как зрелый певец он сам сознательно положил в основу своих творений»³.

Болгарский поэт был потрясен силой гуманизма, которая так характерна для произведений великих русских писателей. Он сам признается, что русская литература явилась для него в этом отношении настоящим откровением. Учеба у русских писателей шла, во-первых, по линии восприятия гуманистических принципов, во-вторых — по линии восприятия метода изображения внутреннего мира человека, — глубоких и тончайших движений его души. Об этом именно говорят восторженные

¹ Пенчо Славейков. Събрани съчинения, т. 6, кн. 2, стр. 175.

² Там же, стр. 392.

³ Пенчо Славейков. Събрани съчинения, т. II, София, 1948, стр. 8—9. Под ред. на проф. П. Динсков.

строки, адресованные Тургеневу: «Божественный учитель, ты — творец «Живых мощей», твой благородный образ является образом моего спасителя. Разве ужасная судьба того полутрупа, который ты воссоздал с таким очарованием, не есть откровение для меня? Какую симпатию к человеку излучает твой рассказ о муках той невольницы, которая долгие годы не поднималась со своей постели-гроба. А все же ее, и в этом ее состоянии, охватывают тихие восторги и перед самыми мелкими проявлениями жизни: перед ароматом полевых цветов, перед щебетанием ласточек»¹.

Но Славейков ограниченно понимал гуманизм. Это чувство не выросло в нем до чувства любви к народным массам, до уровня защиты их социальных интересов. Аспект его изображения чаще всего связан с частной, личной судьбой героев. Весьма характерно, что в упомянутом рассказе Тургенева болгарского поэта не интересуют причины страшных мучений крестьянки Лукерьи — он пленен самой картиной страдания в одиночестве, этой, как говорит Славейков, «поэзией уединения». В том же духе «героического гордого страдания» воспринимался Славейковым и «Слепой музыкант» Короленко.

Взгляды Пенчо Славейкова на русскую литературу ясно раскрываются и в его отношении к Пушкину. Болгарский поэт восторженно отзывался об авторе «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова». В своей статье «Пушкин в Болгарии» Славейков писал: «Творения Пушкина свободны от всякой риторичности, от словесных хитросплетений; в них нет и следа фальшивого пафоса, водянистого сентиментальничанья; они просты, как проста красота». Высоко ценя форму поэзии Пушкина, Славейков вместе с тем указывал на гармоническое слияние в его творчестве формы с содержанием. «Очень наивно было бы думать, — писал он, — что поэт, которого сознание целой нации считает высшим выразителем ее стихийных способностей, является только художником формы»².

Болгарский поэт справедливо выступает против такого одностороннего взгляда на творчество Пушкина. Он стремится указать на связь этого творчества с особенностями русской нации, дух которой, по словам Славейкова, выразил Пушкин.

Нет сомнения, что гениальная простота пушкинской поэзии, ее национально-самобытный характер, служа высоким образцом для Славейкова, плодотворно влияли на него. Но широко постигнуть смысл творчества русского поэта Славейков все же не смог. В силу своей ограниченности (в силу равнодушия к социальному положению трудящихся и отрицательного отношения к социальной борьбе) Славейков не увидел (или не хотел видеть) многосторонних связей русского поэта с передовыми общественными идеями его эпохи, а именно — с декабризмом, и потому оказался не в состоянии объяснить действительное содержание поэзии Пушкина, ее глубокое демократическое начало.

В статье «Потаенная скорбь поэта», написанной к 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, Славейков утверждает (это видно и по заглавию статьи), что мотив скорби — один из основных мотивов поэзии великого русского поэта. Связь Пушкина с идеями декабристов Славейков считает результатом увлечений «неразумной молодости». Он с осуждением писал о «компании петербургских безобразников, членов «Зеленой лампы». Их сборы именовал «оргическим клубом»³. Сам испытал

¹ Пенчо Славейков. Събрани съчинения, т. II, стр. 8—9. Под ред. на проф. П. Динсков. София, 1948.

² Пенчо Славейков. Избрани творения. София, 1948, стр. 281.

³ Там же, стр. 280.

⁴ Пенчо Славейков. Събрани съчинения, т. 7, стр. 77.

влияние индивидуалистических идей, Славейков в этом же духе пытался истолковать и содержание поэзии Пушкина. Он говорил, что индивидуализм Ибсена и Зудермана, даже бредовые идеи д'Аннунцио — «плод откровений русского духа», результат влияния идей Пушкина. «То, чему представителями являются Ибсен и Бьернсон, Бурже и Гюисманс, д'Аннунцио, Гауптман и Зудерман, — пишет Славейков, — есть плод откровений русского духа. Его духовными отцами были Тургенев, Достоевский, Толстой — апостолы общественной совести. А эти апостолы шли по пути, проложенному Пушкиным, заговорили словом, созданным Пушкиным»¹.

Не будучи связан с социальной борьбой народных масс и отрицательно относясь к этой борьбе, Славейков не понял и не воспринял, резко осуждал эстетику революционных демократов — и болгарских и русских. Он считал, что влияние русских революционных демократов на Любена Каравелова, Петко Славейкова и Христо Ботева было пагубным².

Не понял Славейков и поэзии Некрасова. В статье об Алеко Константинове он стремится доказать, что автор «Бай Ганю» не испытывал «пагубного влияния» Некрасова, что его любовь к русскому поэту была случайной и преходящей, ибо она возникла не на прочной основе, а лишь «под впечатлением чрезвычайно выразительного чтения его товарища г. Каназирского, как и тех из русских его товарищей, для которых, пока они студенты, самым великим русским поэтом является творец «Кому на Руси жить хорошо»...»³.

Итак, Пенчо Славейков, несомненно, был связан с достижениями русской демократической литературы, что благотворно сказалось в его деятельности. Однако следует заметить, что его восприятие этих достижений было частичным, далеко не полным. Влияние русской литературы снижалось большим вредоносным воздействием на поэта западноевропейской декадентской литературы.

Обращение Славейкова к литературе буржуазного Запада отнюдь не случайно. Оно связано с борьбой за «свободу личности». Но так называемая «высокая культура» Западной Европы ничуть не содействовала его идейно-творческому обогащению.

Славейков учился в Лейпциге (1892—1898). Пребывание за границей оказало сильное влияние на формирование его философских и эстетических взглядов, а также на творчество.

В чем же значение этого влияния?

Нельзя согласиться с современным болгарским историком литературы Ц. Минковым, который писал: «Лейпцигский период дал ему (Славейкову — Д. М.) богатую возможность выдвинуться как одной из самых выдающихся культурных личностей у нас»⁴.

Пенчо Славейков впитывал в себя ходячие теории буржуазных философов Запада. Для Европы это было время, когда буржуазия, отказавшись от всего прогрессивного, — от материалистической философии, от реализма в искусстве — возродила идеализм во всех его видах и оттенках. Славейков слушал лекции Фолькелета, от которого воспринял принципы немецкой идеалистической эстетики. На

¹ Пенчо Славейков. Събрани съчинения, т. 7, стр. 89.

² Там же, т. 6, кн. 1, стр. 9.

³ Там же, стр. 126.

⁴ Цветан Минков. Очерки по българска литература. София, 1948, стр. 368.

него оказали влияние еще Гросс, Липс, Ланге, а также Ницше, который, по словам Славейкова «ведет к высоким вершинам»¹, книга которого «Так сказал Заратустра» является «книгой книг»².

Усвоенные Славейковым, на Западе эстетические воззрения представляют собой совокупность крайне реакционных идей, какие только могла породить растленная культура империалистической буржуазии. Эти идеи, проявившиеся как в философских, общественных и эстетических взглядах поэта, выраженных в теоретических статьях, в публицистике, так и в творчестве, характеризуют одну из самых реакционных сторон его деятельности.

Эстетические взгляды Славейкова выражены во многих его статьях по поводу различных литературных явлений. Этому специально посвящена и теоретическая статья «Душа художника», опубликованная в журнале «Мысль» за 1899 г. В ней Славейков повторяет догматы идеалистической эстетики. Искусство рассматривается им в отрыве от реальной действительности. В этой статье он проповедует уход в субъективный «таинственный» мир, защищает принцип «чистого искусства»: «Для художника, — пишет Пенчо Славейков, — имеют значение только явления (Erscheinung), но не скрытая в них сущность вещей. . . Своей творческой мощью он набрасывает туман на сущность вещей и этим уносит нас в новый мир, в таинственное царство символов»³.

Реакционность воспринятых Славейковым идей самым пагубным образом отразилась и на его художественном творчестве. Под влиянием этих идей Славейков отходит от гуманизма, противопоставляет себя принципам демократического искусства, создает антиреалистические произведения.

Ницшеанская идея «сильной личности» положена в основу поэмы «Гимн о смерти сверхчеловека» («Химни за смъртта на свърхчовека»), помещенной в книге «На острове блаженных». Эта книга представляет собой, так сказать, мистифицированную хрестоматию, составленную якобы из произведений поэтов «Острова блаженных». На самом деле все имена поэтов выдуманы, произведения принадлежат самому Славейкову и все справки, которыми сопровождается каждое имя, должны, разумеется, рассматриваться как документ высказываний Славейкова о разных сторонах его собственной деятельности.

Поэма «Гимн о смерти сверхчеловека» представлена как произведение некоего поэта Бойко Раздяла, о котором Пенчо Славейков, выражая свое отрицательное отношение к общественной борьбе, пишет: «Поэт Раздяла может быть любимым только читателями. . . с высокой культурой, а не самоуверенной отвратительной ограниченностью, которая поит душу из общественных помойных ям и пресыщается уличными газетами»⁴.

Какую же «жемчужину» создал Раздяла — Славейков и что называет он «высокой культурой»? На этот вопрос отвечает уже само содержание названной поэмы. В ней проводится реакционная идея Ницше о «сверхчеловеке» и «толпе». Образно это раскрывается в обрисовке взаимоотношений между «волною волн» («вълната на вълните») и «миллионами мелких волн», которые бесследно гибнут и самой своей гибелью рождают «волну волн».

¹ Пенчо Славейков. Събрани съчинения, т. 7, стр. 5.

² Там же, стр. 33.

³ Там же, стр. 180.

⁴ Там же, стр. 145.

Презрительное отношение Славейкова к «толпе», служащей лишь материалом, который использует и над которым возвышается «гордая личность», выражено и в его произведениях «Тень сверхчеловека» («Сянката на свърхчовека»), «Перикл» и др.

Одним из основных мотивов большого цикла поэм Славейкова, посвященных главным образом жизни и деятельности знаменитых личностей Западной Европы, является мотив «гордого страдания». Поэт воспевал страдание, считал его подвигом и источником творчества. Причиной крайнего углубления в мир личных, притом скорбных, переживаний был отрыв поэта от общественной жизни и борьбы народных масс. Известную роль сыграла здесь и личная трагическая судьба Славейкова — его тяжелый физический недуг (паралич, отнявший ноги, поразивший весь организм).

Позитизируя мотив «мировой скорби», якобы возрождающей человека, Славейков попадал в русло буржуазно-декадентской литературы Запада.

Идея поэмы «Cis moll» формулируется в словах: «Величие сияет в человеческой неволе»¹. Образ Бетховена дан Славейковым в своеобразной трактовке: единственным источником гениальных творений было, по Славейкову, личное страдание великого композитора (его глухота), через которое он возвысился до вечного, непреходящего величия.

В поэме «Успокоенный» («Ленау») Славейков изображает тяжелое настроение поэта Ленау, который привлек Славейкова своей личной судьбой (душевным расстройством). Страдания немецкого поэта представлены как источник творческого и жизненного возрождения:

От божий плам душата обгорена
в световните неволи се възражда².

(Душа, обожженная божественным огнем, в мировой скорби возрождается).

Образ Микель Анджеоло дан в полном отрыве от конкретной исторической обстановки, как образ «неземного гения». Величие Анджеоло, по мнению Славейкова, состоит в том, что он возвышался над «борьбой дня», подобно другим великим людям:

... Времената брeнност
Отхвърлят те, и в туй, що е под нея —
в идеята — проникват...³

(Временную брeнност они отбрасывают и в то, что кроется под нею, — в идею — проникают). Смысл «идеи», которая кроется под «временной брeнностю», определяется Славейковым как высшее интуитивное начало, противостоящее трезвому анализу рассудка. Об этом именно свидетельствует его поэма «Сердце сердец» («Сърце на сърцата»), в которой содержится утверждение, что все великое — плод не ума, а сердца («Не на умът, а на сърцето рожба») и что только это «гениальное чутье души» служит «единственным надежным компасом в мировых бурях» («едничък е надежден компас в ревят на бурите световни»).

Те же мотивы характерны и для поэмы «Симфония безнадежности», о которой Горький сказал: «Славейков мог создать только «Симфонию безнадежности», заставив «дух человеческий» проклясть Прометея за его «роковой дар людям»⁴.

¹ Пенчо Славейков. Събрани съчинения, т. 1, стр. 54.

² Там же, стр. 66.

³ Там же, стр. 117.

⁴ М. Горький. Статьи 1905—1916 гг. Изд. 2-е, 1918, стр. 115.

Как в этой поэме Славейкова, так и в некоторых других его произведениях мы обнаруживаем мотивы пессимизма, скорбного одиночества и безнадежности. В сборнике «Сон о счастье» («Сън за щастие») наряду с превосходными лирическими стихотворениями можно встретить немало и таких строк, в которых отразились замкнутость поэта в узком мире своих переживаний, его пессимистические настроения. Вот пример такого рода:

Запустила воденица. Суха,
вадата край нея не ручи.
Глухите й прозорчета зяят,
като кухи на череп очи.
И върбата, там над грохнал покрив
свела клони, не шуми и тя-
като че ли и над нея вече
е ръка протегнала смъртта.

(Опустевшая мельница. Высохшие каналы — по ним уже не журчит вода. Глухие окошечки мельницы зияют, как пустые глазницы черепа. И ива, склонившая ветви над завалившейся кровлей, не шумит — как будто и над нею распростерла руки смерти).

От этого пейзажа веет отталкивающей мертвечиной. Вся сумма художественных средств бьет в одну цель — создать картину полной безжизненности. Этому служат эпитеты: о п у с т е в ш а я мельница, в ы с о х ш и е каналы, г л у х и е окошечки, з а в а л и в ш а я с я кровля. Характерно сравнение окошек с глазницами черепа, симптоматичен и образ ивы, которая склонила ветви над кровлей. И над всем этим — леденящая рука смерти.

Фоном известной части славейковских описаний служат ночь, вечер, зима, осень. Славейков сравнивает себя в таких произведениях то с сухими пожелтевшими листьями, которые умертвил первый иней и развеял ветер, то с одиноким старым буком, лишенным силы и молодости. Сфера личных переживаний крайне ограничена, поэт обнаруживает потерю чувства реальности:

Сърцето ми е чуждо за света,
подобно древен храм в развалини;
и тайните си пази то ревниво
в Света светих на своите гълбини.

(Мое сердце чуждо миру, подобно древнему разрушенному храму; и тайны свои оно ревниво бережет в Святая святых своих глубин).

Можно было бы назвать и другие произведения, близко стоящие к указанным. Но и без того ясно, что частью своей деятельности Славейков примыкал к литературной реакции, противостоял современной ему реалистической литературе. Этим объясняется та острая борьба, которая велась между Славейковым и Вазовым; этим, в конечном счете, объясняется и резко отрицательное отношение к Славейкову со стороны Д. Благоева, Г. Бакалова и др.

Сказавшиеся в деятельности Пенчо Славейкова индивидуалистические мотивы, пессимизм, выступления поэта против общественного характера искусства, против демократизма родной литературы, защита им аполитичности, провозглашение в качестве принципа искусства стремления к «таинственному царству символов» — всем этим Славейков способствовал насаждению в болгарской литературе буржуазного декаданса. Вовсе не случайно, что именно эти черты его деятельности были

затем подхвачены символистами и реакционными представителями, группировавшимися вокруг «Златорога». Болгарские символисты считали Славейкова своим учителем и, надо сказать, имели на это реальные основания.

Ошибка критиков, писавших о Славейкове, состоит не в резком осуждении реакционных тенденций его деятельности (грубую ошибку допускают те, кто не видит этих тенденций или сознательно проходит мимо них, тем самым фальсифицируя действительный творческий облик поэта и всю сложность литературной борьбы эпохи), а в том, что за этими чертами они не видели других, прогрессивных черт.

Чрезвычайно показательно, что Славейков не одобрял деятельности тех, кто считал его своим учителем. Он не причислял себя к приверженцам символизма, осуждал его, называя символизм «умопомраченным». Еще в 1906 г. он писал: «В последнее время волочится по этому пути — пути умопомраченного символизма — целое воинство детворы, которая, повидимому, воображает, что каждая бессмыслица, написанная стихами, есть поэзия, каждые взлохмаченные волосы — прическа»¹.

Были ли у Славейкова реальные основания для подобных заявлений? Да, были. Дело в том, что, в отличие от символистов, полностью порвавших связи с демократической борьбой народа своей страны, у Славейкова такие связи существовали. Как указывалось выше, он творил в эпоху, когда в болгарском народе еще были живы национально-освободительные идеи, когда шла борьба против феодальных пережитков, когда одним из насущных стремлений была борьба за буржуазно-демократические свободы. Славейков касался всех этих вопросов и принимал участие в их решении. Тем самым он объективно выражал общие стремления всего болгарского народа, кровно заинтересованного в разрешении указанных вопросов. Более того, по характеру этой своей деятельности поэт стал перед необходимостью непосредственно обратиться к теме изображения жизни народных масс, к устному народному творчеству, что имело для него исключительно важное значение, несмотря на известную ограниченность проводимых им идей.

Все это, несомненно, в большой степени нейтрализовало реакционность взглядов поэта. Непосредственное влияние живых фактов и явлений действительности, наблюдаемых и изображаемых Славейковым, часто оказывалось сильнее и выше его ошибочных теоретических представлений; оно и определило логику развития значительной части образов в его произведениях. В результате этого Славейков вступил в противоречие со многими своими утверждениями, высказанными в статьях, фактически отказываясь от них и тем самым (практикой художественного творчества) преодолевал собственную ограниченность взглядов. Так, например, в статьях он выступал против общественного назначения искусства, но в то же время создал цикл стихотворений явно антимоноархического характера («Край, где все навыворот», «Марий и Сулла» и др.); в статьях он отрицательно относился к Апрельскому восстанию 1876 г., к деятельности революционеров той эпохи, но в своем творчестве он во многом преодолел и эти свои заблуждения. Даже в некоторых своих статьях он высказывает иногда верные мысли, отдельные проникновенные замечания. Факты глубокой противоречивости мы обнаруживаем и в художественных произведениях.

Большой цикл своих произведений посвятил Славейков эпохе 70-х годов XIX в. — эпохе наивысшего подъема национально-освободитель-

¹ Пенчо Славейков. Собрание сочинения, т. VI, кн. 1, стр. 219.

ной борьбы болгарского народа. Среди этих произведений немаловажное место занимает поэма «Крoвая песня» («Кървава песен»).

Необходимо, прежде всего, отметить, что поэма отражает наличие характерных для Славейкова противоречий. В ней, с одной стороны, высказана мысль о несвоевременности борьбы и через образы Дивисила и Мъдрителя (Мудреца) выражены явно реакционные, ницшеанского толка, идеи; с другой стороны, всем, объективным ходом художественного изложения борьба народа утверждается как историческая необходимость.

Мы знаем уже, что Славейков не признавал правомерности активной борьбы народа в 70-х годах, чем и объясняется его отрицательное отношение к революционным демократам.

Эта порочная точка зрения ограничила творческие возможности поэта, привела к тому, что он уделил слишком много внимания в поэме выяснению смысла борьбы (путем абстрактного теоретизирования) вместо непосредственного изображения этой борьбы. Смысл борьбы, по мнению Славейкова, лучше всего открывался в разногласиях между вождями; иные из них якобы стали «постигать истину», т. е. пришли к мысли о несвоевременности народного восстания. Такую точку зрения Славейков называет «умственным просветлением» («проумяване»), в результате которого произошли «первая ссора (свада) и первое разделение не только между народом и водителями, но и между самими водителями»¹.

Значительную часть поэмы занимает именно «ссора между водителями», бесконечный и утомительный спор между двумя главными героями — Младеном и Воеводой. Собственно, с этого поэма и начинается: после пролога Славейков описывает заседание тайного комитета в доме чорбаджия Дойчина, и уже на этом первом заседании определяются два разных взгляда, два лагеря, борьба между которыми все время продолжается, затихая лишь в момент возникновения восстания.

Руководители восстания — Младен и Воевода — изображены во многом в бесконечных философских умствованиях (их спор переносится из одной песни в другую), что создает композиционную рыхлость, ненужную растянутость.

Идейный и художественный уровень поэмы снижен реакционными философствованиями Дивисила и Мъдрителя, якобы призванными раскрыть смысл происходящих событий. Неправомерен также и выведенный в поэме образ чорбаджия Дойчина, так как чорбаджийство, как известно, не выступало в качестве активной силы в Апрельском восстании.

При всем этом, однако, поэма «Крoвая песня» имеет большое историко-литературное значение. Показательна, прежде всего, самая попытка поэта создать крупное эпическое произведение об Апрельском восстании 1876 г. В пору, когда символисты замыкались в «башне из слоновой кости», его внимание привлекло одно из самых значительных событий в истории болгарского народа. Не менее показательно и то, что, несмотря на наличие ошибочных тенденций в поэме, Славейков, под влиянием событий изображаемой действительности, воспел борьбу, возвеличил героический подвиг борцов за освобождение своей родины. Симптоматично само название поэмы: «Крoвая песня». В нем заключена мысль и о трагическом конце восстания, потопленного в крови, и о величии подвигов повстанцев, борьба которых прославлена как героико-торжественная песня. В связи с этим интересно отметить, что первоначально роман Ва-

¹ Пенчо Славейков. Събрани съчинения, т. 6, кн. 1, стр. 26.

зова «Под игом» носил заглавие «Кровавая заря»¹, к которому совсем близко стоит название «Кровавая песня».

В поэме отражены существенные особенности эпохи. Лучшим из образов является образ Воеводы, в котором поэт стремился воспроизвести черты известной исторической личности — Бенковского, бывшего одним из руководителей восстания. Наиболее живо переданы речи Воеводы и связанное с ними воодушевление народных масс в песнях II и IV.

Воевода выступает за решительные революционные действия:

Докле не станат тук пет хиляди чакмаци,
не ще се заиграй хоро на турски гроб,
на черпата земя ще си остане роб
все българина пак — и гол, и бос ще проси
и ще човърка все черковните въпроси. . .

(Пока не поднимутся пять тысяч борцов, не торжествовать нам победы на могиле турка, на черной земле останется болгарин рабом — и голый и босый он будет просить милостыню и ковыряться в церковных вопросах)².

Речи Воеводы, его вдохновенные призывы находят живой отклик в массах. Следуя жизненной правде, поэт рисует картины огромного патристического подъема, которым был охвачен болгарский народ в исторические дни. Глубоким обобщением звучит афоризм: «Кто поднял меч борьбы, тот уже не раб» («не е днес роба — тоз, който за борба меч дигнал»). Вот отрывки из поэмы, дающие представление об этом всенародном движении (приводим их в переводе В. Луговского):

В горах уже рассвет, но все не тают тени.
Балканам видится: народ со всех сторон.
Вот Воевода. Он толпою окружен. . .
Он всех заморозил своей горячей речью,
Он слово произнес о славе светлой, вечной. . .
Простерши руку вверх величественным взмахом,
воскликнул он: «Друзья! Поднимемся из праха.
Свобода или смерть! Уж целых пять столетий
народ свободы ждет и дней прекрасных этих,
но в горьком рабстве он свои проводит дни.
Наш новый день пришел, и жизнь явилась с ним.
С него теперь начнем мы летоисчисление.
День счастья и побед! Готовый вновь к сраженьям,
сегодня грозно встал измученный народ.
Вперед! И счастлив тот, кто первым упадет». —
«Веди нас за собой, мы ринемся в сражение,
готовы все принять кровавое крещение» —
И горы потрясло громовое: «Веди»³.

Все герои поэмы (в том числе и Младен, выступавший против объявления восстания, которое он считал несвоевременным) приняли активное участие в героическом сражении против турок. Поэт с глубочайшей любовью описывает подвиги Воеводы, Младена, Хъшлака, Велы. Смелые, сильные, гордые юнаки — так характеризует он своих героев.

¹ И. Ш и ш м а н о в. И. Вазов. Спомени по документи. София, 1930, стр. 238.

² Под «церковными вопросами» подразумевается деятельность либералов-просветителей, противников революционной борьбы, добивавшихся самостоятельности болгарской церкви.

³ Сб. «Болгарские поэты», М., 1952, стр. 168—169.

Они сильны даже в смерти. Никто из них не уходит с поля брани, пока бьется сердце. Их гибель в бою овеяна ореолом легендарного героизма, она является свидетельством беззаветной преданности идеям борьбы. Именно этим вдохновенным описанием поступков и действий героев Славейков утверждает историческую правомерность народного восстания 1876 г., прославляет эту величественную эпоху.

В финале поэмы изображен бой на Шипке, названный поэтом «торжественной песней песен». В этом бою погибает Младен. В последний миг перед смертью он ясно увидел, как трусливо бежит испуганная свора врагов, потому что

... Рат безбройна
налита... «То са те»... и сред цепта нестройна
па вихрен кон напред во шурмът полетял
пред погледа му вмиг се Белий генерал
премерна. «Ето. Гръм... Това е вик победен».

(Рать бесчисленная налетала... «Это они»... и среди цепи нестройной на стремительном, как вихрь, коне перед его (Младена — Д. М.) взором промелькнул Белый генерал, мчащийся вперед на штурм. «Вот они. Гром... Это гром победный»).

В образах «бесчисленной рати» и «Белого генерала» Славейков изобразил приход русских войск. Взволнованные слова умирающего Младена: «Вот они. Гром... Это гром победный» — выражают мысли и чувства болгарского народа тех лет, верившего в помощь русских и освободившегося от многовекового турецкого ига благодаря этой помощи.

События в поэме изображены на фоне родной поэту природы, служащей средством выражения патриотических чувств. В таких частях поэмы, как «Пролог», «Легенда Балкана» и др., поэт говорит об истории своей родины. Родные Балканы будят в нем не простое чувство любования величием природы. Образ Балкан ассоциируется у него с вековой борьбой народных масс за национальную свободу. Поэтому лейтмотивом этих описаний является «гайдуцкая песня Балкана».

Описывая в прологе поэмы суровое величие Балканских гор, поэт создает образ «царственных орлов», вьющихся над недоступными вершинами. Этот образ дан в прямой художественной параллели с образами гордых юнаков, для которых Балканы были «родным домом». Борьба гайдуков — «царственных орлов» — это, по словам поэта, «священный завет», а их песня — «волшебная речь». В прямой переключке с Ботевым Славейков воспроизводит песню «неведомого певца», называя ее простой и чарующей:

Когато падне нощ и ясни затрептят
Звезди на тъмния безкраен свод небесен,
И стария Балкан запей хайдушка песен...

(Когда наступит ночь и ясные затрепещут звезды на темном бескрайнем небесном своде, и старый Балкан запоет гайдуцкую песню...).

Так системой изобразительных средств и образов Славейков художественно утверждает правомерность национально-освободительной борьбы болгарского народа.

Поэт с гордостью писал о болгарских гайдуцких песнях, о величественной балканской природе. «Обратите внимание, — писал он, — на гайдуцкие песни, дышащие таким здоровым чувством и жизнерадостностью. Природа играет в них важную роль, наша суровая и сумрачная болгар-

ская природа, которая, по прекрасному выражению поэта¹, каждую ночь, как только луна засветит, запекает свою гайдуцкую песню»².

В третьей из своих «Харамий» («Гайдуки») Славейков правдиво и с трогательной любовью изображает переживания гайдуков, захваченных и угоняемых турками в заточение.

В образе любящей матери, явившейся сыну-гайдуку во сне, поэт выражает настроение народных масс, их веру в приход светлого будущего. Мать обращается к сыну:

Не позволяй душе своей грустить,
 придет конец мучительной неволе.
 Та сила, что людской сильнее воли,
 уже готова слово возвестить.
 Не вечны эти беды, эта ночь,
 не вечны эти тяжкие оковы, —
 не за горами день счастливый, новый³.

Славейков поэтизирует героический подвиг в борьбе, готовность болгарских юнаков жертвовать собой во имя борьбы. На эту тему написано стихотворение «Самоубиец».

В образе «молодого гордого юнака», как пишет о нем поэт, раскрываются характерные черты героя-борца: люта я ненависть к врагу, презрение к предательству; в самом поступке героя (окруженный врагами, он стреляет в себя со словами: «Не меня возьмете, только мой труп») подчеркнута возвышенность идеалов, беззаветная преданность им. Рисую отношение собравшейся толпы к происшедшему, Славейков пишет:

Някой каза: «Той е луд!»
 «Свят е!» — други отговори.
 (Кто-то сказал: «Он с ума сошел!»)
 «Святой он!» — другой ответил).

Это выражение: «Святой он!» — недаром стоящее в последней, заключительной строке, имеет общий оценочный характер, оно отражает мысль автора.

На ту же тему написано изумительное по эмоциональной силе стихотворение «Поэт» (1903 г.). Интересно отметить, что в издании «Епически песни» (1907 г., стр. 61—62) оно помещено с таким примечанием: «Спросили обвиняемого Бачо Киро — и он ответил, что он поэт и, как птичка, ходит по полю, чтобы воспевать прелести природы». Значит, тема стихотворения связана с личностью известного болгарского революционера Бачо Киро, осужденного в Тырново в 1876 г. на смертную казнь. Воссозданный Славейковым образ поэта — борца за национальное освобождение болгарского народа — наделен чертами морального величия, источником которого является глубокое сознание правоты своих поступков. Поэт перед судом рассказывает, что к борьбе его побудило страстное стремление к свободе:

¹ Пенчо Славейков имеет в виду следующие слова из баллады Христо Ботева «Хаджи Димитр»:

Настанет вечер — при лунном свете
 Усеют звезды весь свод небесный.
 В дубравах темных повеет ветер —
 Гремят Балканы гайдуцкой песней.

(Пер. А. Сурнова).

² Пенчо Славейков. Избрани творения. София, 1948, стр. 276.

³ Сб. «Болгарские поэты», М., 1952, пер. П. Железнова, стр. 171.

И ази грабнах пушката в ръце
 да извоювам слънце за сърцето.
 (И я взял в руки ружье,
 чтобы завоевать солнце для сердца).

Героя осудили к смертной казни и на следующий день повесили. Стихотворение заканчивается волнующими словами:

Ръмеше дъжд и вятъра студен
 Като въздишка стенеше в полето
 И неми бяха влажните листа
 Там на липата, дето той издъхна. . .
 Откакто на бесило стана ти,
 Там песента на птичките заглъхна.

(Моросил дождь и холодный ветер,
 Как вздох, стоном разносился по долине.
 И немыми были влажные листья.
 Там на липе, где угасла его жизнь. . .
 С тех пор, как виселицей стала она,
 Там песни птиц заглохли)¹.

Нарисованная Славейковым картина плачущей, скорбящей природы (дождь, вздохи и стоны ветра, влажные и немые листья, заглохшие песни птиц) указывает на связь героя с судьбами его родины. Славейков создал образ патриота, возвеличил его героический подвиг. Он выступил тем самым как художник большого национального значения, как действительно народный поэт.

Теме национально-освободительной борьбы посвящены и другие произведения Пенчо Славейкова («После Старозагорского боя», «Марш»). В поисках положительного героя поэт неизменно обращался к славной эпохе 70-х годов, находил такого героя в ней и вдохновенно изображал его в своей поэзии. В цикле стихов и поэм Славейкова возникает образ борца, активного участника национально-освободительного движения. Этой стороной своего творчества Славейков связан с великой традицией национальной литературы, представляемой именами Ботева и Вазова.

Обращаясь же к своей современности, поэт не видел такого героя в жизни. Подобно Вазову («Эпопея забытых») он констатирует печальный факт, что современная ему Болгария забыла подвиги славных героев, затоптала светлую память о тех, кто «за жизнь родной земли принес в жертвенный дар свою благородную кровь» («На Шипке»), кто «выполнил свой священный завет, и волю, и клятву» («Сто двадцать душ»).

Наряду с произведениями, посвященными теме героической борьбы болгарского народа против турецкого ига, Славейков создал и многочисленные небольшие лирические стихотворения, объединенные главным образом в цикле «Сны о счастье» («Сън за щастие»). Среди них есть крайне пессимистические, за которые цеплялись и которые считали верхом поэтического совершенства болгарские символисты. Но есть среди этих стихотворений много и таких, в которых искренне и взволнованно передано человеческое чувство любви и созданы прекрасные картины родной природы.

В этом цикле стихов Славейков выступает как мастер изображения тончайших движений человеческой души, возвышенных, благородных чувств любви («Сказка», «В комнате»), как мастер пейзажной лирики,

¹ Подстрочный перевод.

связанной непосредственно с настроениями поэта («Ни дуновенья ветра над полянами», «Весна»).

Особенно примечательны те стихи и песни Славейкова, поэтической основой которых является болгарское народное творчество. Необходимо заметить, что, как правило, поэт обходил те образцы фольклора, в которых звучали социальные мотивы, и в этом состоит его несомненная ограниченность. Он интересовался преимущественно любовными песнями. Но вместе с тем надо подчеркнуть, что в этом жанре ему удалось создать такие произведения, которые стали широко известными народными песнями. Главное их достоинство — это мастерское изображение силы и чистоты любовного чувства.

Превосходно стихотворение «Неразлучные» («Неразделни»). В основе его лежит сюжет известной народной песни о любви Иво и девушки Бойки. Текст этой песни приводит сам Славейков. Сила выраженной в ней любви способна потрясти любого читателя. В песне повествуется о завистливой и злой мачехе, которая отравила влюбленных, но уничтожить их любовь не могла. На могиле Иво выросла длинная лоза («дълга лозница»), на могиле Бойки — красная роза («цървен трендафел»), и они вновь сдружились. Тогда мачеха секирой вырубил и лозу, и красную розу, развела огонь, сожгла их и белую золу выбросила в сад. Но из-под золы стала прорастать душистая мята («Рамен босилек») и т. д.

Славейков использовал сюжет этой песни и народно-поэтические сравнения из мира природы, при помощи которых уже в первых строках утверждается сила чувства:

На холме Калина гнется то налево, то направо,
С ее ветками сплетает свои ветки Клен кудрявый¹.

Стихотворение Славейкова отличается от народного текста подчеркнутым психологизмом: девушка Калина подробно и взволнованно рассказывает драматическую историю своей печальной любви к Иво, грубо разбитой «в этом мире лживом». В песню введен образ автора, который слушает эту историю. В отличие от народного текста, влюбленные у Славейкова кончают жизнь самоубийством. Тем самым душевные переживания подчеркнуты Славейковым резче, чем в народном предании. Но главное — изображение силы любви — поэт заимствовал из народной песни, сохранив и образную систему последней, — на могилах влюбленных вырос стройный клен и рядом с ним калина:

На холме нас схоронили, так стоим мы над долиной:
Иво стал кудрявым Кленом, я зеленою Калиной.

Пенчо Славейков был большим знатоком народной песни, которую он талантливо подвергал художественной обработке. Вопрос о связи с народным творчеством поэт считал вопросом о национальной самобытности художественной литературы. Он писал: «Художественная песня, чтоб быть цветком, выросшим на своей почве, и иметь значение в культуре нации, должна иметь самую близкую связь с народным творчеством»².

Из широко известных произведений поэта, написанных по мотивам и в стиле болгарских народных песен, кроме упомянутых, следует назвать еще «Буйный молодец» («Луд гидия») ³, «Фиалка» («Теменужка»), «Пока

¹ Пер. М. Павловой. (Сб. «Болгарские поэты», М., 1952, стр. 174).

² П е н ч о С л а в е й к о в. На острове на блажените. Т. IV, изд. 3-е, стр. 28.

³ Слова «Буйный молодец», как нам кажется, ближе к подлиннику, чем слово «Балагур», как перевела болгарское «Луд гидия» М. Павлова (см. сб. «Болгарские поэты», стр. 176).

ты молод» («Докле е младостъ»), многие песни из поэмы «Колядники», поэму «Ралица» и др.¹

Большой интерес вызывает поэма «Колядники» («Коледари»). Она почти целиком состоит из песен колядников. Автор как бы самоустранился и вмешивается лишь для того, чтобы связать отдельные части поэмы. Это обстоятельство обязало его стать как можно ближе к тексту используемых им фольклорных песен. В силу сказанного в поэме Славейкова многие из этих песен, подвергаясь обработке поэта, почти полностью сохраняют свой основной смысл и свою образную специфику. Благодаря этому Славейков обогатил свою поэму, в которой есть поистине прекрасные места. Особенно хороши вплетенные в художественную ткань поэмы любовные песни. Вот, например, изображение счастливой пары влюбленных, где девушка хочет «наказать» своего любимого таким образом:

Лудо-младо уловете,
тук при мен го доведете,
сама ази да посегна,
да обвържа, да обтегна
с руса коса враг неверни, —
да го стрелям с очи черни,
с тънки вежди да го бия,
с али устни да го пия. . .

(Парня буйного ловите
и ко мне сюда ведите.
Наказать его сумею:
обвяжу косой моею
и проклятого чертенка
высеку я бровью тонкой,
черными убью очами,
выплю алыми устами)².

Вообще говоря, народные лирические песни — это та область фольклора, к которой часто обращался Пенчо Славейков. Именно она влила в его творчество наиболее живую струю, и обогатила его. Можно без преувеличения сказать, что своей известностью в народе поэт обязан главным образом народно-песенной лирике, ее могучему и благотворному воздействию.

Одним из лучших произведений поэта является его поэма «Ралица». В этом произведении, как и в поэме «Бойко», Славейков изобразил некоторые существенные черты жизни и быта болгарского патриархального крестьянства. Правда, ни в той, ни в другой поэме нет отражения социальных невзгод, общественных противоречий и борьбы. Сюжет в них строится на описаниях личных конфликтов и переживаний. В этих поэмах сказалось ошибочное представление Пенчо Славейкова о национальных особенностях болгар, о самобытных чертах болгарского народа. Известно, что «кардинальными чертами народного духа» поэт считал любовь к труду, культ семейного очага и пантеизм³. Объявляя эти черты основными и неизменными для всего болгарского народа, Славейков выступал в публицистике против тех, кто «приписывал» народу черты

¹ Переводы этих произведений помещены в сб. «Болгарские поэты», стр. 172, 176, 179, 182, 183.

² Пер. М. Зенкевича. (Сб. «Болгарские поэты», стр. 179—180).

³ Пенчо Славейков. Събрани съчинения, т. 6, кн. 2, стр. 221.

политической активности или вообще говорил об его общественной борьбе¹. Эта точка зрения сказалась в поэмах «Бойко» и «Ралица».

В обеих поэмах Славейков идеализирует патриархальный крестьянский быт. Он показывает, что в среде крестьянства имеют место человеческие трагедии, и пытается установить их причины. Характерно, однако, что им обойдена молчанием главная трагедия народа — его социальное угнетение, то, что умели заметить и ярко изобразить другие поэты, например Яворов в стихотворениях «На пиве», «Град». Муки и переживания героев Славейкова не связаны с жизнью народных масс. Социальные противоречия подменены морально-этическими конфликтами. Причиной трагедии простого народа, по мнению Славейкова, является моральное разложение — необузданные, сильные страсти, разрушающие тихую идиллию патриархального быта. В соответствии с этим двигателями развития действия, а следовательно, и развития сюжета, становятся борьба за удовлетворение страсти, ревность, злая месть.

В поэме «Бойко» носителями этих необузданных страстей являются Бойко и Неда. Неда с душевной легкостью изменила Бойко (автор называет ее поступок обманом). Характеристика морального облика Неды дана и в словах матери Бойко, которая говорит сыну:

Изама що е хранило, нима
Зарад сърце такова някой тъжи.

(Разве сердце, которое жило обманом, заслуживает того, чтобы о нем грустить).

В связи с этим Бойко думает:

И прави думи. Не веднаж и сам
Си ги е шъпнал на сърцето Бойко.

(И верные слова. Не однажды и сам нашептывал их своему сердцу Бойко).

Но мысль о Неде продолжала его преследовать. Встреча с Недой, безнравственно-игривый тон ее разговора, ее готовность изменить своему мужу Ненко (Неда с очевидной целью сообщает Бойко об отъезде мужа, и взгляд ее при этом говорит: «Ночь длинная, и Ненко находится в Загорье. . .») окончательно сбивают с пути Бойко, который забросил работу, опустился, начал пить. Невыносимо тяжелой стала жизнь старой матери и жены Бойко — Райки. Мать скоро умерла, проклиная сына. Райка покорно и долго сносила позор и оскорбления мужа, пока однажды пьяный Бойко не искалечил ее. Беременная, она не вынесла физических мук — родила мертвого ребенка и сама вскоре скончалась.

Вся сюжетная основа поэмы, подчеркнутый драматизм конфликтов призваны показать, что причиной разрушения семейного счастья являются зоологические страсти, безнравственность.

В поэме «Ралица» носителем зла выступает мстительный Стоичко Влах. Не добившись благосклонного отношения к себе со стороны Ралицы, он убивает ее мужа Иво и таким образом разрушает покой счастливой семьи.

Этим темным силам в поэмах Славейкова противостоит здоровое, по мнению поэта, патриархальное начало. Черты идеального быта воплощены в образах Райки и матери Бойко, Ралицы, Иво и его матери. Что характерно для всех этих героев? На этот вопрос можно ответить кратко:

¹ «Воля и акция, — писал Славейков, — они чужды ему, замкнутому в себе, хмурому болгарину». (Пенчо Славейков. Събрани съчинения, т. 6, кн. 2, стр. 45).

пассивность, покорность, примирение с горькой долей. Райка безропотно выносит издевательства мужа. Рабская покорность настолько укоренилась в ней, что она принимает свое несчастье как роковой удар судьбы и не только ничем не возмущается, но даже считает страдание неким подвигом (умирая, она не сказала о зверском поступке Бойко — виновнике ее смерти; чтобы скрыть истинную причину внезапной болезни, она даже придумала историю о том, что якобы сама упала с лестницы). С этой религиозной покорностью Райка и сошла в могилу. Печать трагической обреченности, пассивного примирения с «судьбой» лежит и на образе Ралицы, что особенно ясно выражено в концовке поэмы.

В поэмах «Бойко» и «Ралица» автор излагает своеобразную «философию страдания». Райка добровольно принимает на себя всю тяжесть физических и душевных мучений во имя спасения чести мужа. Поэт даже подчеркивает «возрождающую силу» страдания (под его влиянием наступает нравственное пробуждение Бойко).

Славейков не показал социальной драмы крестьянства. Зло выглядит в его поэмах лишь как столкновение необузданной страсти с благоразумием.

Но, изображая крестьянский быт, поэт, при указанной ограниченности его взглядов, все же верно нарисовал черты этого быта, типичные для всего трудового народа. Достоинства поэм состоят не в поэтизации пассивного примирения и страдания, а в правдивом изображении нравственной чистоты и честности простых людей из народа. Эти благородные черты запечатлены в образе Райки (поэма «Бойко») и с особенной силой — в образе Ралицы.

Пользуясь средствами фольклора, Славейков создал обаятельный образ сельской девушки Ралицы, обладающей удивительной красотой и высокой нравственностью. Важно заметить, что поэт отдал свои симпатии людям труда, представителям честного бедного крестьянства. О Ралице мы узнаем, что она осиротела в детстве («Сиротно чедо беше тя»). Необычайно сжато (буквально в четырех строках) и в то же время достаточно ярко излагает автор биографию героини:

Отколя замина нейний татко по гурбет —
Замина, и ни вест, ни кост от него;
а майка й отведоха с деве
кахъри в гроба.

(Давно уж запропал на чужбине родимый:
он уехал на поиски работы.
С той поры о нем не было слуху.
Спину матери горе согнуло
И в могилу свело)¹.

Читателю ясно, что отец Ралицы ушел из семьи не от сладкой жизни. Его заставила материальная нужда — он уехал на поиски работы (болгарское «по гурбет» соответствует русскому «на заработки»). Горе матери и всей семье — это, в конечном счете, социальное горе, так как оно явилось следствием вынужденного ухода главы семьи на заработки.

О любимом Ралицы — Иво — мы узнаем, что он беден («сиромах е Иво»). Таким его и полюбила Ралица. Поэт с глубочайшей симпатией от-

¹ Пер. Н. Асеева. В дальнейшем цитаты на русском языке приводятся по этому переводу. (Сб. «Болгарские поэты», М., 1952, стр. 183—189).

носятся к этим своим героям. Для изображения их внешней красоты и красоты чувств он ищет отборные, яркие слова и образы. Ему удалось найти полновесные поэтические средства благодаря обращению к богатейшей сокровищнице болгарского народного творчества.

Красота Ралицы показана через восприятия окружающих. Описание этих восприятий посвящена вся вторая строфа поэмы (приходится пожалеть, что в русском переводе не сохранена разбивка строчек подлинника, и это несколько нарушает стройность и плавность поэтического повествования, сглаживает грани тех необходимых переходов в изложении, которые обозначены болгарским поэтом и графически).

Следуя народной песне, Славейков достигает огромной силы изображения. Он широко и умело пользуется сравнениями из мира природы: Ралица — «как вечерняя звездочка в небе», речи Иво для Ралицы — «как ранняя роса весною»; о Иво и Ралице говорится: «Двама лика и прилика, един за друг родени». Это выражение близко к часто встречающемуся в народных песнях: «Те са лика и прилика, като два стръка иглика»¹. Иво сравнивается с кудрявым крепким кленом, Ралица — с тонкой гибкой лозой:

Лоза се окол явора обви —
около Иво Ралица девойка.

(Обвилась вокруг явора лозинка,
вокруг Иво Ралица — девица).

Поэма изобилует народно-поэтическими эпитетами: темные очи, кудрявый явор, тонкая и гибкая лозинка и т. д.

Иво и Ралице противопоставит в поэме Стоичко Влах, о котором сказано: «Богатый и приметный парень, один у матери и отца» («Заможен и личен ерген, един на майка и баца»). Он пытается привлечь Ралицу драгоценным подарком — ожерельем из золотых монет («огърлица рубета»). В описанном Славейковым эпизоде встречи Стоичко и Ралицы у Беш-Бунара с наибольшей полнотой раскрывается чистота морального облика девушки. Стоичко властно требовал:

Быть моим должно твое сердце:
иль моим, иль ничьим оно станет.

Но, вырываясь из цепких рук, Ралица отвечает:

Отпусти. . . Не берут сердце силой,
пополам караваем не делият.

Ралица — прямая противоположность Неде (поэма «Бойко»). Ей чужды увлечения легким успехом. Ее чувство чисто и глубоко.

Вся поэма написана в стиле народной песни. Это стройное поэтическое повествование, основанное на последовательно развивающемся сюжете. Славейков добивается предельной сжатости и замечательной яркости изображения. В результате этого «внутренние узлы» поэтического рассказа ясно ощутимы и вместе с тем они образуют органическое целое. От краткой передачи биографии героини поэт переходит к описанию ее чудесной красоты, затем он изображает основную жизненную ситуацию

¹ Выражение трудно переводимо на русский язык. Его смысл: они подходят друг другу, они рождены друг для друга (развивая народный мотив и образы, Славейков верно подчеркнул вторую половину фразы: они рождены друг для друга). Н. Асеев перевел слова болгарского поэта так: «Двое их, что двоешкой рядом уродились».

и интригу — отношение Стоичко к Ралице, любовь Ралицы и Иво; все так же плавно, без искусственной натянутости, ведется рассказ и в дальнейшем.

Славейков мастерски изображает душевные переживания героев. Радость Ралицы от избытка любовного чувства к Иво передана в ее непоколебимой счастливой улыбке, в ее одухотворенном разговоре с приходящими к ней подружками, в ее светлом восприятии всего окружающего:

На дворе ее тетушки широко
словно солнце сияло все время,
и на всех, кто у Ралицы были,
словно отсветы солнечных бликов
по уходе сияли.

Мастерски описана и тревога Ралицы за судьбу Иво, ее предчувствия, ее горе после убийства мужа.

Верно подметил и глубоко правдиво изобразил Славейков типичные черты крестьянской психологии в образе Иво. Волнуясь за мать, оставшуюся в непогоду у родственников, и отправляясь за нею, Иво все-таки прежде всего заглянул в хлев, чтобы «за скотом присмотреть по дороге».

Поэмы «Бойко» и «Ралица» не имеют широкого общественного значения, такого, например, какое имели произведения о крестьянстве Яворова, Елин-Пелина, Вазова и др. Но они все же свидетельствуют о связи поэта с народными массами и тем самым находятся в противоречии с реакционной индивидуалистической частью его же творчества. Любовное изображение простых людей из народа, их моральной чистоты, широкое и мастерское использование образов народной лирики, простота и ясность изложения, классическая стройность композиции — вот основные достоинства этих поэм.

* * *

Подведем итог сказанному. Мы говорили о том, что деятельность Пенчо Славейкова была противоречивой. В силу своеобразных общественных условий в ней проявились черты, объективно связывающие поэта с декадансом; в то же время Славейков противостоял декадантам явными демократическими мотивами своего творчества.

Как либерально настроенный интеллигент, Славейков выступал против деспотизма и феодальных пережитков, проявлял интерес к национально-освободительной борьбе, к быту и устному творчеству народа. Он не изобразил социальной жизни трудящихся, не показал тяжести социального гнета народных масс, их борьбы за улучшение материального положения. Но надо иметь в виду, что в эпоху, когда жил поэт, выдвинутые им положительные требования имели огромное прогрессивное значение. Если к этому прибавить, что логика развития отдельных образов в его творчестве обуславливалась непосредственным влиянием фактов болгарской общественной действительности, приводивших поэта к прямому противоречию с его собственными реакционными взглядами, то вполне ясно определяется наше отношение к его многообразному наследию.

Все реакционное в публицистике и художественном творчестве Славейкова — пропаганда индивидуализма, антигуманистических идей, пессимизма, изоляции литературы от общественной жизни и т. д. — мы не

принимаем и от его вредоносного влияния предостерегаем читателей поэта.

Вместе с тем мы отмечаем наличие в деятельности Пенчо Славейкова довольно сильной демократической струи, обеспечившей долговечность многим его произведениям. Правдиво показав реальный жизненный конфликт между общественным режимом Фердинанда—Стамбулова и народными массами, Пенчо Славейков встал, в сущности, на сторону трудящихся, объективно выступил как выразитель их стремлений, как выдающийся поэт-реалист. Он достиг этого различными способами изображения жизни: и средствами эпоса, и средствами лирики. В его поэзии создан эпический образ трудолюбивого, протестующего и борющегося народа («Ралица», «Секира истины», «Кровавая песня»), яркие индивидуализированные образы борцов за свободу («Поэт», «Самоубийца» и др.); вместе с тем в большей части его лирики раскрыты также типические, присущие народу черты: возвышенность и благородство чувства любви, естественное, здоровое восприятие красоты родной природы, собственные и народной лирике мотивы буйного порыва молодости и грустных раздумий, увяданья и т. д. Как лирический поэт Славейков живет вовсе не теми произведениями, в которых сказались его оторванность от жизни и стремление к «самовыражению» (этим он приближался к представителям реакционного «чистого искусства» и, следовательно, противостоял реализму), а теми, в которых его чувство и мысль связаны с реальными жизненными явлениями, направлены к объективному познанию явлений и отображению их.

Творчество Пенчо Славейкова отличается широтой тематики, многообразием жанров. Поэт писал и о героическом прошлом своей родины, и о текущих событиях современной ему Болгарии, и об отдельных фактах и событиях мировой истории; общественная тема перемежается в его поэзии с интимно-личной. Он выступал во многих жанрах — поэмы, песни, сатиры, пейзажной, любовной, философской лирики и т. д.

Очень важной чертой творчества Славейкова, служащей поучительным уроком для всей современной болгарской поэзии, является сюжетность его произведений. Не говоря уже о поэмах, построенных обычно на острых драматических конфликтах, способствующих более яркому выявлению характеров, поэт стремится к сюжетности всюду: и в таких стихотворениях, как «Неразлучные», «Фиалка», и даже во многих лирических миниатюрах цикла «Сон о счастье».

Основа многих произведений Пенчо Славейкова народно-поэтическая. Пользуясь мотивами и образами болгарской народной лирики, поэт развивает и во многом обогащает их; в то же время он опирается и на достижения письменной поэзии. С этими особенностями его творчества связана и ритмическая организация его стиха.

Значительная часть произведений Славейкова написана народно-поэтическими размерами, и что особенно характерно — белым стихом (поэмы «Ралица», «Бойко» и др.). Вместе с тем поэт употребляет разнообразные ритмические построения силлабо-тоники. Поэма «Кровавая песня» написана размером шестистопного ямба, придающего стиху величавую суровость и торжественность; применяя своеобразные вариации хорея в стихотворении «Буйный молодец», Славейков умело достигает убыстренного темпа, соответствующего духу всего стихотворения. Он широко пользуется и другими поэтическими размерами.

Многообразна и строфика поэзии Пенчо Славейкова. Наряду с часто встречающимися четверостишиями он вводит и самые малые строфы — двух-трехстишия, и самые большие, состоящие из восьми—четырнадцати

стихов. Такая большая строфа характерна для всех поэм Славейкова. Неодинаковость количества стихов в ней объясняется тем, что определяющим принципом для поэта служила только законченность мысли, градация переходов в поэтическом повествовании.

Лучшей частью своего творчества Славейков принадлежит народу. Критика общественного режима Фердинанда, произвола, насилия и невежества «байганювцев», воспевание национально-освободительной борьбы, фольклорные мотивы — глубокое знание народной песни и мастерская ее обработка, изображение моральной чистоты и превосходства простых людей из народа, простота и эмоциональная сила системы художественных средств, — во всем этом проявился реализм поэта, его народность. Он занял видное место в болгарской литературе конца XIX — начала XX в. и сохранил свое значение и для нашей современности.

В. И. Гапова

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭЛИЗЫ ОЖЕШКО
О БЕЛОРУССКОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ**

Прогрессивная польская литература XIX в. отражала историческое своеобразие жизни нации, ее духовное богатство, национальную специфику, которые обеспечили ей почетное место в сокровищнице мировой культуры.

Одним из выдающихся представителей демократической литературы Польши является Элиза Ожешко (1842—1910). В литературу она вошла как писатель-реалист большого художественного дарования, обличитель буржуазно-шляхетского общества и самодержавия, мужественный защитник трудового народа Польши. Ее творчество, сложное и противоречивое, отражает противоречия пореформенной эпохи (а также отдельные противоречия мировоззрения и творческого метода самой писательницы). Рубежами творческой деятельности Элизы Ожешко являются, с одной стороны, национально-освободительное восстание 1863 г., а с другой — буржуазно-демократическая революция 1905 г. Это был период ломки феодализма, бурного развития капиталистических отношений и роста рабочего движения в Польше.

Национально-освободительная борьба польского народа и крестьянское движение 60—80-х годов в Белоруссии, где жила Элиза Ожешко, определили основные темы ее творчества — крестьянскую и национально-освободительную. Демократизм писательницы проявился в острой постановке этих вопросов и в правдивом отображении жизни пореформенного крестьянства.

В становлении и формировании Элизы Ожешко как писательницы-демократа определяющую роль сыграла прогрессивная польская литература, и в первую очередь революционная поэзия А. Мицкевича и Ю. Словацкого, стихи Л. Кондратовича (Сырокомли) и творчество таких ее выдающихся современников, как писатели И. Крашевский, Б. Прус, М. Конопницкая.

До настоящего времени в литературоведении очень мало работ, всесторонне и глубоко анализирующих творчество Элизы Ожешко, ее общественно-политические и эстетические взгляды. Утверждения буржуазных литературоведов об Ожешко как «идеологе либеральной буржуазии», призывавшем к «союзу шляхты с крестьянством», не соответствуют действительности и мешают правильному раскрытию творчества выдающегося писателя.

В настоящей работе поставлена задача: а) раскрыть идейно-художественную ценность, общественную значимость и национальное своеобразие той части ее творческого наследия, которое посвящено жизни белорусского крестьянства, и б) определить подлинное место Элизы Ожешко в истории польской литературы.

* * *

С 80-х годов XIX в. в Польше и России развернулась общественно-литературная борьба вокруг творчества писательницы. Выступление передовой польской и русской общественности, и прежде всего русской революционной демократии, против реакционной критики, фальсифицировавшей творчество писательницы, явилось выражением идеологической борьбы за передовую польскую литературу.

Польская и русская буржуазная критика уделяла недостаточно внимания демократическим тенденциям в творчестве Элизы Ожешко. Она представляла писательницу идеологом позитивизма (П. Хмелевский, В. Гостомский, А. Дрогошевский), сосредоточивала внимание на вопросах «общечеловеческих», «международных», а не социальных (В. Гольцев, С. Зеленский, Р. Бодуэн де Куртэне), большое место отводила анализу «психологизма» писательницы (С. Бжзовский, Ю. Котарбинский).

Другая тенденция буржуазной критики (А. Брюкнер, К. Заводзинский) заключалась в том, чтобы представить Элизу Ожешко последовательницей этико-философского учения Льва Толстого, его наиболее слабых сторон.

Эти критики создали легенду о «юродивой праведности» писательницы, подобную той, которую пыталась создать буржуазная критика о Толстом.

Католическая польская критика заняла резко враждебную позицию по отношению к литературной и общественной деятельности прогрессивной писательницы. Она «одарила» писательницу, как указывала сама Ожешко, прозвищем «помощницы Муравьева» (за симпатию к русскому народу) и «еврейской судомойки» (за рассказы о еврейской бедноте). Иезуитский «Пшеглэнд католицки» в лице ксендза-мракобеса Чечотта с начала 90-х годов занимался систематической травлей Элизы Ожешко, произведения которой якобы оказывали «злое действие» на «читательские умы».

В период 20—30-х годов XX в. творчество писательницы способствовало разоблачению реакционной политики правящих кругов Польши, и буржуазная критика боролась с ним старым методом: фальсифицировала идейное содержание произведений писательницы. В очерке (1933) о жизни и творчестве Элизы Ожешко А. Дрогошевский назвал метод писательницы «субъективным реализмом», который якобы позволил ей художественно изобразить союз шляхты и крестьянства, т.е. угнетателей и угнетенных.

Критика народно-демократической Польши, борясь с буржуазными фальсификаторами литературного наследия прошлого, мало сделала для всесторонней оценки творчества Элизы Ожешко.

Авторский коллектив (Я. Бацулевский, М. Яньон, М. Жмигродская и др.) многотомного исследования «Позитивизм» (1950—1951), изданного Институтом литературных исследований Польской Академии наук, во многих отношениях еще преувеличивает воздействие так называемого «позитивизма» на литературу.

М. Жмигродская — автор статьи по крестьянскому вопросу в творчестве Элизы Ожешко, с нашей точки зрения, преувеличивает роль идей позитивизма в ее произведениях.

Сосредоточив все внимание на выявлении слабых сторон крестьянских повестей, Жмигродская недостаточно внимания уделила художественному методу писательницы, при помощи которого изображены «раны современной жизни».

* * *

Поражение восстания 1863 г. и крестьянская реформа 1864 г. явились поворотным моментом в развитии экономической, общественно-политической и культурной жизни Царства Польского.

Развитие капитализма в Царстве Польском после крестьянской реформы сопровождалось обострением классовых противоречий. Резко возросло расслоение и обезземеливание крестьянства, деградация шляхты, зародилось рабочее движение. В условиях усиливающейся политической реакции и национального гнета со стороны царского правительства польская буржуазия стремилась к завоеванию и расширению российского рынка путем политики соглашения с царизмом. В целях противодействия революционному рабочему движению буржуазия идеологически вооружается, выступает против распространения идей научного социализма.

На первом этапе своего развития (конец 60-х—середина 70-х годов) идеологическое воздействие польской буржуазии проявилось главным образом в публицистической деятельности так называемых «варшавских позитивистов». Изучение журналистики позитивистов по крестьянскому и национальному вопросам («Пшегленд тыгодневы», «Нива») убеждает в реакционности их лозунгов. Боясь народных революционных движений, позитивисты стремились развенчать героические традиции национально-освободительной борьбы польского народа. Вместо выяснения причин поражения восстания 1863 г. позитивисты доказывали, что самая идея освободительной борьбы «величайшая ошибка», «роковое заблуждение», результат полувекových «бредней» романтической литературы.

Отрицая идею классовой борьбы, они стремились обмануть народные массы реакционной теорией «классовой гармонии» — мирного сотрудничества угнетателей и угнетенных, национального самосохранения «единого» польского народа, экономического обогащения («органический труд»). Реакционность «варшавских позитивистов» в отношении крестьянского вопроса отчетливо выражена в лозунге А. Свентоховского «работа у основ»¹, т. е. в призыве к культурно-просветительной работе среди крестьянства при условии руководства шляхты над трудовым народом.

Творчество Элизы Ожешко развивалось не под влиянием «варшавских позитивистов», как это утверждали буржуазные критики, а под влиянием крупнейших общественно-политических и исторических событий эпохи. Национально-освободительное восстание 1863 г. и аграрную реформу 1864 г. писательница назвала своим «университетом».

В социальной заостренности тематики, начиная от первого рассказа «Картинки голодных лет» (1886) до сборника рассказов «Из разных сфер» (1880), в верности национально-освободительным традициям, в принципах ее реалистической эстетики заключается прогрессивный характер творчества Элизы Ожешко 60—70-х годов.

Под влиянием национально-освободительной борьбы 1863 г. выработывался взгляд Элизы Ожешко на литературу как на орудие борьбы, понимание писательского долга как служения родине. «Все это совершил со мной и во мне год 1863. Если бы не его молот и резец, моя судьба была бы другая и я, наверное, не была бы писательницей».

Документы, сохранившиеся в Центральном государственном архиве Литовской ССР, раскрывают непосредственное участие Элизы Ожешко в восстании 1863 г.

Из оппозиции к самодержавному строю, из чувства ненависти к поли-

¹ Статьи в журнале «Пшегленд тыгодневы», 1873, № 10, 11, 12, 14, 16, 18.

тике угнетения трудящихся масс родилось творчество Элизы Ожешко. «Польская шляхта на Литве господствовала над деревенским народом вопреки воле и убеждениям лучших своих представителей, — писала Элиза Ожешко. — Но самый факт господства над ним доказывает, что она не могла хорошо господствовать. Разве когда-нибудь и где-нибудь человек над человеком хорошо господствовал?» Ее первый рассказ «Картинки голодных лет» явился началом большой темы о народе-«мужике», которую писательница глубже разработала в произведениях 80-х годов. Социальная заостренность и правдивость в изображении голода и нищеты белорусской деревни определены общей проблемой — социального и национального освобождения порабоженного народа.

Публицистику писательницы первой половины 70-х годов и художественные произведения, посвященные борьбе за свободу и равноправие польской женщины («Марта», 1873), следует рассматривать как дальнейшую разработку той же общей социальной проблемы. Однако, разоблачая социальную несправедливость современного ей общества, Элиза Ожешко в произведениях начала 70-х годов не умеет еще отбирать из жизни самое характерное, типичное, поэтому в обрисовке положительных и отрицательных образов наблюдается некоторый схематизм, недостаточная художественная убедительность, однообразие языка героев, растянутость композиции.

Произведения второй половины 70-х годов («Помпалинские», рассказы и повести из жизни еврейской бедноты — 1877—1878, сборник рассказов «Из разных сфер») свидетельствуют о совершенствовании реалистического художественного метода, об углублении эстетических взглядов писательницы, о преодолении недостатков ранних произведений.

Признавая огромное общественное значение литературы (статьи «Несколько слов о повести», 1866; «Письма о литературе», 1873), Элиза Ожешко считала основной задачей художника реалистическое изображение жизни человека: «Жизнь человека — вот тема повести» (рассказ «Начало повести»).

К концу 70-х годов Элиза Ожешко углубляет социальную основу своего творчества и эстетических взглядов. Она требует создания действенной литературы, не только отражающей жизнь народа, но и активно вмешивающейся в нее (письма 1879 г. к писателю Томашу Ежу).

Однако ограниченность демократизма Элизы Ожешко этого времени сказывается в том, что ей не всегда удается избежать влияния идей позитивизма. Героические национально-освободительные традиции и критика пороков буржуазно-шляхетского общества нередко уживаются у Элизы Ожешко с верой в возможность мирного прогресса и с отрицанием идей социализма (повести «Кладбищенский Сильвек», 1880; «Призраки», 1880).

К числу наиболее значительных произведений писательницы относятся повести из крестьянской жизни, созданные в 80-е годы. Считая крестьянские массы реальной исторической силой, способствующей прогрессивному развитию Польши, Элиза Ожешко посвящает крестьянству центральное место в своем творчестве.

В период 80-х годов творчество Ожешко пользовалось большой популярностью в передовых кругах России. С 1880 по 1891 г. многие журналы печатали переводы ее произведений. Среди них видное место принадлежит «Отечественным запискам», во главе которых стоял революционный демократ М. Е. Салтыков-Щедрин. К сожалению, в современной критике эта сторона идейных связей писательницы с передовым крылом русской литературы не получила еще освещения.

Читая «Отечественные записки», Э. Ожешко не могла пройти мимо таких произведений Салтыкова-Щедрина той поры, как «За рубежом», «Современная идиллия», «Письма к тетеньке», а также цикла очерков Глеба Успенского о крестьянской жизни. Она называет «Отечественные записки» «авторитетным и прекрасным журналом» и в письме к великому русскому сатирику пишет: «Мы все здесь хорошо знаем Вас»¹.

Отзыв Салтыкова-Щедрина об Элизе Ожешко как писателе-гуманисте (статья «Июльское веяние», 1882) и ответное письмо посетительницы (1882)², ее же «Письмо к русским литераторам» (1898)³ доказывают, что освободительные идеи великой русской литературы оказали благотворное влияние на творчество Элизы Ожешко. Писательница видела не только ненавистную самодержавную Россию Муравьева-вешателя, но и Россию великого борющегося народа.

Правда, было бы большой ошибкой ставить знак равенства между революционно-демократической идеологией Салтыкова-Щедрина и демократическими взглядами Элизы Ожешко. Но глубокий социальный оптимизм Салтыкова-Щедрина и разоблачение буржуазной интеллигенции в «Письмах к тетеньке», пафос обличительной борьбы «Благонамеренных речей», отношение к национальному вопросу, ненависть ко всякому угнетению человека человеком были органически близки мировоззрению Элизы Ожешко. Такие произведения писательницы, как «Помпалинские» (1875) и «Первобытные» (1883), разоблачающие паразитическую жизнь господствующих классов, несут на себе отпечаток щедринской сатиры.

Культурные связи Элизы Ожешко с выдающимися деятелями русского, украинского и белорусского народов также имели известное значение в развитии демократических взглядов и реалистического метода писательницы. В этом нас убеждает переписка Элизы Ожешко с украинским революционным демократом Иваном Франко.

Вслед за Франко Элиза Ожешко выступила в защиту социального и национального освобождения украинского народа и поддержала писателя в его борьбе за единый, общенациональный украинский язык, за укрепление общенационального языка как мощного фактора развития национальной культуры.

«Если бы мы могли объединиться, — писала она Франко, — из нас бы получилось очень серьезное и хорошо вооруженное для борьбы меньшинство».

Во время работы над романом «Хам» (из жизни белорусского крестьянства) Элиза Ожешко познакомилась с Ф. Богушевичем, который впоследствии стал выдающимся поэтом демократического направления белорусской литературы, основоположником ее критического реализма. Она первая поняла, чем является этот «красивый талант» в деле развития белорусской национальной культуры, и потому считала необходимым «призывать его к работе в этом направлении».

* * *

Повести Элизы Ожешко о белорусском крестьянстве в середине прошлого века следует рассматривать в связи с той общественной борьбой, которая велась тогда демократами против реакционного лагеря по вопросу о белорусском народе.

¹ Оригинал на польском языке хранится в архиве Салтыкова-Щедрина в ИРЛИ (Пушкинский дом).

² List Elizy Orzeszkowej do literatów rosyjskich zapraszających ją na obchód Mickiewicza w Petersburgu. Kr., 1898.

³ «Русские ведомости», 1908, № 207, стр. 2.

Националистические польские деятели, вроде Я. Чечотта и А. Рупинского, еще в 40-х годах XIX в., а затем фольклористы и писатели шляхетского лагеря (В. Коротынский, В. Вериго-Даревский) в 50—60-х годах выступили как сторонники колонизации Белоруссии. Они вели идеологическую борьбу за отрыв белорусского народа от родственного ему русского народа, стремясь лишить его национальной самобытности и приобщить к шляхетско-польской культуре.

Отрицая самобытность белорусского народа, славянофильский офицер «День» противопоставил притязания русского самодержавия польско-националистическим. После подавления восстания 1863 г. самодержавие проводило в Белоруссии беспощадную политику «обрусения», направленную на уничтожение национальной культуры белорусского народа. И только русские революционные демократы Герцен, Чернышевский, а также их ученик белорусский революционный демократ К. Калиновский, возглавивший крестьянское движение в Белоруссии с 1863 г., поставили вопрос о национальном и социальном освобождении Белоруссии. Выступая в защиту национально-освободительной борьбы поляков в 1863 г., Герцен вместе с тем осуждал националистические тенденции в вопросе о Белоруссии. Он требовал «полной самостоятельности всякого народа располагать своей судьбой»¹. Добролюбов, в свою очередь, призывал раскрыть «трудами местных писателей»² могучие, но еще дремавшие силы белорусского народа.

Элиза Ожешко в своих художественных произведениях показала жестокую правду жизни современной ей белорусской деревни, национальный облик белорусского крестьянства, самобытность его языка и национальной культуры. Это было художественно-литературным решением важного политического вопроса. Новизна повестей Э. Ожешко о белорусских крестьянах заключалась не только в «белорусской» теме, как утверждала польская буржуазная критика, но и в способе трактовки темы и в самом творческом методе писательницы. В них нашли отражение ненависть к угнетателям, стремление к лучшей доле и стихийная борьба крестьянских масс Белоруссии.

Разрабатывая тему о крестьянстве, Э. Ожешко на новом историческом этапе утверждала лучшие традиции отечественной литературы, отражавшей коренные интересы народных масс. В демократической линии развития крестьянского вопроса в польской литературе главное место Ожешко отводила «первому по гению» А. Мицкевичу, поставившему в «Пане Тадеуше» вопрос об освобождении крестьян. Эта прогрессивная идея о свободе и счастье народа, как указывает она, была продолжена в 40—50-х годах XIX в. поэтом-демократом Л. Кондратовичем (Сырокомлей), а затем Б. Прусом, М. Конопницкой и др. Эта же идея легла в основу творчества самой Элизы Ожешко.

В 1883 г. она закончила лучшую повесть из белорусского цикла — «Низины». Жизнь сельского пролетария, батрака, лишённого земли и хлеба, занимающего самую низкую ступень общественной лестницы в буржуазном государстве, — вот основная тема повести, а не любовный мелодраматический конфликт между экономом и обманутой крестьянкой, как утверждала буржуазная польская критика. «Низины» — это не только повесть о батраках деревни Гринки — деревни, типической

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVI. Под ред. М. К. Лемке, М., 1921, стр. 389.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II. Госполитиздат, 1935, стр. 261.

для Белоруссии 80-х годов, но и повесть об обществе, основанном на принципах социального неравенства, классовых противоречиях между «верхами» и «низами».

«Низины» — значительный шаг в развитии польского критического реализма. В исторически правильной перспективе Ожешко изобразила взрыв стихийного протеста белорусского крестьянства против помещичьего гнета. Критика нового, пореформенного уклада и протест против порабощения даны здесь с позиций беднейших слоев крестьянства и батрачества.

Стихийное движение белорусского крестьянства в 70-х—начале 80-х годов еще не было связано с рабочим движением. Крестьяне борются против «сервитутов», ведут судебные тяжбы с помещиками, ищут «мужицкой правды» в рамках существующей законности. Отражая правду жизни, Элиза Ожешко не находит выхода, не находит решения крестьянского вопроса. Но большая сила идейного воздействия повести заключается в ее художественных обобщениях.

Стихийный протест крестьянства, ограбленного помещиками, задавленного тяжелыми выкупными платежами и большими налогами в царскую казну, появление капиталистического хищника и торжество денег в деревне, разложение под их влиянием патриархальных устоев, соперничество в борьбе за землю, нищета одних и богатство других — такой предстает пореформенная деревня в «Низинах».

Тема «власти земли» органически связана в повести с темой социального протеста. В углубленной разработке картины социально-экономических отношений крестьян пореформенной деревни, в правдивом объяснении крестьянской жизни условиями земледельческого труда произведения Элизы Ожешко перекликаются с циклом очерков Г. Успенского «Власть земли» (1882).

В повести широко использован прием контраста. Миру стяжателей противопоставлены образы батраков — Кристины, ее сыновей, Ясюка с семьей. Подневольный труд, порабощающий человека, является их уделом. С другой стороны, мнимый «адвокат» Капровский, мечтающий о «высшем свете», эконоом Багрович, отставной солдат Миколай — все это «экономические хищники» новой эпохи, характеристика которых основана на правдивом изображении их морального и социального ничтожества. «Адвокат» Капровский основывает свою деятельность на звериных законах «борьбы за существование». Его развязное поведение в сочетании с вульгарно-книжной речью раскрывает интеллектуальную ограниченность «адвоката».

Характеристика образов людей из народа основана на умелом использовании устного творчества белорусского народа. Так, монологи Кристины построены на свободной импровизации свадебных песен и причитаний, которые своим синтаксическим строем и ритмом, а также системой образов раскрывают глубину переживаний батрачки. Органически слитые с характерными чертами последней, эти монологи являются своеобразным документом для познания жизни белорусского крестьянства в прошлом.

Несколько позже Элиза Ожешко выступила с очерками «Люди и цветы по берегам Немана» (1888—1893), которые направлены против лживых представлений польской шляхты о глупости и ограниченности белорусского крестьянства. В ее очерках, как и в трудах белорусских этнографов-фольклористов (П. Шейна, Е. Романова), нашли выражение прогрессивные взгляды на культуру белорусов. В них она привела шедевры устного народного творчества, раскрывающие духовное богатство и чувство прекрасного у белорусов. Неоспоримым доказательством этого

являются лирическая народная песня и баллада, поэтические названия растений.

Типичность характеров, национальную специфику жизни белорусской деревни писательница оттеняет введением в языковую ткань повести отдельных белорусских слов, идиоматических выражений, пословиц и поговорок. Язык героев повести «Низины» индивидуализирован, передает особенности их характеров, мировоззрения, всего их национального облика.

Идейное содержание и система художественных образов, мастерство психологического анализа языка убеждают в том, что «Низины» — реалистическая социально-бытовая повесть. Она звучит обвинительным актом против общественного строя, который обрекал миллионы крестьян на голод и нищету.

С повестью «Низины» тематически связан рассказ «Эхо» (1884), в котором писательница создала образ народа-мстителя. Она показала, что в сознании белорусского народа нет места для реакционной идеи «классовой гармонии». Народ ненавидит своих угнетателей, он не может простить и забыть многовековое рабство.

Стремясь к всестороннему изображению народной жизни в художественных произведениях, Ожешко предполагала в середине 80-х годов издать специальный сборник крестьянских повестей и рассказов.

В 1885 г. она закончила повесть «Дзюрдзи». В новом произведении писательница выступила против косности в сознании крестьянских масс. Белорусская деревня, не освободившаяся от «идиотизма деревенской жизни», от патриархальной тупости и суеверий, выработанных веками крепостничества, широко очерчена в повести «Дзюрдзи» с социально-психологической и этнографической стороны.

Повесть направлена как против тенденциозно утрированного изображения народа, так и против его сентиментально-идиллической трактовки, которую мы находим у эпигонов польского романтизма. Сюжет повести вставлен в рамку из пролога и эпилога, в которых изображен суд. Совершается «правосудие» над крестьянами по имени Дзюрдзи, убившими «ведьму». Осуждая факт убийства как тягчайшее преступление, Ожешко раскрывает трагизм положения осужденных крестьян, не видящих преступления в уничтожении «ведьмы». Убийство «ведьмы» в понимании крестьян было вполне оправдано, оно было следствием суеверных представлений. Писательница всем содержанием произведения приходит к выводу о положительной сущности человека, о его врожденной способности к добру, о формировании характера человека в зависимости от условий жизни, она утверждает, что обнажаемые ею уродливости были привиты народному сознанию тяжелым историческим прошлым, веками угнетения и что в обстановке порабощения, нищеты рождалась фаталистическая вера крестьянства в «судьбу», в колдовство, в «нечистую силу».

В суевериях деревни прошлого коренится причина гибели Петруси, талантливей, богато одаренной натуры, олицетворяющей народный разум, носительницы устного поэтического творчества. Образ Петруси построен на мастерском использовании народно-песенного и балладного творчества. Однако, овладевая изобразительными средствами устного народного творчества, Элиза Ожешко никогда не подражала готовым образцам. Фольклорно-песенный образ девушки-сироты, «девушки-калины» и мрачную белорусскую балладу о тяжелой женской доле она использует для конкретного раскрытия социального содержания. Расслоение охватило белорусскую деревню. Группа кулаков во главе с Петром

Дзюрдзей вершит судьбы «громады». Они являются носителями косности, суеверий, разжигают травлю против «ведьмы» Петруси — в прошлом сироты-беднячки. В реалистически потрясающем эпизоде, когда Яков Сушка и Шимон Дзюрдзя, доведенные нищетой до полного отупения, готовы просить помощи у «нечистой силы», Ожешко дает характеристику нищенской жизни малоземельного крестьянства. Подлинная жизнь белорусов, с их историческими традициями, этнографией, фольклором, вошла в повесть. Всем развитием образов (Петруси, Дзюрдзи, Сушки и др.) Ожешко показывает зависимость сознания человека от бытия, с изменением которого изменяется и сам человек. В этом произведении она выступает против пережитков крепостного права в отношениях людей и в их психологии.

* * *

Роман «Хам», как и роман «Над Неманом», вышедший в 80-х годах, свидетельствует о том, что Ожешко поднялась на высокую ступень критического реализма. Критику существующей действительности она сочетает с поисками и утверждением положительных начал, с утверждением положительного героя из народа и тех общественных сил, которые поддерживают народ.

Польская поэзия в лице А. Мицкевича, Ю. Словацкого создала образ борца-патриота, активного участника шляхетского национально-освободительного движения, а также реальные предпосылки для дальнейшего развития образа положительного героя как категории исторической, обусловленной прогрессивным идеалом времени.

Опираясь на предшествующие гуманистические традиции, передовые польские писатели — представители критического реализма, как Э. Ожешко, Б. Прус, М. Конопницкая, обратились к поискам положительного героя из среды трудящихся масс.

В противовес шляхетско-католическому идеалу (выраженному в некоторых произведениях Сенкевича) Ожешко создает яркие образы представителей белорусского народа, пробуждающегося к борьбе против социального зла. Но ограниченность демократизма Ожешко заключалась в том, что, показав необходимость изменения существующей действительности, она не смогла подняться до идеи социальной революции как единственной возможности уничтожить порабощение и угнетение человека (рассказ «В зимний вечер», 1887).

Либерально-буржуазная критика утверждала, что христианское терпение, идея толстовского «непротивления злу насилием» наиболее полно воплощены в романе «Хам». Она называла героя романа, Павла Кобыцкого, «программным мужиком», «святым мужиком», «грядущим хамом», утверждая, что все человеческие качества, присущие Павлу, якобы совершенно отсутствуют у крестьян.

Самое название романа является выпадом против сословной кичливости шляхетско-буржуазной верхушки, которая считала трудящийся белорусский народ «быдлом» и «хамом». В образе Павла Кобыцкого писательница раскрыла духовное богатство, разум и могучие, еще дремлющие, потенциальные силы белорусского народа. В романе намечены две сюжетные линии: наряду с утверждением духовной красоты народа (Павел) писательница показывает искажение человеческой личности в условиях капиталистической действительности (Франка, Марцыся). Положительному герою из народа противопоставлены женщины социального дна, горничная Франка и нищая Марцыся. Автор стремится к реалистическому изображению характеров как социально противоположных

психологий. Лакейская психология Франки и Марцуси, лишенная здоровых основ человеческой морали, как и проституция, — явления социального порядка.

В романе «Хам» образ белорусского крестьянина создается в процессе формирования его сознания.

Уход безземельного крестьянина Павла от мира социального зла в мир природы является своеобразной формой пассивного протеста против существующей действительности. Но отделить себя от общества Павлу не удалось. В результате столкновения с Франкой он поставлен перед сложнейшими противоречиями буржуазного общества. Ненависть и презрение Павла к господствующим классам, его стремление к устройству человеческого общества на высоких нравственных началах свидетельствуют о протесте, созревающем в недрах белорусского крестьянства против существующего несправедливого строя. Однако в его борьбе против угнетения и разложения личности в буржуазном обществе частично нашел отражение идеализм писательницы, ее ложная концепция о том, что путем воздействия на общественное сознание и изменения его возможно уничтожить социальное зло. Писательница решает этот вопрос абстрактно, «допускает, — как говорит Ленин о Толстом, — только точку зрения „вечных“ начал нравственности»¹, не понимая, что в классовом обществе путь уничтожения социального зла только один — классовая борьба.

Определение типического как политической проблемы, как основной сферы проявления партийности в реалистическом искусстве позволяет раскрыть и сильные и слабые стороны творчества Элизы Ожешко. Ее роман «Хам» в конечном итоге является социально-психологическим романом, в котором сила реалистического мастерства писательницы направлена на изображение духовного богатства белорусского крестьянства, на утверждение народа как положительного героя. Этот роман показывает, что передовая польская писательница активно вмешивалась в жизнь и содействовала процессу утверждения демократических идей.

Постановка актуальных вопросов эпохи, типизация образов и явлений действительности, яркая портретная живопись, лиризм пейзажных зарисовок белорусских земель, индивидуализация языка героев, мастерское сочетание элементов живого народного языка с литературным польским языком, пародийно-сатирическое изображение людей, оторвавшихся от народа, — все это свидетельствует об усвоении Элизой Ожешко лучших традиций отечественной польской литературы и передовой школы русского критического реализма, наиболее яркими представителями которой были Толстой, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский.

Творчество Элизы Ожешко, в особенности ее произведения о крестьянстве, оказало огромное влияние на последующее развитие польской литературы и ее выдающихся представителей — С. Жеромского, В. Реймонта, Л. Кручковского.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 30.

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

В июне 1954 г. состоялось расширенное заседание Ученого Совета Института славяноведения, посвященное десятилетию установления народно-демократического строя в Польше. Кандидат исторических наук Ф. Г. Зуев выступил с докладом «К вопросу о возникновении и развитии строя народной демократии в Польше». Докладчик остановился на теоретических проблемах народной революции в Польше. Кандидат экономических наук П. В. Галенко в своем докладе «Строительство основ социализма в Польской Народной Республике» охарактеризовал экономические достижения польского народа за десять лет народной власти. Заместитель директора Института П. А. Хренов поделился своими впечатлениями о поездке в Польшу в связи с обсуждением польскими историками II и III томов «Истории Польши», подготовляемой Институтом славяноведения.

В октябре состоялось расширенное заседание Ученого Совета, на котором выступил директор Института П. Н. Третьяков, заведующий сектором истории С. А. Никитин и старший научный сотрудник Л. Б. Валев с сообщением о поездке в Болгарию в связи с обсуждением в Болгарской Академии Наук I тома и рукописи II тома «Истории Болгарии».

Как сообщили выступавшие, во время обсуждения этого труда в Болгарии было выявлено полное единодушие советских и болгарских ученых в вопросе о периодизации истории Болгарии, а также в вопросе об этапах развития народной демократии в Болгарии.

На одном из заседаний Ученого Совета П. Н. Третьяков и С. В. Никольский сделали сообщение о их поездке в Чехословакию на научный конгресс, посвященный межславянским связям.

Сектор истории. Сектор истории Института славяноведения подготовил и сдал в Издательство I том «Истории Чехословакии». В секторе продолжается работа над III томом «Истории Польши», II и III томами «Истории Чехословакии».

Завершение работ над обобщающими трудами по истории братских славянских стран народной демократии позволило ряду сотрудников сектора приступить к написанию монографических исследований. Сотрудники сектора работают над проблемами революционного движения в Польше и Болгарии в 1905—1907 гг., русско-польских революционно-демократических связей 70—80-х годов XIX в., крестьянской реформы 1864 г. в Царстве Польском, освободительного движения на Балканском полуострове в XV—XVIII вв. Большое внимание уделяется разработке проблем строительства социализма в славянских странах народной демократии. Л. В. Разумовская закончила работу над монографией «Очерки по истории польских крестьян с древнейших времен до конца XIV в.». Наряду с обсуждением глав обобщающих трудов по истории славянских стран народной демократии, на заседаниях сектора ставились доклады о новых работах чехословацких и польских историков.

Первой попыткой такого рода был доклад Г. Э. Санчука «Крестьянская война в Чехии XV в. в новых работах чехословацких историков», а также сообщение И. И. Костюшко о книге польского историка Ст. Кеневича «Крестьянский вопрос в восстании 1863 г.».

Связи и сотрудничество советских историков с историками Чехословакии, Польши и Болгарии все более расширяются и укрепляются.

На заседании сектора истории чехословацкий историк Ф. Грауса сделал доклад на тему: «Классовая борьба в чешской деревне в XIV—начале XV в.».

Советские историки обсудили проспект учебника по истории Польши, который составил коллектив Института истории Польской Академии Наук.

Об укреплении научных связей свидетельствуют также поездки ряда сотрудников Института в Польшу, Болгарию, Чехословакию и ответные визиты зарубежных ученых в СССР.

В течение 1954 г. сектор истории обсудил и рекомендовал к защите ряд кандидатских диссертаций. Диссертация Г. Ф. Сухомлиновой «Образование самостоятельного Чехословацкого государства в 1918 г.» посвящена вопросу, который буржуазная историческая наука пыталась всячески исказить и фальсифицировать.

Тесно примыкает к ней диссертация В. В. Марьиной «Словакия в годы послевоенного революционного подъема (1918—1923 гг.)», в которой освещается революционная борьба трудящихся Словакии и влияние Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение в стране.

В диссертации Н. И. Хитровой «Социально-экономическое развитие Черногории в конце XIX—начале XX в. и конституция 1905 г.» дана широкая картина экономического и политического развития Черногории в период становления капиталистических отношений в стране.

Диссертация В. С. Харигоновой «Борьба трудящихся масс Польши за установление народно-демократического строя (1944—1945 гг.)» посвящена начальному периоду строительства социализма в народно-демократической Польше. В ней показывается борьба польского народа во главе с рабочим классом, руководимым ППР, за установление власти трудящихся, за проведение коренных социально-экономических преобразований.

Диссертации защищены в Институте истории АН СССР.

Сектор славянских литератур. Сектор славянских литератур ведет работу по общим и отдельным проблемам литературы Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии, а также по межславянским литературным связям. В 1954 г. сектор продолжал работу над коллективным трудом «Очерки по истории болгарской литературы», а также по отдельным темам, характеризующим литературу критического реализма западных и южных славян. Начата разработка ряда тем по современной литературе социалистического реализма в славянских странах народной демократии (например, «Образ положительного героя в литературе народно-демократической Польши», «Борьба за принципы социалистического реализма в современной чешской поэзии»).

К празднованию юбилея великого польского поэта Адама Мицкевича сотрудником сектора И. К. Горским подготовлен к печати научно-популярный очерк «Адам Мицкевич», а сотрудником Б. Ф. Стахеевым «Адам Мицкевич и передовая русская общественность».

Сектор обсудил и рекомендовал к защите диссертацию Р. Ф. Кюссе «Поэзия Иована Иовановича Змая» — прогрессивного сербского поэта середины XIX в., одного из основоположников сербского реализма.

За истекший год значительно усилилась связь сектора с научными учреждениями и литературоведами и писателями зарубежных славянских стран (в частности, были организованы встречи с польскими литературоведами Г. Маркевичем, Т. Мигульским, литератором Я. Ивашкевичем, с болгарским писателем Л. Стояновым, чехословацкими писателями Я. Дрды, М. Майеровой и югославскими писателями М. Франичевичем и Д. Госичем и др.).

С. В. Никольский выезжал в Чехословакию для участия в конференции по межславянским историческим и культурным связям, на которой сделал доклад «Представители русской революционной общественности XIX в. — сборники дружбы славянских народов», а также ознакомился с работой литературоведческих учреждений Чехословацкой Академии Наук.

Сектор языкознания. В 1954 г. в секторе языкознания завершена коллективная работа над монографией «Творительный падеж в славянских языках» (рук. проф. С. Б. Бернштейн). Продолжается работа над монографиями «Вид и время славянского глагола» (рук. проф. П. С. Кузнецов), «Вопросы исторической фонетики славянских языков» (рук. проф. Р. И. Аванесов) и темой «Основные вопросы болгарской грамматики» (рук. проф. С. Б. Бернштейн).

Кроме того, начат ряд новых работ, в частности по славяно-балтийским языковым отношениям, по исторической фонологии польского языка. Разрабатывается проспект работы «Очерк сравнительной грамматики славянских языков». В план сектора включены также популярные работы о значении русского языка в развитии национальных славянских языков, в том числе брошюра К. И. Ходовой «Языковое родство славянских народов».

Сектор языкознания обсудил и рекомендовал к защите диссертации Е. И. Деминой и З. Н. Стрекаловой. Диссертация Е. И. Деминой «Значение и употребление пропедических времен в болгарском языке XVII—XVIII вв.» была защищена в декабре 1954 г. в Институте языкознания АН СССР.

Диссертация З. Н. Стрекаловой «Словообразование глаголов движения в современном польском языке» посвящена внутриглагольному словообразованию глаголов движения.

В течение 1954 г. также защитили диссертации сотрудники сектора П. Х. Иванова, И. Е. Можаява, Н. И. Толстой.

Сектор языкознания поддерживает постоянную связь с Институтом языкознания АН СССР. Сотрудники Института языкознания руководят разработкой отдельных научных тем (проф. Р. И. Аванесов и проф. П. С. Кузнецов), принимают участие в обсуждении докладов, в рецензировании работ, выполненных сотрудниками сектора. В свою очередь, сотрудники сектора славянского языкознания Института славяноведения участвуют в рецензировании трудов Института языкознания и в научных сессиях, проводимых Институтом языкознания.

Сектор обменивается научной информацией с Институтом болгарского языка Болгарской Академии Наук. По просьбе этого института сектор выслал ему материалы по диалектологическому атласу и рецензию на диалектологический вопросник, составленный Ст. Стойковым.

Директор Института болгарского языка акад. В. Георгиев выступил на расширенном заседании сектора с докладом о состоянии болгарского языкознания, а также принял участие в обсуждении доклада Е. В. Чешко «К дискуссии о падежах в болгарском языке».

Сотрудники сектора, по просьбе Института болгарского языка, написали статьи для юбилейного сборника, посвященного акад. Т. Балану.

В. С. Харитонова

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
СТАТЬИ	
В. И. О в ч а р о в. Успехи польского народа в строительстве социализма	3
И. Н. М е л ь н и к о в а. К характеристике экономического развития Чехословакии в годы частичной стабилизации капитализма (1924—1929)	21
Н. И. К р а в ц о в. Русско-украинские литературные связи	34
В. Д. С а в и ц к и й. Произведения А. П. Чехова в Чехословакии	67
Д. Ф. М а р к о в. О характере противоречий в творчестве Пенчо Славейкова.	75
РЕФЕРАТЫ	
В. И. Г а п о в а. Произведения Элизы Ожешко о белорусском крестьянстве	105
Х р о н и к а	
В Институте славяноведения АН СССР (<i>В. С. Харитонова</i>)	115

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Н. М. Терешкович*.
Технический редактор *Е. В. Макуни*
Корректор *В. Н. Стаханова*

РИСО АН СССР № 51—74В. Т-05905. Издат.
№ 998. Типографский заказ № 102. Подп. к печ.
1/VII 1955 г. Формат бум. 70×108 ¹/₁₆. Печ. л.
7,5-10,27. Уч.-издат. л. 9,8. Тираж 2000.

Цена 5 р. 90 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва Б-69, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография
Издательства Академии наук СССР,
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12